В. Л. ОБУХОВ

Памяти моих родных,
выстоявших Блокаду
и победивших,
посвящается

МЕНЯ ВОСПИТАЛА БЛОКАДА

(Герои, музыка и природа в блокадном Ленинграде)

Издание пятое, дополненное

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2019

О 26

Автор выражает сердечную благодарность жителям блокадного Ленинграда, а также их детям: Л.И. Сугаковой, В.Н. Номоконову, Л.Н. Захарову, Т.А. Мелеховой (Кутьиной), А. Вассоевич, В.В. Тарасову, А.М. Матвееву, К.Н. Беловой, А.П. Павловой, Г.М. Степановой, И.А. Богачевой, И.А. Светлосановой, И.К. Неждановой, Г.Х Ялышевой, М.В. Величко, Л. Тютюнниковой – помогавшим советами и своими воспоминаниями воссоздать объемную, панорамную картину жизни в блокированном городе.

Выражаю также благодарность всем читателям, высказавшим добрые слова в адрес книги.

Обухов В. Л.

О 26 **Меня воспитала Блокада.** СПб.: ХИМИЗДАТ, 2019. – 152 с. ISBN 978-5-4334-0417-5

Книга «Меня воспитала Блокада» написана в сложном – мемуарно-художественно-публицистическом жанре, позволяющем не только более объемно описать события блокадного Ленинграда, но и развернувшуюся полемику вокруг тех событий сегодня. Цель книги – воспеть величие подвига жителей блокадного Ленинграда – единственного города в мировой истории, не только выдержавшего многолетнюю осаду, но и одержавшего победу. Основное внимание в этой книге уделено культуре и искусству блокадного Ленинграда, их роли в великом подвиге защитников города.

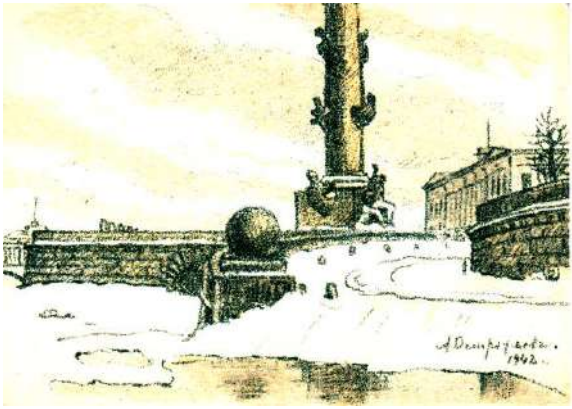
© В. Л. Обухов, 2019

ISBN 978-5-4334--0417-5

ВВЕДЕНИЕ. Зачем написана эта книга?

История человечества знает лишь три случая многолетней осады города: Троя, Карфаген и Ленинград. Причем, Троя и Карфаген пали, а Ленинград – единственный город в мировой истории, который не только выдержал блокаду, но и победил.

Историческая справка



А. П. Остроумова-Лебедева.
«Ростральная колонна». 1942 год

26 января 2014 года, в дни 70-летия полного освобождения Ленинграда от Блокады[1] прозападная интернетовская телестудия «Дождь» обратилась к зрителям с провокационный вопросом: «Надо ли было защищать Ленинград или лучше было сдать его немцам, чтобы сохранить жизни?» И самое страшное, что не только писатель В. Ерофеев, но и около 54 % зрителей этого канала ответили, что лучше было бы город сдать врагу.

Вот тогда мне и захотелось сесть и написать свои воспоминания. Что может сказать нового человек, переживший Блокаду в детсадовском возрасте? Ведь мы, дети Блокады, были не участниками, а всего лишь свидетелями событий. Но вполне может быть, что мои воспоминания, отличающиеся от воспоминаний других блокадников, явятся необходимым камнем в Храме истории Блокады, без которого этот Храм был бы неполным. Ведь недаром говорят, что устами младенца глаголет истина.

Текст книги иллюстрируют фото из семейного архива, а также репродукции картин блокадных художников.

---

[1] Подобно тому, как кремль пишется с маленькой буквы, а Московский– с большой, Блокада Ленинграда также должна писаться с большой буквы.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

РОДОМ ИЗ ПЕТРОГРАДА

Метрическое свидѣтельство о рождении.

Нам только кажется, что все мы связаны с современным временем. Это иллюзия!

Мы гораздо больше связаны с прошлым, с историей, чем с окружающей нас действительностью.

А. Сокуров

Мать моя – Курчевская Ванда Петровна – родилась в конце 1914 года в Петрограде. В самом начале Первой мировой войны, 31 августа 1914 года, на волне патриотического подъема Николай II переименовал столичный град на русский манер. Во время перестройки встал вопрос о переименовании города Ленинграда, и первое решение, тогда возникшее – вернуть ему имя Петрограда, данное городу русским императором. Но Запад был против возвращения русского названия городу, и ему в вопросе переименования города активно помогала потерявшаяся интеллигенция.

Помню, как академик Д. Лихачев, называемый «совестью нации», мягким голосом внушал, что Петербург не является немецким названием, поскольку по-немецки город называется Санкт-Петерсбург. Действительно, если обратиться к истории, то мы узнаем, что при рождении город получил название Sankt-Piter-Burch, имитировавшее голландское произношение Sint-Petersburg, поскольку Петр именно Голландию считал наиболее продвинутой страной. Название Санкт-Питер-Бурх (или Санкт-Питербурх) позже – при императорах немецкого происхождения, сменилось на близкое к немецкому Sankt Petersburg – Санкт-Петербург. Не случайно Гитлер настаивал именно на таком названии города.

По мнению профессора В.Б. Сапунова названия столицы и пригородов не на русском, а на немецком языке выглядит довольно нелепо, поскольку кроме России лишь в некоторых странах Африки давали названия своим городам не на родном языке, а на языке колонизаторов[2]. Если Романовы-немцы легко отказались от петровского, голландского названия, то почему нам, русским, так же легко не отказаться от немецкого? Здесь надо учитывать, что Петр дал название городу не в свою честь, а в честь святого Апостола Петра, в связи с чем в названии присутствует слово «Санкт» (святой). Если же мы хотим, чтобы город назывался не в честь Апостола, а в честь царя-основателя, тогда он, безусловно, должен называться Петроградом – градом Петра. Именно так этот город иногда величала Екатерина II.

Немецкие названия, притом, без всякой привязки к традициям, были даны и пригородам: Шлиссельбург, Кронштадт, Ораниенбаум, Петергоф. Рассмотрим нелепость этих названий на примере Шлиссельбурга. Земли нынешней Ленинградской области входили в состав Новгородского княжества. Здесь находится остров, с древних времен получивший название Ореховый, из-за обилия произраставшего на нем лесного ореха. Город был основан новгородским князем Юрием Даниловичем, внуком Александра Невского, в 1323 году, заложившим на острове деревянную крепость, названную по имени острова Орешек. После сожжения крепости шведами в 1353 году новгородцами деревянная крепость была заменена каменной. После подчинения в 1478 году Великого Новгорода Московскому государству старая крепость была разобрана и построена новая мощная каменная твердыня. Неоднократные попытки шведов в XVI веке штурмовать крепость заканчивались для них неудачей. Лишь в мае 1612 года, воспользовавшись Смутным временем, после девятимесячной осады шведы захватили Орешек, переименовав его в Noteburg (Note – орех, Burg – крепость, город). Девяносто лет спустя город был отвоёван у шведов Петром I, который дал городу и крепости название Шлиссельбург. Это чуждое немецкое название оказалось более безжалостным к традиции, чем то, которое дали шведские завоеватели: те хотя бы сохранили в названии города исконное слово «орех».

В 1941-43 гг. воины Красной Армии 500 дней и ночей мужественно защищали крепость от жесточайших обстрелов противника. Вот как описывает этот обстрел немецкий офицер: «Вот уже сутки стоит красная туча над крепостью. Десятки наших тяжелых орудий бьют по ней беспрерывно. Из-за этой тучи нам не видно стен.

---

[2] *Сапунов В.Б.* Сказ о том, как царя Петра выгнали с работы./ Альманах «Ключъ», вып 8. СПб., 2015. С. 91.

Сплошной гром. Мы оглохли от этого шквала. А как они? Во всяком случай я не хотел бы быть на их месте... Русские открыли огонь из крепости. Кажется, их еще больше стало. Не поднять головы, их пули поджидают нас на каждом шагу. Как им удалось уцелеть?»[3] То, что крепость не была сдана врагу, сыграло важную роль при прорыве Блокады Ленинграда. И совершенно закономерно, что в 1944 году мы отказались от немецкого названия, назвав город и крепость Петрокрепостью. Но в 1994 году, когда в результате «Перестройки» мы в известном смысле попали в зависимость от Запада, городу было возвращено его немецкое название, что было явной пощечиной в адрес защитников этой крепости от немецких захватчиков. Мы должны для себя уяснить, что нам важнее: великие деяния наших предков, на протяжении многих веков возводивших на Ореховом острове крепость и город Орешек, защищавших северные рубежи нашего отечества и выход к Балтике, или постыдное присвоение Петром славному русскому городу чуждого для него названия?

Я стараюсь взвешенно относиться к деяниям Петра. С одной стороны, Петр I заслуженно назывался Великим, поскольку он разгромил Карла XII, перед которым трепетала Европа, он вернул России ее исконные земли, под его руководством был построен город на зависть всей Европы. Но, с другой стороны, Петр часто проявлял себя как самодур, и у него была аллергия на отечественную историю и культуру: на русскую одежду, вместо которой он требовал носить голландскую, на русскую традицию ношения бороды и даже – на русский язык, поскольку Петр ввел унизительный обычай общаться знати на иностранных языках. Кстати, обычай этот в определенной мере соблюдается и поныне. Сперва элита общалась между собой на голландском языке, чуть позже – на немецком, еще позже – на французском, а сегодня – на английском. Прошедший недавно Год Русского языка оказался профанацией, поскольку по подсчету журналистов в обычной средней школе на английский язык отводилось больше часов, чем на русский. Неслучайно проведенное недавно демонстрационное ЕГЭ по литературе среди журналистов ведущих российских СМИ показало, что ни один из них не получил оценки выше «хорошо», а 33% получили «неуд».

При подготовке третьего издания книги я поинтересовался: была ли в Европе еще хоть одна страна, где элита общалась не на родном языке, а на языке чужого государства. Оказывается, одна была – это Болгария XIX века, когда элита общалась между собой на греческом языке. Но это был акт благодарности грекам за то, что они выкупали болгар, попавших в турецкий плен, и давали им свободу. А у нас за что царь проявил такое неуважение к своему «вели-

---

[3] *Куртов А.* Устояли! АиФ, № 50. 2014.

кому, могучему, правдивому и свободному русскому языку» (И. Тургенев)?

Почему в книге о Блокаде столько внимания уделено Петру? Потому, что нельзя говорить о Блокаде, не учитывая той полемики, которую вокруг нее развернули «либералы», которые так же, как и Петр, явно пренебрежительно относятся ко всему отечественному и с восторгом – ко всему западному.

Была у царя аллергия и на русских женщин. Ведь это верх нелепости (или угодничества перед Западом) – ввести обычай, неукоснительно соблюдаемый до конца самодержавия, русским царям брать в жены только немецких невест. Придуманное основание, что царь де не может жениться на своей подданной, не проходит: почему на своей подданной нельзя, а на подданной более мелкого и ничтожного государства – можно? Петр настолько явно отдавал приоритет всему немецкому, что совсем неслучайно возникли предположения, будто немцы подменили царя своим человеком во время Великого Посольства, либо вынудили его заключить с ними тайное соглашение, по которому он обязался интересы Германии ставить выше интересов России, либо, что более вероятно, Петр явился искалеченным продуктом воспитания Немецкой слободы, переняв от нее неприязненное отношение ко всему русскому и восторженное – к немецкому.

Название Петроград не есть изобретение Николая II, ведь так часто называли город лучшие представители российской интеллигенции еще в конце XVIII – начале XIX века. Вспомним строчки из незаконченной поэмы Пушкина «Езерский»:

Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал...

Год спустя в поэме «Медный всадник» вновь встречается это название города:

Над изможденным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.

До Пушкина это название города использовал К. Батюшков:

В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут...

(«Послание А. И. Тургеневу», 1817)

Петроградом называли город К. Рылеев, Е. Баратынский, С. Шевырев, П. Вяземский и, наконец, пальму первенства в использовании этого возвышенного, церковно-славянского названия города

молва приписывает Г. Державину. Все это не мог не знать царь, покусившийся на петровское название города, и это было с восторгом встречено общественностью (за исключением либеральной части, но на то они и либералы!).

Столичная газета «Петербургские ведомости» откликнулась на это событие статьей «Русскому народу – русская столица». Переименование воспринималось передовой частью русской общественности как окончание двухсотлетнего ученичества у Запада, в которое нас отдал Петр I, как победа русского мира над миром германским, с которым у нас на протяжении почти всей истории идет борьба на выживание. Экстренный выпуск «Биржевых новостей» писал в тот день: «Кончился петербургский период нашей истории с его немецким оттенком... Ура, господа!»[4]

И кто мог подумать, что всего 80 лет спустя западный мир вновь одержит победу над русским миром и городу вернут его немецкое название. В 90-е годы в наш язык, как и в эпоху Петра, приходилось по 2–2,5 тысячи заимствований новых иностранных слов в год, и мы снова пошли на ученичество к Западу. Сейчас, в условиях обострения отношений с Западом, в связи с ростом самосознания Русского, славянского мира, когда сербы говорят «Бог – на небе, Россия – на земле», когда польская интеллигенция обращается к России с просьбой возглавить славянский мир в борьбе с тлетворным влиянием Запада, возможно, вновь встанет задача возвращения великому русскому городу русского названия. Кто знает...

Если деятелей культуры XVIII–XIX веков название «Петроград» притягивало в силу своего возвышенного, церковно-славянского звучания, то для наших поколений это название ассоциируются, прежде всего, с Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, которые совсем недавно нашими учеными были объединены под общим названием: Великая Русская революция. Не является ли это дополнительным аргументом для возвращения Великому русскому городу названия, ассоциируемого с Великой Русской революцией, которая как раз в этом городе и происходила? Во всяком случае, я горд, что в свидетельстве о рождении моей матери указано то название города, которое так любил величайший выразитель русской национальной идеи Александр Пушкин.

---

[4] 31 августа 1914 г. чешская диаспора в Петербурге опубликовала следующий текст обращения к русскому населению: «Ныне вполне своевременно и уместно вспомнить почин длинного ряда русских деятелей и мыслителей XVIII и начала XIX веков, которых коробило немецкое название нашей столицы. «Петроградом» же называют нашу столицу все южные и западные славяне, также червоноруссы. Пора исправить ошибку предков, пора сбросить последнюю тень немецкой опеки».

ПОЛЬСКИЕ КОРНИ

Моя бабушка – Шиманская Констанция Игнатьевна, была матерью-героиней, родившей и воспитавшей семерых дочерей: Викторию, Юзефу, Флору, Ванду, Фелицию, Люцину, Изольду. Я хорошо помню всех моих теток. К каждой можно было прийти в любое время, и каждая накормит, отнесется к тебе, как мать. На довоенной фотографии, представленной здесь – мои тети с мужьями. Справа – моя мама, любовно смотрящая на отца. Дед мой – Курчевский Петр Викентьевич, был родом из деревни Марковцы, ныне относящейся к Сморгоньскому району Гродненской области Белоруссии. По семейному преданию род Курчевских переехал в эти края из центральной Польши (не то из-под Познани, не то из-под Кракова) 200-300 лет назад. Практически одновременно с родом Огинских, который также переселился в эти края, но в Залесье.

Я был в имении М. Огинского, которое было построено композитором в 1802 году. К нему ведет длинная, почти с километр аллея, обсаженная деревьями в три обхвата. Таких аллей в России я не видел нигде. Само имение до сих пор сохранилось. Когда-то оно использовалось как Дом для престарелых, но в мой приезд оно стояло заколоченным. Я смог по пожарной лестнице проникнуть в имение и пройти по всем залам, в том числе и музыкальному залу, где, возможно, звучал его знаменитый полонез. В парке, также заложенном им, до сих пор лежат камни с высеченными Огинским текстами. На одном написано по-польски «Славим Костюшко!», на другом – благодарственная надпись в адрес учителя Огинского.

В тех же местах находится деревня Кривляне – бывшая столица когда-то могущественного славянского племени кривичи. В Сморгони местные жители мне показали древний трактир, во дворе которого Наполеон оставил свою коляску, когда он, бросив армию, бежал во Францию. В лесу, недалеко от Марковцев, мне показали холм, под которым, по преданию, хранится зарытый Наполеоном перед бегством клад.

В разросшемся роду Курчевских были и крестьяне, и представители мелкой шляхты. Был один музыкант и даже священнослужитель, притом, высокого ранга: недаром его прах покоится в кафедральном соборе Вильнюса. Прадед мой работал лесничим у местного пана и имел большой добротный дом. Такой большой, что единственный сын деда, упав с крыши, разбился насмерть. Потом, уже в советское время, в этом доме была аптека. Дед занимался крестьянским трудом, пахал землю, а в конце XIX века переехал в Петербург, где во дворе дома 36 по 3-й линии Васильевского острова у его тетки была своя прачечная. Двор дома был проходным и выходил на 4-ю линию. И именно в этом месте в январе 1905 года была построена первая баррикада, в сооружении которой мой дед принимал участие.

Дед работал на острове Голодай на заводе, который потом носил имя Калинина. Он часто рассказывал, как М. И. Калинин все время что-то предлагал и требовал, и рабочий люд, чтобы избавиться от него, постоянно голосовал за продвижение его все выше и выше, т.е. подальше от себя. Таким образом, если верить семейному преданию, совершается реальная возможность достичь высокого поста, вплоть до главы государства.

После Октябрьской революции, когда хозяин дома бежал за границу, мой дед, как отец большого семейства, получил от новой власти его большую квартиру на бельэтаже с видом на 3 линию. Хотя дед и бабушка считались поляками, но они не отличались чистокровностью. Как мне рассказывала моя тетя, Виктория Петровна, бывшая старшей из всех теть, во время ссоры деда с бабкой, она часто слышала, как он говорил ей, что это у нее немецкая кровь играет, а она обвиняла его во французских корнях. Скорее всего, это правда.

От немецкой нации мне передались любовь к немецкой музыке, немецкой поэзии, немецкой философии, а также любовь к порядку, системности, которые зачастую отсутствуют в русской жизни, что вызывает у меня удивление и неприятие. От французской нации я перенял любовь к свободе, персонализм (личность превыше всего!). От польской нации мне передалась повышенная чувствительность к оскорблению собственного достоинства. А от русской – гармоничное сочетание всех указанных черт.

РУССКИЕ КОРНИ

Время перейти к русской нации, носителем которой явился мой отец – Кутьин Борис Дмитриевич. (Я ношу фамилию второго отца, усыновившего меня в семилетнем возрасте).

По семейному преданию, моя бабушка – Елена Михайловна Масленникова, была незаконнорожденной дочерью саратовского князя и его гувернантки. И хотя князь не женился на гувернантке, а отдал ее замуж за мещанина, но, тем не менее, он помог своей дочери – моей бабушке, получить хорошее образование и стать учительницей. Скорее всего, это тоже правда, поскольку бабушка в молодости отличалась необыкновенной красотой и всю жизнь ей было присуще природное благородство во всех поступках. Когда бабушка пошла работать учительницей, на нее обратил внимание учитель, позже ставший директором гимназии – Кутьин Дмитрий Иванович. Вскоре они поженились и шутили по этому поводу: кутья смешалась с маслом. Выше приведена фотография деда и бабушки 1909 года, года их свадьбы.

Дед был талантливым педагогом, написавшим в 1930 году учебник «Педология», сохранившийся в семейном архиве. Вскоре педология была признана антинаучной дисциплиной и лишь пятьдесят лет спустя ряд ученых, и я в том числе, ничего еще не зная про книгу деда, настояли на необходимости восстановления педологии. Вот что говорится о ней в современном энциклопедическом словаре: «Педология – направление в психологии и педагогике, объединявшее биологический, социальный, психологический и другие подходы к развитию ребенка. Распространение педологии в России в 1920-30-е гг. сопровождалось острыми дискуссиями о её предмете, задачах и методах. Многие работы в русле педологии содержали ценный материал по проблемам детства. Официальный запрет педологии в СССР (1936) затормозил становление комплексной науки о детстве»[5]. Если педагогика нацелена быть чистой наукой, – со своей

[5] Терра лексикон. Иллюстрированный энциклопедический словарь. Терра. 1998. С. 433.

системой доказательства, чисто логическими выводами, рациональным построением теории, т.е. основана на разуме, то педология основана на единстве разума и сердца. Она помимо разума привлекает чувства, интуицию, жизненный опыт, импровизацию, индивидуальный творческий подход, что было недопустимо в эпоху господства рационалистического догматизма.

Бабушка родила пятерых детей, но все они, как и дед, в разном возрасте скончались от туберкулеза, притом трое – еще в младенчестве. Именем одного из них, Валерьяна, меня и назвали Валерием. На внуках семейная традиция продолжилась. Не является ли профессия педагога моих бабушки и дедушки определившей, что впоследствии весь род Кутьиных пошел в педагоги? Педагогами стали мои двоюродные брат и сестра по отцовской линии – Герман и Татьяна Кутьины, педагогом стала дочка Германа – Елена Кутьина, педагогом стал и я.

Как мать не была чистокровной полькой, так и отец не был чистокровным русским: у бабушки проглядывались восточные корни. И хотя от матери у меня были голубые глаза и волосы пепельного цвета, за что в детстве получил прозвище неудачного блондина, но у моего сына Елисея, как и у моего отца, глаза карие, а волосы – черные вьющиеся. После окончания Саратовского строительного института отец был направлен в Ленинградский военный округ. В 1937 году приятель пригласил его в семью, где было сразу 7 невест. Когда отец увидел мою маму, он вынул из кармана и порвал фотокарточку своей возлюбленной, сокурсницы из Саратовского института, и, показывая на мою мать, сказал приятелю: она моею будет. Через год, 8 июня 1938 года отмечался очередной день рождения отца. И хотя мать была на сносях, но любовь к отцу пересилила, и она лихо отплясывала в тот вечер. Легли спать полдвенадцатого, а в 12 она говорит мужу, что собирается рожать, Они идут пешком до больницы Отто и через полчаса я появляюсь на свет. Таким образом, мать родила меня, танцуя, и так, пританцовывая, я прохожу всю свою жизнь. Мой отец был очень способный, живой, энергичный человеком и с большим чувством собственного достоинства; не случайно в двадцатитрехлетнем возрасте, когда мама с ним познакомилась, никто не решался называть его на «ты» и по имени, а только на «Вы» и по имени – отчеству. Мама рассказывала, что еще в 1940–41 годах он не раз говорил ей, что если бы Россия, Китай и Индия объединились, то никто бы не посмел на нас напасть. Удивительно, но только сейчас начинает сбываться его пророчество.

От моего рождения до войны остается всего три года. Это значит, что когда война закончилась, мне было 7 лет. То есть вся война приходится на детсадовский возраст, а поскольку это основной возраст для становления личности, и практически все это время я был в

круглосуточном детском саду, постольку название книги не является художественной метафорой, а строго констатирует факт – меня действительно воспитала Блокада.

Подобно тому, как во мне смешались восточные и западные крови, в моем роду смешались самые разные классы и сословия: если один дед был землепашцем, то другой – директором гимназии. Может именно поэтому во мне так органично сочетались материальное и духовное начала, и в молодые годы я, после работы днем дипломированным сварщиком на Балтийском заводе, вечером с тетрадками бежал на занятия по философии в Ленинградский государственный университет. И знать не случайно я вместе с друзьями – Романом Алексеевичем Зобовым и Лидией Ивановной Сугаковой в 90-е годы образовал и возглавил Петербургскую школу философского реализма, признающую неразрывное единство материи и духа, материального и духовного начал, и, следовательно, одинаковую правоту и односторонность материализма и идеализма. Это мировоззрение, я надеюсь, поможет мне и в написании этой книги. Хочется изложить события Блокады максимально приближенно к реальности, поэтому наряду с личными воспоминаниями будут в необходимых случаях привлекаться также воспоминания близких мне людей, переживших Блокаду, а также – документальные свидетельства. Моя задача – показать факты блокадного Ленинграда глазами детсадовца и раздумья над этими фактами, их осмысление – с позиции сегодняшнего дня, что особенно важно в свете полемики, которая развернулась вокруг значения Обороны Ленинграда.

1941 год

ДОВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

«Откуда мы родом?
– Мы родом из детства, словно из какой-нибудь страны».

А. С.–Экзюпери

Самое первое мое воспоминание восходит к зиме 40–41 года, когда я в возрасте два с половиной года заболел, и помню, как отец на

руках несет меня к машине, чтобы отвезти в больницу. До войны машины были иными, чем теперь: уже, выше ростом, почему некоторые были даже с подножками, и с меньшими окнами. Меня удивило, что в машине так темно. Оставив меня в больнице, отец и мать обещали вскоре навестить меня и привезти сухари. Но... их приезда я так и не дождался. Через три месяца отец скончался от туберкулеза и еще через три месяца началась война.

Выше приведена моя фотография с матерью зимой 1940–1941 гг., т. е. того времени, с которого я начинаю себя помнить. Через год-два, уже во время Блокады, слыша часто от разных людей слово «папа», я закрыл глаза и попытался вспомнить, что такое папа и был ли папа у меня. И я вспомнил, как мой папа сидел в самой большой комнате, которая принадлежала бабушке, сидел на стуле спиной к окнам, а я у него на коленях. Мне удивительно хорошо у папы на коленях. Говорят, что ребенок до трех лет отождествляет себя со своими родителями. Видимо, это не совсем правда, но какое-то удивительное чувство слиянности, защищенности, возвышенного покоя сидение на руках родителя приносит ребенку. Видимо, подобные ощущения и породили со временем выражение «как у Христа за пазухой».

В памяти остался какой-то сказочный уют от сидения на руках у родного отца. Помню прочитанный однажды описанный в литературе подлинный случай. Ребенок родился мертвым, и врачи интенсивно пытались вернуть его к жизни. Когда же попытки не увенчались успехом, было принято решение их прекратить, а трупик унести. Тогда мать попросила дать ей ребенка на руки, чтобы попрощаться с ним. И как только она взяла ребенка к себе, он вскрикнул и стал дышать. Наверное, действительно есть какое-то мистическое животворящее тепло в руках родителя, если оно способно даже мертвого оживить. И, видимо, не случайно я запомнил от общения с родным отцом, ушедшим из жизни, когда мне было всего два года и девять месяцев, только две сцены, и обе связаны с его руками: он несет меня на руках в машину, чтобы отвезти в больницу, и я сижку у него на коленях в бабушкиной комнате.

ПОПЫТКА ЭВАКУАЦИИ

Мое первое воспоминание о войне связано с попыткой эвакуации. Скорее всего, попытка эта была в начале июля 1941 года, поскольку нас везли в лужском направлении, а в первых числах августа немцы уже прорвали Лужский оборонительный рубеж. Везли наш детский сад в дачном поезде. Эти поезда еще долго ходили от Ленинграда после описываемых событий. В них помимо детского был и офицерский вагон, и симпатичные молодые дамы на перроне поджидали офицеров, чтобы, подхватив их под руку, можно было пройти в офицерский вагон, менее загруженный, чем все другие. В

каждом вагоне были проводницы, которые зимой протапливали печки-буржуйки, стоящие почти посредине вагона. Трубы от печек выходили прямо в окна и мы, когда ездили за город кататься на лыжах, старались сесть поближе к печке. Но сейчас было лето и никаких печек не было. Вагон был забит детьми, но было и несколько сопровождающих нас взрослых – мужчин и женщин. Я на коленях смотрю в окно. Поезд подошел к станции Сиверская и надолго остановился. Паровоз тревожно и часто гудел. Вдруг я вижу, как за зданием вокзала в разные стороны с невероятно большой скоростью – быстрее даже, чем скорость падающих звезд, разлетаются осколки величиной примерно с грейпфруты. Страшно не было, но было любопытно смотреть на каменный неистовый фейерверк. Я до сих пор с удивлением думаю: откуда я сразу понял, что это осколки от взрыва бомб; ведь мне всего три года, и я никогда прежде взрывов не видел. Видимо, это объясняется тем, что война шла уже вторую неделю, а в войну дети быстрее взрослеют. Мужчины, стоящие сзади меня, комментируют, что немцы бомбят лесопильный завод. Затем начинается паника – наши воспитательницы помогают нам спрыгнуть с поезда и требуют, чтобы мы как можно быстрее отбегали от него: немцы методично начинают бомбить наш состав. Вечером за нами пришел новый состав, чтобы отвезти оставшихся живых детей обратно в Ленинград: от нашего целыми остались только три вагона. Меня нашли на берегу озера, спящим с кепкой под головой. Я оказался контужен настолько, что полгода вообще не мог говорить, а потом тридцать лет заикался. От заикания меня «вылечила» только профессия педагога, когда надо было размеренно и внятно произносить текст лекции.

Немецкие летчики не могли не видеть детей, выбегающих из вагонов, и, тем не менее, бомбы сбрасывали. Мой хороший товарищ – Вадим Николаевич Номоконов во время Блокады со своими родителями находился в Инженерном замке Павла I, где тогда располагался госпиталь и где главным врачом работал его отец. На крыше этого здания был нарисован красный крест, который по международным правилам должен был оберегать это здание от бомбовых ударов. Но вскоре, после попадания бомбы на этот замок, пришлось отправить рабочих на крышу закрашивать этот крест, поскольку выяснилось, что именно на такие здания немцы в первую очередь и сбрасывали бомбы. Видно, в этом суть фашизма – бить по самым слабым, незащищенным: детям, раненым. Вскоре наш садик приготовились эвакуировать повторно, но мама, узнав об этом, выкрала меня, и таким образом я остался с ней в городе на всю войну. У нас много пишут о том, как детей из блокадного Ленинграда эвакуировали через Ладогу, но детей начали спасать и вывозить из города практически с самого начала войны, с 29 июня 1941 г.

МОЖНО ЛИ БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ БЛОКАДЫ?

Чем объяснить, что немцы так быстро подошли к Ленинграду? Определенный ответ дают две книги, прочитанные мною уже в школьном возрасте. Одна, изданная в 1939 году в учебной серии «Библиотека командира», под названием «Первый удар» повествовала о будущей войне с Германием. По мнению автора книги Н. Шпанова, после попытки немцев перейти границу армада сталинских соколов на сверхсовременных мощных бомбардировщиках ответила первым ударом по промышленным центрам Германии. Немецкие коммунисты включили рубильники и осветили города, чтобы нашим бомбардировщикам было сподручнее их бомбить. Книга начиналась предисловием тогдашнего наркома (министра) обороны маршала К. Е. Ворошилова. Я хорошо запомнил одну фразу из этого предисловия: «Советский народ не только умеет воевать, но и любит воевать». Таким образом, внушалась общепринятая мысль, что в будущей войне мы будем вести боевые действия на территории врага. Вторая красочная книга, изданная для детей в 1940 году, так и называлась «Военная книга». В ней подробно излагалась история войн, самых важных сражений и приводилось сравнение мощи Красной армии с армиями других стран. И оказывалось, что по основным показателям «Красная армия всех сильней».

Подобного рода публикации вырабатывали у большей части населения страны благодушие и излишнюю самоуверенность, что имело тяжелые последствия для страны и для каждого ее жителя. Перед войной вся страна самозабвенно пела песню «Если завтра война» с такими строчками: «Мы войны не хотим, но себя защитим, / Оборону крепим мы недаром,/ И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом!»

Мне один очевидец рассказал, что когда В. М. Молотов 22 июня объявил по радио о начале войны, ленинградские женщины побежали в магазин запасаться необходимыми продуктами длительного пользования (соль, сахар, муку, спички, мыло, крупы). Мужчины же в скверах продолжали играть в домино (день был выходной) и, подшучивая над женами, спорили, за сколько недель или месяцев мы немцев разгромим. К слову сказать, такое же благодушие царило и в стане противника. Если кто-либо в нашей или немецкой армии высказывал соображение, что война может продлиться год или даже больше, на него смотрели как на идиота или врага.

Реальность оказалась не такой, как у нас предполагалось. Красная армия действительно превосходила по некоторым показателям армии других стран. Вот что пишет об этом, обобщая уроки начала войны с СССР, немецкий фельдмаршал Э. Клейст: «Советская боевая техника и оружие были отличного качества еще в 1941 году, особенно танки. Артиллерия была превосходной, так же как и боль-

шинство стрелкового оружия – винтовки были более современными, чем наши, и имели более высокую скорострельность. Русский танк Т-34 был самым лучшим танком в мире». Немецкий танкист Отто Гариус пришел для себя к выводу, что «если бы тогда русские находились не в стадии перевооружения, а Т-34 появился у них немного раньше, и если бы им правильно управляли, то война закончилась бы в 1941-м году, самое позднее – зимой»[6]. Но война затянулась на долгие 4 года, поскольку немцы превосходили нас по самолетам, лучшей организацией связи и боевой подготовкой.

Когда сегодня наши СМИ доказывают, что танк Армата – лучший танк в мире, что наши ракеты способны преодолеть любую противоракетную оборону, мне становится не по себе. Ведь мы «это уже проходили» и за наше хвастовство наша страна была очень серьезно наказана трижды за двадцатое столетие. Первый раз – в 1914 году, когда царский военный министр В. А. Сухомлинов перед самым началом войны заявил в интервью, что у нас есть все необходимое для победоносного завершения войны с Германией в течение шести месяцев. Второй раз – перед войной с Финляндией, когда В.М. Молотов заявил, что стоит нам утром начать боевые действия, как к вечеру мы окажемся в Хельсинки. То, что это была точка зрения всего руководства, подтверждают и слова Н.С. Хрущева, заявившего, что стоит достаточно громко сказать финнам наши условия, а если же не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки вверх, согласятся с требованиями. Третий раз на те же грабли мы наступили перед Великой отечественной войной, когда на всех уровнях внушалась мысль, что навязанная нам война будет происходить не на нашей земле, а на территории тех, кто осмелился первым поднять меч (Ворошилов). Опыт учит, что надо трезво видеть не только наше преимущество по отношению к возможному противнику, но и имеющееся преимущество его над нами.

Неверным оказалось и утверждение Ворошилова, что мы умеем воевать. Если под умением воевать понимать способность стоять до последнего, героически сражаться с врагом «не жалея живота своего» и нанося ему непоправимый урон, то мы умели воевать. Но если под умением воевать понимать способность побеждать равными и даже меньшими силами, превосходить врага лучшей военной подготовкой, лучшим управлением боя, лучшей стратегией и тактикой боевых действий – то мы, к сожалению, воевать в начале войны не умели. Это было наглядно продемонстрировано сразу после выхода книги «Первый удар». Имея в Финляндскую компанию подавляющее преимущество в военной технике – десятикратное по самолетам

---

[6] Цитируется по: *Козлов Н.Д.* Великая Отечественная война: свидетельства и оценки участников. СПб. 2014. С. 92-93.

и почти стократное по танкам (2289 у нас против 26 у них), – Красная Армия в течение нескольких месяцев не могла переломить боевые действия в свою пользу. И в той войне наших воинов погибло в пять раз больше, чем финских (135 тысяч красноармейцев против 26 тысяч финнов)[7].

Как мне рассказывал Борис Викторович Сапунов, – непосредственный участник и Финской компании и Великой Отечественной войны, продемонстрированное в Финляндии наше неумение воевать стало, возможно, решающим аргументом для Гитлера приступить летом 1940 года к разработке плана «Барбаросса» и через год начать войну с СССР. Но как показало начало и этой войны, Зимняя война почти ничему нас не научила. Когда перед самым началом войны Сталин стал опрашивать ведущих военачальников, как они представляют ход ее ведения, Г. К. Жуков ответил, что мы сразу остановим немцев на границе и в дальнейшем будем воевать на их территории. Рапорт вызвал у Сталина только скепсис. История подтвердила обоснованность этого скепсиса.

В начале войны мы терпели поражения от гитлеровцев при любом раскладе сил. Достаточно сказать, что у нас на 22 июня 1941 года в западных пограничных округах находилось 9200 танков, 8450 самолетов и 46 830 артиллерийских орудий и минометов. В это же время Германия с союзниками развернули против нашей страны 2800 танков и штурмовых орудий, 4950 самолетов, 48 тысяч артиллерийских орудий и минометов[8]. Отдельные частные удачи никак не меняли общего положения. Лишь осенью 1941 года немцы были остановлены под Ленинградом, а зимой того же года – разгромлены под Москвой.

На конец лета 1941 года у нас на Ленинградском фронте было достаточное количество закаленных в боевых действиях воинских подразделений и необходимой техники, чтобы не допустить блокаду. Как утверждает писатель и историк Александр Модестов «в Ленинграде к концу 1941 года было много живой силы – в город отступили обстрелянные в боях части, много отличных бойцов дали флот и военные училища. Из моряков Балтфлота сформировали 6 бригад морской пехоты. По сути, это была элита наших вооруженных сил. И все эти элитные подразделения были сформированы и… брошены на убой на Невском пятачке и болотах перед Синявинскими высотами. Там погибло 300 тысяч человек!»

---

[7] *Воробьев А.* 105 холодных дней / Российская газета, № 88. 2014 г.

[8] *Комал Ф. Б.* О некоторых причинах поражения Красной Армии в начале Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994. С. 453.

Наши поражения на начальных этапах не в последнюю очередь были связаны с чисткой всей верхушки армии, проведенной Сталиным перед войной. Геббельс записал в своем дневнике, как однажды, узнав об очередных арестах генералитета Красной Армии по приказу Сталина, Гитлер воскликнул: «Этот человек – сумасшедший! Он же губит свою армию!» Действительно, проведенная незадолго до войны по указанию Сталина чистка командующего состава Красной Армии была чудовищной. Были расстреляны три маршала Советского Союза из пяти, все командующие военными округами, двое из четырех командующих флотами, все командиры корпусов. Кроме того, расстреляны или сосланы почти все командиры дивизий, 50 % командиров полков, погибла треть полковых комиссаров. В итоге к началу 1940 года были заново назначены 70 % командиров дивизий и командиров полков, 60% политкомиссаров. К осени 1940 года ни один командир полка не имел законченного высшего военного образования; 25 % закончили военные училища (среднее образование), а остальные имели за плечами лишь курсы младших командиров[9]. Размышляя о трагических событиях начала войны, К. Симонов отметил: «Дело не только в том, что в эти годы мы потеряли плеяду крупных военных руководителей, но и в том, что сотни, тысячи честных людей из высшего и среднего командного состава были репрессированы. В труднейшее время оказалось. что перевооружение армии не завершено, и в период не менее трудный ее моральные ценности, уверенность, дисциплину после губительных событий 1937 – 1938 годов полностью восстановить не удалось»

Приведу пример, очевидцем которого был мой руководитель кандидатской диссертации, известный советский философ, профессор Владимир Иосифович Свидерский, вступивший в самом начале войны в Народное ополчение. Как знатока немецкого языка его иногда привлекали в качестве переводчика при допросах. Во время битвы на Лужском оборонительном рубеже в плен был взят унтер-офицер германской армии. Когда его привели в штаб на допрос, он бесцеремонно подвинул к себе стул, закинул ногу на ногу, достал серебряный портсигар и, закурив, предложил обращаться к нему с вопросами. На сделанное замечание, он высокомерно ответил: «А за что вас уважать, вы даже воевать не умеете». На вопрос, почему он так думает, немец ответил следующее. «Мы захватили у вас новую позицию, обустраиваем ее, минируем подступы, пристреливаем все пространство. Назавтра, опомнившись, вы пытаетесь выбить нас из занятых рубежей, но делаете это без разведки, без артподготовки, без сопровождения танками. Мы устаем косить вас из пулеметов. Кто контратакует при отступлении?» В кинофильме «Блокада» по-

---

[9] *Г. Солсбери.* 900 дней. М., 1994. С.123-124.

казан эпизод, как Ворошилов инициирует наступление балтийцев на немецкий укрепрайон. Тот немец, оказывается, был свидетелем (и участником) того боя и вот что он рассказал. – «Когда мы увидели бегущую на нас огромную кричащую толпу в полосатой одежде, мы решили, что вы направили против нас умалишенных. Полосатая одежда (тельняшки) оказалась великолепной мишенью, и мы с легкостью подчистую всех уложили. Только после боя мы увидели, что это, оказывается, были матросы. Кто так воюет?»

Подобного рода высказывания под грифом «секретно» стали отправляться «наверх». И, возможно, не случайно Сталин критиковал руководство Ленинграда. Сталин устроил Ворошилову и Жданову разнос за то, что в Тихвине стоят две авиационные дивизии, которые не получают никакого задания и вдалбливал руководству Ленинграда азы войны: «Пехота без танков не пойдет. Не может пехотная дивизия справиться с укрепрайонами». Вслед за Сталиным и Маленков запрашивает Жданова, почему не используются современные танки КВ, которых на Ленинградском фронте на тот момент было больше, чем на любом другом. А. А. Жданов считал штыковую атаку самым действенным средством борьбы с пехотой противника: «Немец боится и не выдерживает русской штыковой атаки. Зная слабость врага – быстрее переходи в штыковую атаку». Отсюда – неисчислимые потери на начальных этапах войны[10].

После предыдущего издания некоторые ветераны не согласились с утверждением, что на начальных этапах войны мы не умели воевать. Постараюсь аргументировать его подробнее. О нашем неумении воевать в начале войны, я узнал от живых участников Зимней и Великой Отечественной войн. Об этом же говорят и немецкие источники: от восклицания Гитлера, что сталинские репрессии против командного состава Красной Армии будут иметь для нее губительные последствия, от обоснованного доказательства этого тезиса немецким ефрейтором, взятым в плен на Лужском рубеже, от анализа войны, проведенного фельдмаршалом Э. Клейстом: «Наши успехи объяснялись просто лучшей боевой подготовкой… Их командование быстро извлекло уроки из своих поражений в начале войны и вскоре стало высокоэффективным»[11]. Об этом же говорят и разносы, которые доставались Жданову и Ворошилову от Сталина. Это свидетельствуют и наши потери в начале войны.

Долгое время нам внушалось, что причины наших неудач на начальных этапах войны объясняются вероломным нападением фашистской Германии на нашу страну, и ее превосходством в живой

---

[10] *Колесников Е.* Вредительство? / АиФ, № 23. 2014 г.

[11] *Лиддел Гарт Б.* Что рассказали немецкие генералы / От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические истории второй мировой войны. М., 1992. С. 236.

силе и технике. Что касается вероломства, то утверждение это звучит очень наивно. Война всегда есть вероломство, поскольку это акт попытки одного государства насильственно захватить и подчинить себе другое государство. Поэтому невероломной война не может быть по определению. К войне готовились, но как к чему-то отдаленному. Наше руководство перед войной постоянно получало десятки, если не сотни, донесений со всех сторон о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Да и сам Гитлер совершенно определенно заявил о своем намерении захватить СССР еще в книге «Моя борьба». И не только военным, но и гражданскому населению была ясна ситуация. Мне рассказывали дальние родственники, проживающие в Западной Белоруссии, что примерно за 5 дней до начала войны все еврейские семьи, проживающие в местечковом городке Сморгонь, побросали свои жилища и выехали на восток.

А в это время – тоже за несколько дней до начала войны, А.А. Жданов, как ни в чем не бывало, оставляет Ленинград и едет отдыхать на Черное море. За 8 дней до войны, 14 июня публикуется позорное Сообщение ТАСС, в котором утверждается невозможность войны между Германием и Советским Союзом. В соответствии с этим Сообщением еще 22 июня в Ленинграде продолжались судебные процессы над людьми, говорившими о неизбежности скорой войны с Германием. Поэтому можно сделать вывод, что вероломным нападение Германии было только для властей. Если тезис о вероломстве звучит наивно, то тезис о подавляющем превосходстве немецких войск над советскими просто неверен.

Выше приводилось сравнение численности военной техники у нас и у немцев на начало войны в западных пограничных округах, обнаруживающее трехкратное преимущество у нас по танкам и почти двукратное – по самолетам. Показательны сравнения потерь в живой силе и технике на самом первом этапе войны. Только за первые три недели боев Красная Армия потеряла убитыми свыше 850 тыс. человек, и взятыми немцами в плен – 3,9 млн человек. Было также потеряно около 6 тыс. танков, свыше 9,5 тыс. орудий, около 3,5 тыс. самолетов. Противник за этот же период потерял около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1700 танков и штурмовых орудий и 950 самолетов[12].

С первых дней войны наши воины проявили чудеса стойкости и мужества. Для них честь и свобода были важнее жизни, и следствием этого был невиданный нигде в Европе героизм, который потряс немцев. Уже в первые дни войны начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в служебном дневнике: «Све-

---

[12] *Козлов Н.Д., Левашко В.О.* Правда и ложь о Великой Отечественной войне СПб., 2007. С. 61.

дения с фронтов подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека». Этот героизм был достаточен для нанесения ощутимого урона немецким войскам, но он был недостаточен для победы над врагом. Мы умели геройски умирать, но еще не научились грамотно побеждать. Чтобы победить врага, нужен был полководческий талант, умение предугадать планы противника, навязать ему свою волю, бить его по своим правила. Такие военачальники, как отмечают историки, у нас созрели только к зиме 1942-43 гг. И с этого времени начинается неумолимое движение нашей армии в обратном направлении. Достаточно вспомнить победу в Сталинградской битве и прорыв Блокады Ленинграда.

А может прав был немецкий танкист, что при той численности войск и той технике, которые были у нас на начало войны, при лучшей боевой подготовке и лучшем управление мы выиграли бы войну уже в 1941 году? По свидетельству немцев, Красная армия превосходила вермахт по численности, по более современным, более скорострельным винтовкам, по автоматам, которые, в отличии от немецких, не замерзали на морозе, а также по лучшим в мире танкам. По свидетельству наших ветеранов, на начало войны наши пушки не уступали немецким, но немцы превосходили нас по самолетам. Их истребитель Мессершмит-109 по скорости, вооружению и живучести превосходил наши истребители Поликарпова «И-153» и «И-16», хотя последние были более маневренны.[13] Таким образом, силы были примерно равные и у немцев не было подавляющего превосходства, кроме лучшей военной подготовки и лучшей организации. Кто-нибудь рассматривал вопрос, как бы шел ход войны, если бы Сталин не был так болезненно мнителен и незадолго до войны не репрессировал большую часть командного состава Красной Армии?

Была и еще одна причина столь быстрого продвижения немцев. Против нас выступала не Германия, а объединенная и руководимая Германией вся Европа, т. е. практически весь Европейский Союз. Эскадрилья «Нормандия–Неман», участвующая в сражениях на нашей стороне, не исключает того факта, что большая часть Франции была союзницей гитлеровской Германии и сотни тысяч французов воевали на стороне Гитлера[14]. Если страна, относящаяся к антигитлеровской коалиции, была замарана активным сотрудничеством с Гитлером, то что говорить о других европейских странах, которые к этой коалиции не относились.

Германская армия подчинила себе ресурсы 27 государств Европы, прибрав к своим рукам оружие, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18

---

[13] *Сапунов Б.В.* Избранное. С.71-72.

[14] Источник: *Мухин Ю.* Крестовый поход на Восток. М., 2006.

голландских и 6 норвежских дивизий[15]. И в Блокаде Ленинграда приняли непосредственное участие помимо немецких и финских войск также испанская Голубая дивизия, численностью 17 тысяч человек (штаб которой находился в городе Пушкине), бельгийский легион «Фландрия», голландский легион «Нидерланды», норвежско-датско-шведская мотопехотная дивизия «Норланд», итальянские торпедные катера, пытавшиеся вместе с немецкими и финскими катерами перерезать Дорогу Жизни, а также добровольцы из Северной Африки и Восточной Европы.

Когда мы утверждаем, что мы освободили Европу от фашистской чумы, то правильнее было бы говорить, что мы европейскую военную машину разгромили, а освободили лишь ничтожный процент европейцев, входивших в Сопротивление. Сюда относятся французская подпольная армия «маки», итальянские коммунисты-гарибальдийцы, югославские красные партизаны, греческие коммунисты, действовавшие в контакте с Москвой и напрямую ей подчиняющиеся по линии Коминтерна и советской разведки. Европа до сих пор не может нам простить свое поражение, и когда почувствовала нашу слабину, вызванную «Перестройкой», начала сносить памятники советским воинам-освободителям и дружно выступать против нас во всех критических ситуациях. Санкции против России находят свое объяснение именно при учете нашей победы над вооруженными силами Европы, сотрудничавшей с Гитлером.

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ЗИМОЙ 1941–42 ГГ.

Сомкнув 8 сентября 1941 года блокаду вокруг Ленинграда, немцы первым делом разбомбили Бадаевские склады, где находился запас продовольствия. Запасы были разбросаны на сотни метров от складов, и ленинградцы бросились собирать бесхозные продукты, перемешанные с землей. Среди них была и моя мама, которая в тот день сумела собрать три ведра капусты, из которых два ведра она отдала своим сестрам. И как потом не раз вспоминала моя тетя, Люцина Петровна, эта капуста фактически спасла их жизнь в первую блокадную зиму.

[15] *Розанов Г. П.* План «Барбаросса». – М., 1970. С. 82.

У моей мамы, у моих теток, моих бабушек, как, наверное, и у абсолютного большинства ленинградцев того поколения, была ненасытная жажда жизни, необъятная энергетика. Они никогда не скулили и не жаловались, напротив, часто шутили и делали все возможное для сохранения своих жизней и жизней своих близких.

На приведенной выше репродукции картины блокадного художника Э.А. Будогоского «Ленинград в дни Отечественной войны» 1943 г. на примере площади Стачек показано, как город, ощетинившись заградительными сооружениями, был превращен ленинградцами в неприступную крепость. Здесь показано, как принятые на начальных этапах войны руководством Ленинграда меры фактически заложили фундамент будущей победы ленинградцев над отборными частями войск Германии и ее союзников. На оборону были мобилизованы жители города, которые построили больше 4 тысяч дотов и дзотов, оборудовали в зданиях 22 тысяч огневых точек, возвели на улицах 35 километров баррикад и противотанковых препятствий. Небо над городом защищали зенитные батареи, которых в Ленинграде было в 8-10 раз больше, чем в Берлине и Лондоне.

Первая блокадная зима была самой страшной для города, была она самой страшной и для меня. Мама в войну работала в эвакуационном госпитале на Лесном проспекте, что тогда приравнивалось к службе на передовой. Я ходил в садик недалеко от нее – на тихой улочке за Лесотехнической академией в маленьком двухэтажном домике. У взрослых во время войны был ненормированный рабочий день. В редкие минуты отдыха, чтобы не ездить далеко домой, тем более, что трамваи ходили нерегулярно, а зимой вообще перестали ходить, работникам представлялось служебное жилье, и мама жила на Лесном, около госпиталя. Моим постоянным местом жительства был садик. Первая блокадная зима запомнилась, прежде всего, очень частыми походами в бомбоубежище, под которое был переоборудован подвал большого дома, метрах в двухстах от садика. Помню, как в начале зимы 1941 года, когда мы по сигналу воздушной тревоги пошли в бомбоубежище, во дворе дома у входа в подвал я увидел грузовую машину. При своем тогда росте впервые обращаю внимание на какой-то круглый нарост посредине передних колес. (Я тогда еще не знал, что он называется карданный вал). Этот нарост я воспринял как нарыв. Невольно пришла на ум ассоциация, что и война – это тоже нарыв. Начал думать, каким образом этот нарост на машине связан с войной, мог ли он ее запустить?

В один из таких походов бомба угодила прямо в наш детсад и нам некуда стало возвращаться, поэтому ту зиму мы полностью провели в подвале. Разумеется, там не было ни света, ни тепла. Подвал освещался большими картонными плошками с какой-то густой оранжево-коричневой массой и толстым фитилем. Тепло было

только от одежды, и я хорошо помню, как я одевался. На голову нам надевали балаклавы. Раньше они ассоциировались с головным убором подводников, которые надевали их, когда приходилось подолгу быть в холодной воде. Сейчас они больше ассоциируются с событиями на майдане. На балаклаву надевали заячью шапку с длинными ушами. А поверх шапки и пальто завязывали большой мамин шерстяной платок. В туалет мы ходили здесь же – нам воспитатели подносили приспособленные для этого ведра. И спали мы здесь же – на лавках, в той же одежде, в которой ходили постоянно. На время воздушной тревоги наше бомбоубежище наполнялось новыми людьми, в основном, женщинами с детьми. Детская память очень специфична. Я помню события раннего детства либо в виде фотографий, отпечатавшихся в моем мозгу, либо, в лучшем случае, в виде небольших, на несколько секунд, видеороликов. Иногда мама или бабушка забирали меня из подземелья, и я мог сам видеть, что происходит в городе. Приведу два наиболее ярко врезавшихся в память воспоминания первой блокадной зимы, связанные с матерью и бабушкой.

7 ноября 1941 года. Я у мамы в ее квартире на Васильевском острове. Мама напряженно ждет выступление по радио Сталина. В назначенное время Сталин стал произносить свою речь. Я не помню, да и вряд ли мог понять в то время, о чем говорил Сталин, но я помню, как он говорил. Обращал внимание небольшой акцент. Голос был очень спокойный, но взвешенный, значительный. То есть он говорил совсем не так, как говорили обычные дикторы. А вот что записал в своем дневнике о том выступлении Сталина семнадцатилетний выпускник ленинградской школы № 181 Алексей Яковлев: «Прихожу я в комнату, и радио уже работает. И вдруг вздрогнул, председатель объявил, что слово для доклада имеет тов. Сталин. Бурная овация, я сам подскочил от восторга. Сталин! Дорогой Сталин! Наконец-то он будет говорить. Что-то он скажет. Голос Сталина звучал твердо, отчетливо, громко. Он сказал, что предстоит упорная борьба, но мы непременно победим»[16]. В отличии от Алеши Яковлева, записавшего это событие семь дней спустя, я описываю его более семидесяти лет спустя, но мне кажется что Сталин говорил как раз не громко, а именно взвешенно, значительно.

В стране было особое отношение к Сталину. Наверное, только он при жизни получил титул вождя всех времен и народов. И в то же время в каждой семье к нему относились по-разному. Помню, как в юбилей 70-летия Сталина я испытал чувство шока, когда мой новый отец сказал мне, что Сталин старенький: «так что, он скоро будет ходить с костылем и потом умрет?» Помню, как много лет спустя во время застолья родственники, пережившие войну, вспоминали, как

---

[16] Голос из сорок первого. / Царскосельская газета. № 23. 2014 г.

им всем хотелось умереть за Сталина. В нашей семье таких желаний ни у кого не было, отношение к вождю было несколько ироничным. Второе воспоминание зимы 41–42 гг. у меня связано с бабушкой – Еленой Михайловной. Мы стоим на Большом проспекте Петроградской стороны недалеко от площади Льва Толстого. Я внимательно смотрю в сторону площади и что там вижу. Зима. Все улицы и площади заснежены, поскольку снег в ту зиму не убирался, транспорт в городе не ходил, все пространство превратилось в пешеходную зону. Народу было не так много, как до войны, но он был везде: на всех улицах, переулках, площадях. Город жил без тепла (паровое отопление в массовом порядке стали проводить лишь в пятидесятые годы, одновременно с газификацией), света и часто без воды. Как с грустью шутили ленинградцы, три зла досаждают их больше всего: голод, холод и темнота. Некоторые добавляли еще два зла: блох и крыс. И, тем не менее, город жил!

В детстве какое-то особое отношение к рифмующимся строкам. Когда мы укладывались в садике на свои кроватки, воспитатели нам говорили; «На правый бочечек, ручки под щечки». И мы были уверены, что слова «бочечек» и «щечки» действительно появились одновременно и неразрывны друг от друга. Модным в то время было и выражение «пешком с мешком». Я внимательно смотрю вокруг и вижу, что почти все люди действительно шли с какой-то ношей: или на руках, или, что чаще, на санках. Что везли – не знаю: или хорошо закутанных детей (морозы в ту зиму были зверские), или дрова, или буржуйки, или перевозили скарб с места на место, или это везли покойников. Люди шли в разных направлениях, шли сосредоточенно, молча, и людей в ту зиму было еще довольно много.

Выжить в тех неимоверных условиях можно было, только сохранив человеческое лицо. И к чести ленинградцев – абсолютное большинство их сохранило это лицо. Как мне рассказывал мой коллега В.В. Тарасов, которого война застала в Ленинграде в школьном возрасте, когда мама посылала его получить по карточкам хлеб, у него никогда не было даже намерения съесть хоть маленький довесочек: хлеб ели только тогда, когда его делили на всех поровну. Конечно, в семье не без урода, и были семьи, где друг у друга воровали хлеб. Но это было исключение (т. е. исключительно редкие случаи), а не правило. Выжить в тех условиях можно было только, заботясь друг о друге, помогая друг другу – это аксиома. Как установил известный российский ученый (и по совместительству – вождь русских анархистов) П. А. Кропоткин, оппонируя Ч. Дарвину, считавшему борьбу за существование главным законом развития животного царства, что там, где происходит борьба за существование, там наблюдается деградация, упадок. И лишь там, где законом жизни является взаимопомощь, взаимовыручка, – там создаются наиболее

оптимальные условия для выживания. Именно забота об окружающих, ставшая законом жизни для ленинградцев, помогла им выстоять. В самую тяжелую первую блокадную зиму маме в госпитале досталась котлета, и она решила отнести ее мне. Но когда она пришла в детсад, ее из-за карантина не впустили. На выходе мама увидела группу отощавших подростков. Материнское сердце дрогнуло, и она отдала им эту котлету. Мгновенно проглотив ее и, узнав, что у мамы ничего больше нет, подростки ее избили. Мама потом с горечью повторяла: не делай другим добра – не получишь зла. Как говорится, из песни слова не выкинешь – было и такое в блокадном Ленинграде. Тем не менее, этот случай не озлобил маму, и когда вскоре ей в госпитале достался солидный кусок хлеба, а есть его одной было абсолютно невозможно по нравственным нормам того времени, мама пошла делиться хлебом со своей свекровью – моей бабушкой. В довоенном, военном и послевоенном Ленинграде основным средством передвижения был трамвай, но как уже отмечалось, трамваи в первую блокадную зиму не ходили, и мама пошла пешком от Лесного проспекта до Петроградской стороны. Пошла, измученная от почти круглосуточной работы в госпитале среди тяжело раненых и умирающих. Пошла по страшному морозу. Пошла исхудавшая и потерявшая силы. (Когда после войны, в 1945 году мама взвешивалась, весы показали 47 кг, – при росте 164 см. Можно только представить себе, какой вес у нее мог быть зимой 41-42 гг.).

В тот день в гостях у бабушки была сестра невестки – Роза Гальперина (в замужестве Тютюнникова). Дело в том, что у Елизаветы Гильмановны, жены ее сына и моего дяди Александра Кутьина, было еще две сестры: Роза Гильмановна и Мария Гильмановна. Мария Гильмановна с мужем – Богдановым Федором Андреевичем, жила в том же подъезде, что и бабушка. Но на тот момент Мария Гильмановна с детьми Шурой и Маратом эвакуировалась по Дороге Жизни. Тетя Роза никуда не уехала, и осталась на весь блокадный период в городе, где проживала на Невском проспекте в доме № 1.

За разговором выяснилось, что несколько дней уже ничего не слышно о Богдановне Федоре Андреевиче, дальнем родственнике, живущем в этом же доме. Пошли навестить его. В Блокаду многие ленинградцы, особенно одинокие, не запирали входные двери, чтобы в экстренном случае им могла быть оказана соседями помощь, или, на худой конец, – могли вывезти и захоронить труп. Соседи постоянно навещали друг друга, и если кому-то было плохо, сосед приносил ему его пайку хлеба. Тогда по квартирам ходили специальные бригады, которые оказывали посильную помощь нуждающимся живым и забирали трупы умерших ленинградцев, складывая их в определенных местах для дальнейшего захоронения. Федор Андреевич лежал в кровати опухшим, бледным, неподвижным. Они

разломали очередную тумбочку, натопили буржуйку, согрели воду и, посадив Федора Андреевича в корыто, стали его мыть. Во время мытья он пришел в себя и открыл глаза. Его накормили и после этого он встал на ноги и еще около 30 лет проработал главным технологом в военном НИИ. Совместно перенесенные трудности и оказанная взаимопомощь настолько сблизили людей, что они потом стали ближе друг к другу, чем даже родственники. Опухлость была вызвана тем, что организм был уже не в состоянии вывести отработанную жидкость. В войну было модным выражение, пущенное с легкой руки некоторых ученых: ведро воды заменяет двести грамм масла. Иногда блокадники, чтобы заглушить чувство голода, неумеренно пили воду, и это могло закончиться смертью от водянки. Здесь нужны некоторые пояснения для тех, кто блокаду не пережил. Буржуйками называли небольшие чугунные печки, как правило, круглой формы, трубы из которых выходили прямо в форточку. Они очень быстро нагревались, и одной книги могло хватить, чтобы разогреть печку докрасна. Правда, к сожалению, они также быстро и остывали. Буржуйки не только давали тепло, но на них можно было приготовить скудную пищу. После войны сестра моей мамы – Виктория Петровна показала мне шрам на ножке своего старинного рояля, – она била по ней топором, чтобы сжечь в печке, но топор отскакивал от спрессованного годами дерева, и сил разрубить его не хватило, поэтому в топку пошло деревянное покрытие пола. Помню, как по нашей 3-й линии проезжала машина-трехтонка, груженная колотыми дровами. На одном из ухабов из нее вывалилось полено. С какой радостью я схватил его и, прижав к груди, понесся домой!

Подобно тому, как весной 1942 г. все трудоспособное население в порядке мобилизации было брошено на уборку города от снега, осенью 1942 г. оно привлекалось к заготовке дров. Каждый должен был заготовить 4 кубометра дров. При этом половину каждый трудящийся получал для отопления своего жилища. Всего по городу было снесено более 7 тыс. деревянных домов и получен 1 млн. кубометров дров[17]. Много лет спустя я шел с экскурсией по Летнему саду. И экскурсовод с пафосом отметила, что во время Блокады ни одно дерево в Летнем саду не было вырублено: ленинградцы умирали от холода и голода, но деревья в Летнем саду пощадили. Этот факт вызвал удивление и восхищение и у английского журналиста Алексанбра Верта, посетившего в Блокаду наш город. Но я бы отдал все деревья Летнего сада ради спасение жизни только одного ленинградца, который совершал величайший подвиг стойкости и мужества в ту войну.

---

[17] Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны». 3-е изд. Л.: «Наука», 1985.

125 ГРАММ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Двойною жизнью мы сейчас живем
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним
свободным, щедрым днем,
- мы сами этот день завоевали...

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

Январь – февраль 1942 г.
О. Берггольц. «Февральский дневник».

*А. Каплун. «***Сбитый вражеский аэроплан над Эрмитажем».** 1942 г.

На приведенной литографии художника А. Каплуна показан эрмитажный дворик, где обессиленные ленинградцы помогают друг другу встать на ноги, а сверху подбитый над Эрмитажем вражеский самолет, который в ту зиму рухнул в районе зоопарка.

Хотя живы еще свидетели и участники той блокадной поры, но во все большей мере умножаются мифы, имеющие характер стереотипов, т.е. не подвергаемых сомнению утверждений. Попробую разобраться в некоторых из них.

Миф 1. Один их самых закоренелых мифов – это о 125 граммах блокадной нормы хлеба.

Реальность. У нас очень часто пишут про сто двадцать пять грамм блокадной нормы хлеба, забывая упомянуть, что это норма только для служащих, детей и иждивенцев и только с 20 ноября по 23 декабря 1941 года. В конце декабря, в связи с открытием Дороги Жизни, норма хлеба увеличилась до 200 грамм, в январе 1942 г. – до 250, с 11 февраля 1942 г. – до 300 грамм. Также удвоилась и норма хлеба для рабочих – 500 грамм вместо 250.

С 23 февраля рабочие стали получать 600 грамм хлеба, служащие – 500, иждивенцы и дети – 400 грамм. Таким образом, с февраля 1942 года нормы выдачи хлеба в Ленинграде стали такие же, как во всей стране. И хотя смерти от голода еще продолжались, но их количество резко уменьшалось. Если в феврале на улицах города было подобрано около 7000 трупов, то в апреле — 600, а в мае — 50.

Миф 2. Второй, не менее распространенный миф, это утверждение, что ленинградцы кроме хлеба больше ничего не могли получить по карточкам.

Реальность. Известно, что 125 грамм хлеба обеспечивают организм 500 калориями, но для выживания минимальная норма должна быть 1500 – 2000 калорий в день. Известно также, что большая часть населения блокадного города состояла из детей, учащейся молодежи, пенсионеров, служащих и иждивенцев, т.е. из той категории лиц, которые получали минимальную порцию хлеба. И если бы действительно кроме хлеба ничего не было, то в Ленинграде за Блокаду погибло бы не треть, а большинство населения.

Ценные сведения о самых тяжелых первых месяцах Блокады содержатся в «Блокадном дневнике» студентки III курса 2-го Ленинградского медицинского института Зинаиды Сергеевны Седельниковой. Она приехала на учебу в Ленинградский медицинский институт из Туапсе, но прав был И. Эренбург, говоря, что любой человек, приезжая в Ленинград, очень скоро в этом городе становится ленинградцем. Ее повествование обнаруживает в авторе правдивого летописца, сумевшего талантливо отобразить блокадную жизнь во всей ее полноте, во всех ее темных и светлых сторонах. Вот что она записала в своем дневнике 1 декабря 1941 г.: «Рассматривала продовольственные карточки. Всего на месяц «нарисовано» по килограмму крупы и кондитерских изделий, восемьсот граммов мяса, четыреста – рыбы, пятьсот граммов масла. Как жить на эти граммы?»[18] Автор справедливо пишет, что всего этого очень мало, тем не менее, это была существенная добавка к ежедневному хлебу. Кроме того, на зарплату можно было прикупить кое-какие продукты на базаре, и в итоге – как-то свести концы с концами.

Студентка не случайно с иронией пишет слово «нарисовано», поскольку не всегда эти продукты, положенные по карточке, можно было в реальности получить: иногда в магазинах не было завоза или завоз продуктов был слишком маленьким. Только с февраля 1942 г. завоз стал регулярным и проблем с отовариванием карточек больше не было. А до февраля в столовой и магазине время от времени была возможность поменять то, что полагалось по карточкам, на то, что было в наличии. Вот как пишет об этом Зинаида Сергеевна.

«*8 декабря*. Неожиданно повезло в столовой – съела почти миску каши. Раздатчица долго смотрела на меня, а потом положила двойную порцию.. Стоило это мне одиннадцать рублей, но разве этому есть теперь цена?»

27-28 января. По дороге домой зашла в магазин за хлебом, а его нет. Продавец мясного отдела предложила за дневную норму хлеба и двухсотграммовый талон мяса килограмм муки, и я согласилась. Пришла долой и свалилась. Не было сил приготовить болтушку»[19].

---

[18] Чтобы помнили… Блокада. СПб., 2010. С.262.

[19] Болтушка – жидкая пища, состоящая из муки, разбавленной в кипятке.

Миф 3. Ленинградцы все сплошь были дистрофиками, с изможденными серыми лицами, с остановившимися глазами, передвигающиеся в полусогнутом состоянии шаркающей походкой с постоянными остановками для отдыха. Такую картину в общественном сознании внедрили псевдо-либералы, которые весьма тенденциозно освещают блокадную пору. Приведу пример из «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина. «Мы хотели иллюстрировать «Блокадную книгу» фотографиями. Мы отправились в архив ТАСС, для того чтобы найти фотографии заводов и фабрик времен блокады. Мы знали, как это было: разбитые снарядами цехи, измученные, еле стоящие у станков люди, привязывавшие себя, чтобы не упасть. Мы перебрали тысячи фотографий, сделанных репортерами в те годы. Мы видели за станками людей, рабочих – мужчин, женщин, суровых или улыбающихся, но неизменно бодрых».[20] И далее авторы пишут, что это их возмутило, как украшательство, фальсификация.

Реальность. Действительно, в первую блокадную зиму подавляющее число ленинградцев было больно дистрофией. Но положение изменилось с весны 1942 г., когда резко увеличилось продовольственное снабжение населения в связи с существенным его сокращением (из-за смертей и эвакуации) и когда после прокладки нефтяного трубопровода на полную мощность заработали заводы и фабрики. Хочется спросить авторов, могли ли изможденные рабочие, вынужденные привязывать себя веревочкой к станку, произвести за Блокаду тысячи танков и самолетов, десятки тысяч пулеметов и минометов, сотни тысяч автоматов и винтовок, миллионы снарядов и мин. В их книге на с. 192 четырнадцатилетняя школьница Д. Лозовская приводит рацион школьной столовой лета 1942 г.: «На завтрак нам дали два кекса из сои с киселем, стакан сладкого кофе и 100 граммов хлеба. Было очень вкусно приготовлено. На обед гороховый суп, какая-то рыба с лапшой, на третье стопочка морса и 200 граммов хлеба. На ужин нам дали соевую запеканку с томатным соусом, стакан сладкого чая, (на сахарине) и 100 граммов хлеба». Естественно, что рацион рабочих военных заводов в то время был значительно богаче калориями, и они действительно выглядели бодрыми в жизни и еще более бодрыми, когда их снимали для газеты.

Тенденциозность авторов проявляется и в подборке рисунков блокадных детей. Что они рисовали? – То, как мы бьем фашистов (в этом можно убедиться, набрав в интернете «рисунки детей Блокады»). А в книге о чем рисунки? – О том, как везут на санках покойников, как грузят в машины покойников, как падают ленинградцы от взрывов снарядов – и *ни одного* рисунка, изображающего самолет или танк, стреляющий по фашистам (наши любимые сюжеты!).

---

[20] *А. Адамович, Д. Гранин*. Блокадная книга. М., 1982. С. 220.

Миф 4. Период Блокады – это торжество горя, страданий, смерти, когда никакие радости, никакой оптимизм были невозможны. Это черная полоса с леденящими душу чудовищными событиями.

Реальность. Лейтмотивом Блокады была Жизнь: любовь к Жизни, радость Жизни, защита Жизни. Именно огромная любовь к жизни и ненависть к врагу, покушающемуся на жизнь, а также вера в неминуемость победы помогли большинству ленинградцев выжить в нечеловеческих условиях и в итоге победить. Мне симпатичен дневник студентки Зинаиды Седельниковой тем, что в нем дается полнокровная картина блокадной поры, со всеми ее горестями и радостями. При этом мучения описываются не только физиологические, как у «либералов» (голод и холод), но и духовные: только бы не отдать немцам Москву! Вот некоторые зарисовки из ее дневника:

«*18 августа*. Нарастает тревога за судьбу Ленинграда и Москвы.

16 сентября. Убогим стал круг наших интересов, однообразны тревожные мысли. Каждый после занятий спешит благополучно вернуться в свой дом, хотя он и перестал быть крепостью... И все же жизнь продолжается. Возвращаясь с лекций, с Валей и Верой в «Колизее» еще раз посмотрели фильм «Антон Иванович сердится», а перед сеансом в исполнении небольшого оркестра слушали концерт.

19 сентября. Гады метят в медицинские учреждения: госпиталь на Охте, больницу имени Куйбышева, поликлинику на улице Правды.

24 сентября. Всем нелегко, но ленинградцам хуже: сжимается кольцо, наступают холода, плохо с продуктами, постоянные бомбежки и обстрелы. И, все-таки, только бы выстояла Москва!

1 ноября. Начинает сказываться плохое питание. Похудела, побледнела, появилась одутловатость на лице. Колющие боли в области сердца, приступы слабости... Но не надо, не надо думать об этом. Лучше погрузиться в строчки учебников и тетрадей.

Уловила по радио заявление Совинформбюро: на Можайском, Волоколамском и Малоярославецком направлениях продвижение немецких войск ПРИОСТАНОВЛЕНО! (Выделено Седельниковой).

20 ноября. Снова убавили норму хлеба. Теперь будем получать всего сто двадцать пять граммов сырого темного хлебушка. Закончила учить микробиологию. В четыре часа дня неожиданно попала с товарищами в Театр музыкальной комедии, смотрела «Три мушкетера». Сидела в партере, как все, в пальто. На ногах моих были самодельные стеганные на вате «сапожки» с галошами. Главное – забылось про еду и улучшилось настроение.

23 ноября. Все кажется так мрачно и беспросветно, но вдруг в 19 часов зазвучала музыка. Кажется, Ефрем Флакс запел «Шотландскую застольную» Бетховена. Как встрепенулась душа!.. Поднялось настроение, жизнь показалась терпимой.

24 января. Днем пошла за хлебом и узнала радостную весть – прибавили норму... И хлеб есть в магазинах – и белый и черный. Дополнительно выдают по сто пятьдесят граммов сахара и триста пятьдесят граммов крупы. По радио отличные вести: наши войска взяли семь городов. С двадцать первого января открылось движение поездов на Вологду. Со вчерашнего дня началась эвакуация из Ленинграда! Наконец-то долгожданный перелом наступил!»

Самое темное и страшное, что было в Блокаду – это тающие силы и смерти вокруг.

«*29 ноября*. Мне немного лучше. Хватило сил добраться до больницы Мечникова. Отлично сдала фармакологию. Запомнилась неподвижная фигура экзаменатора, его серое сухое лицо и безразличный взгляд. Было видно, что ему не выдержать экзамен на холод и голод. А он еще молча пожал мне руку.

1 декабря. Узнала взволновавшую весть: оказывается, преподаватель, который принимал у меня экзамен по фармакологии, в тот же день умер у себя в кабинете. Я словно чувствовала его состояние.

Смерть ходит где-то рядом с нами...»

Самое светлое и радостное, что было в Блокаду – это общение с настоящим искусством и с настоящими – знакомыми и незнакомыми – людьми, поскольку, наверное, никогда в истории Ленинграда люди не были так заботливы, так внимательны друг к другу, как во время Блокады. Почти каждый житель блокадного Ленинграда вспоминает, как ему помогли выжить окружающие люди, которые пришли на помощь в самый тяжелый момент[21].

Вот как описывает автор дневника свой путь от больницы Мечникова домой, к Московскому вокзалу.

«*19 декабря*. После бессонной ночи, голодная и промерзшая, я плелась по заснеженным улицам, словно неся на себе груз. Он все давил и давил, а я с трудом передвигала ноги. Мороз был сильный, ветер оказался в лицо. Меня трясло от холода. Все яснее стала тревожить мысль: дойду ли я до дому?... Шла с надеждой где-нибудь передохнуть. Доходила до намеченного крыльца дома и уговаривала себя дойти вон до того еще крыльца... Доходила до него, уже сгибались колени, чтобы сесть, но обжигала мысль, что больше не встану. И опять передвигалась, наметив следующую цель. И не удержалась: уже ничего не видя, не присела, а упала на ступеньки подъезда. – Девушка, Московский вокзал, – услышала, с трудом сознавая, где

---

[21] *А. Адамович и Д. Гранин* пишут: «Город-фронт рождал солдатское чувство взаимовыручки. Каждый в какой-то степени чувствовал себя фронтовиком, и помогал он не просто упавшему прохожему, а своему однополчанину. Армия сражалась рядом, где-то у трамвайного кольца, и законы воинской чести становились общими законами города» - Там же. С. 132.

я. А очутилась в кабине грузовой машины. Портфель мой в ногах, а слева военный в овчинном полушубке. Оказалось, он подоспел вовремя, и узнал еще от меня, что живу я у Московского вокзала. Ему было по пути... Я не забыла сказать ему спасибо, но не узнала имени спасителя. Как во сне я добралась до пустой комнаты, и опустилась на край кровати... Нет, я должна жить, должна! Назло фашистам должна!» Добро шло от человека к человеку:

«*2 февраля*. Около общежития к нам подошла женщина, еле стоявшая на ногах, и молила купить у нее пару мужского белья хотя бы за сто граммов хлеба. Они с дочерью потеряли карточки. Мне не надо белье, но я принесла ей чуть больше ста граммов хлеба. Должна была это сделать, помня о своем спасителе».

Самой страшной в Блокаду была первая зима, когда в городе ежедневно умирало от 4000 до 6000 человек, что в сто раз превышало смертность в довоенном Ленинграде. Но даже в это трагическое время жизнь продолжалась, не только со своими горестями, но и радостями тоже. Перед Новым годом в город была завезена из Грузии партия мандарин, и руководство города приняло решение эти мандарины отдать детям в качестве новогодних подарков.

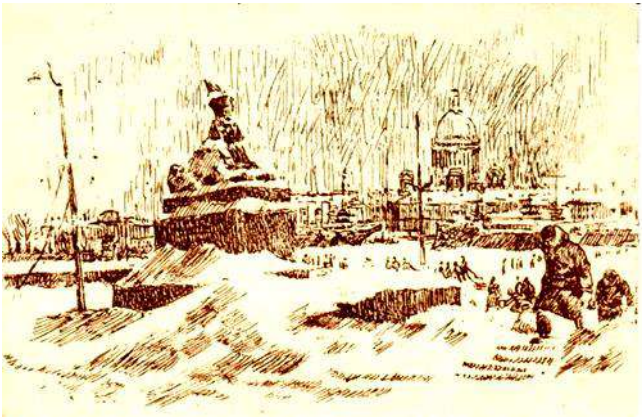
Вот как об этом вспоминает Кира Николаевна Белова, на то время ученица 4 класса. «10 января стало незабываемым днем нашей блокадной жизни. Нас, детей, пригласили на елку в 252-ю школу, которая находилась на улице Союза Печатников. Какой же незабываемой красавицей она нам показалась. Больше никогда в жизни я не видела такой елки. Это была настоящая елка, со свечами и игрушками. Нас накормили прекрасным обедом. Была музыка, танцы, пение и подарки. В подарках был американский шоколад, печенье, мандарины»[22]. И как мне доверительно сообщила Кира Николаевна, поскольку после первой смены праздника у некоторых девочек на выходе мальчишки отнимали подарки, постольку после второй смены, в которой была она, воспитатели старались проводить детей до дома.

Радость в это время не обошла и нашу семью. На Лужском оборонительном рубеже Л.Л. Обухов, мой будущий отец, был тяжело ранен и попал в госпиталь, где санитаркой работала моя мама. Они полюбили друг друга, и 22 июня 1942 г. любовь соединила их. И это очень знаменательно, что их брак состоялся в годовщину начала войны: война – войной, а любовь – любовью! Когда у нас утверждают, что в Блокаду музы не молчали, то здесь необходимо уточнить, что имеются в виду не только музы, покровительствующие музыке, танцу, поэзии, трагедии, комедии, но и Эрато – муза, покровительствующая любви и свадьбе.

---

[22] Чтобы помнили... Блокада. С. 63.

ИТОГИ ПЕРВОЙ БЛОКАДНОЙ ЗИМЫ



«Будь проклята война, наш звездный час».

М. Рощин

Н. А. Павлов. **На Неве**. 1943 г.

Первая блокадная зима была самой суровой для населения, и одновременно, – в высшей степени героической. На город постоянно обрушивались снаряды и бомбы. Кстати, не все бомбы взрывались: в некоторых под взрывателями находили записки немецких антифашистов «Чем можем – поможем». Не взрывались иногда и бомбы, сделанные советскими военнопленными, работавшими на военных заводах во Франции. Были случаи, когда вместо взрывчатки в неразорвавшейся бомбе находили песок и записку: «Рабочие чехи». Метрах в двухстах от дома моей мамы, на Съездовской линии тонная бомба попала в церковь и не разорвалась, – возможно, тоже из-за интернациональной поддержки. Конечно, те радужные картины, которые до войны рисовались советским писателям, что немецкие антифашисты восстанут и помогут нашим войскам смести свою милитаристскую власть, оказались далекими от реальности, тем не менее, некоторую помощь антифашисты стран Запада нам оказывали.

Говорят, что нет худа без добра, и действительно, некоторые бомбы и снаряды приносили пользу ленинградцам. Если снаряд попадал в дерево, ленинградцы тут же разбирали его на дрова, а если в канал или речку, которых в городе великое множество, то входили в воду ловить всплывшую оглушенную рыбу. Дело в том, что каждый ленинградец с начала войны должен был всегда иметь при себе противогаз, но очень скоро противогазы из подсумков вынули, а эти подсумки, как мне рассказывали очевидцы, и заполняли всплывшей рыбой. Некоторые ленинградцы осенью 41 года, таким образом, вылавливали по 5-7 килограмм рыбы в день, которая в за-

соленном виде помогла им пережить суровую зиму. На 3-й линии в доме № 36, прямо под нашей квартирой в полуподвальном помещении располагался колхоз рыбаков, который еще и после войны несколько лет занимался ловлей рыбы на Неве. Иногда на город вместо бомб сбрасывались листовки. На одной из них, по рассказу родственников, был изображен Гитлер, раздувающий меха гармони настолько, что Сталин, сидевший рядом с ним на скамейке, вынужден был упасть с нее.

Как жители города перенесли первую и самую страшную блокадную зиму? Если зимой, как уже отмечалось, народу было не очень много, но люди были везде, то к весне ситуация резко изменилась. Во время работы на Балтийском заводе я жил в довоенном бараке на площади перед дворцом им. С. М. Кирова. Жительница этого барака, блокадница рассказала мне, как она 2 мая 1942 года шла от своего дома до трамвайного парка им. Коняшина, что на Московском проспекте, для возделывания огорода, и за всю дорогу ей повстречалось всего 12 человек: город казался вымершим.

С самого начала войны все работники промышленных предприятий города были переведены на 11-часовой рабочий день. Плюс к этому по 3-4 часа ежедневно уходило на военную подготовку и на сооружение оборонительного пояса вокруг города. Рабочий день длился по 14-16 и даже 18 часов в сутки, т.е. он был фактически ненормированным.

Живя в прифронтовом городе (немцев остановили всего в четырех километрах от Кировского завода) и отдавая все силы на его оборону, ленинградцы в прямом смысле слова *стояли насмерть*, защищая свой город и свою свободу. И величайшее перенапряжение всех физических и духовных сил явилось еще одной причиной, помимо голода и холода, столь многих жертв среди ленинградцев.

Сколько человек умерло от голода и холода за всю блокаду и, особенно, за первую зиму? Сразу после войны на Нюренбергском процессе была озвучена цифра 632 тысячи (позднее стали говорить о 649 тысячах). В 60-х годах прошлого века американский писатель и историк Гаррисон Солсбери издал книгу о зверствах американской военщины во Вьетнаме. У нас подняли его на щит, но вскоре, в 1969 г. он издал книгу «900 дней. Блокада Ленинграда», где приводит цифру, почти вдвое большую официальной. У нас тогда чиновники стали оправдываться, что, де, никто не знает реальных цифр, поскольку в тех условиях невозможно было вести точный учет.

Отец моего школьного товарища Георгия Кузьминых в войну работал в Институте скорой помощи. После его смерти Георгий нашел в записной книжке отца следующую запись: «По данным Ленгорздравотдела на 1 января 1942 года в Ленинграде погибло 1 200 000 человек». Эту же цифру я встречаю у Г. Солсбери, Г. Жуко-

ва, Д. Гранина, Д. Лихачева, но они указывают август 1942 года. Где была произнесена или опубликована эта цифра? Что входит в нее: только ленинградцы или и умершие бойцы тоже? Ведь город был прифронтовым и он был наводнен военными госпиталями, и всех умерших, конечно, хоронили вместе. К этому вопросу я еще вернусь, поскольку более открытый доступ к архивам дает возможность установления и более точного числа потерь при Обороне Ленинграда.

Отец рассказывал Георгию, что в институте хранился довольно значительный запас спирта. Этот спирт небольшими порциями постоянно выдавали всем работникам института, и в итоге никто из них не умер во время Блокады. Как объяснил мне директор Химиздата Захаров Леонид Николаевич, спирт в процессе окисления вырабатывает в организме дополнительное число калорий, и таким образом, название, данное ему в Средневековье «Аква вита – вода жизни» нашло свое подтверждение во время Блокады. Так же более-менее благополучно пережили Блокаду и жители Полюстровского района, регулярно потребляющие минеральную воду «Полюстрово».

Были ли случаи предательств во время Блокады? Да, были. Предатели, в основном, проявляли себя как ракетчики. Поскольку «фашистская сила темная» предпочитала свои темные дела (бомбардировка города) проводить в темное время суток, – а в это время из-за светомаскировки в городе ничего нельзя было рассмотреть, на помощь немцам приходили ракетчики, которые ракетами указывали стратегически наиболее важные объекты: мосты, военные заводы и т. п. Известно, что для нейтрализации ракетчиков из ополченцев было создано 15 отрядов по борьбе с диверсантами и ракетчиками в количестве 2100 человек. Известно также, что иногда «ракетчиками» выступали представители спецслужб, которые сигналили ракетами над пустырями, вводя в заблуждение немецких летчиков, вынужденных сбрасывать бомбы на пустое место.

Откуда брались предатели? Определенный ответ я нашел в предвоенном дневнике В. И. Вернадского. Великий ученый сокрушается по поводу устроенной властями «охоты на ведьм» – безжалостном истреблении так называемых «врагов народа». И он восклицает: неужели власть не понимает, что своими жестокими действиями против собственного народа она приведет к тому, что в будущей войне с Германией люди будут встречать немцев хлебом-солью?! Борясь с мифическими «врагами народа», власть порождала действительных врагов режима. Мифических, поскольку врагом народа мог быть назван любой самостоятельно мыслящий человек, любой, случайно или по глупости обронивший не то слово.

«Врагами народа» оказались многие настоящие патриоты страны: военачальники, конструкторы, инженеры, ученые, поэты, писа-

тели, музыканты. Известно, что на пике репрессий в стране Д. Д. Шостакович по ночам стоял одетый на лестничной площадке, чтобы если за ним придут люди в форме, они бы не потревожили домочадцев.

Я как-то спросил моего нового отца, насколько репрессии 30-х гг. захлестнули страну и коснулись ли они его. И он мне ответил, что у него был родной дядя, Павел Иванович, который после революции и отделения Польши оказался заграницей. В 20-е гг. он перешел из Польши на родину. Тогдашняя пресса подняла его на щит, как живого свидетеля, подтверждающего преимущество социалистического строя перед строем капиталистическим. И отец, когда поступил в Ленинградский строительный институт, иногда ходил к дяде обедать. Во время «охоты на ведьм», вспомнив, что дядя перешел из Польши, суд переквалифицировал его переход как попытку шпионажа, и он вместе с женой был отправлен в лагеря. Какое-то время спустя в институте проходит комсомольское собрание, на котором призывают повысить бдительность и разоблачать врагов народа, кем бы они ни приходились. Отец по наивности и признался, что у него дядя, к которому он ходил обедать, оказался врагом народа. Моментально была изменена повестка комсомольского собрания и добавлен вопрос персонального дела студента Л.Л. Обухова. Собрание единогласно постановило «исключить студента Л.Л. Обухова из комсомола за связь с врагом народа». После протеста отца, что он ходил не к врагу народа, а к своему родному дяде, заключение изменили: «за связь с врагом народа, дядей».

Ожесточенная гражданская война, насильственная коллективизация, голодомор и жестокие репрессии в предвоенные годы сказывались на людях, озлобляя их. Пророчество Вернадского сбылось и действительно были случаи, когда немцев встречали хлебом-солью, как избавителей. В Ленинграде немцев не встречали хлебом-солью, поскольку в город немцев не впустили, но встречали ракетами. Ракетчиками зачастую выступали члены семей незаконно репрессированных режимом Сталина. Но, как известно, понять – не значит простить. Помогая немцам, ракетчики действительно выступали в роли врагов народа. Следует подчеркнуть, что абсолютное большинство членов семей репрессированных в войну сплотились со своим народом против общего врага. Даже многие белогвардейцы (хотя и не все; часть из них пошла с немцами против нашей страны), вынужденные эмигрировать, переживали за свою родину. Известно, например, что белый генерал А. И. Деникин в своей парижской квартире повесил большую карту, на которой флажками отмечал успешное продвижение Красной армии. Когда французы-соседи удивлялись, чему он радуется, ведь берут верх коммунисты, он отвечал, что нет, это побеждают русские солдаты.

Были ли случаи людоедства во время Блокады? Да, были. В той же книге Солсбери, переведенной у нас на русский язык в 1993 году, описаны случаи каннибализма и трупоедства. Как мне рассказывал один блокадник, на пустыре возле Витебского вокзала, где сейчас находится Театр юных зрителей, в первую блокадную зиму складировали трупы. Проходя мимо, он видел у некоторых трупов вырезанные в районе бедер куски тел. Известно около 1400 подобных случаев; по всем из них было проведено тщательное расследование и преступники были расстреляны. Но как установлено, в основном это преступление совершали не ленинградцы. В начале войны в город хлынули беженцы из Прибалтики, а также из области. Как лицам, не имеющим ленинградскую прописку, им какое-то время не выдавали карточки на получение продовольствия, и потому причиной этого были не только блокада, но и неразумные действия чиновников[23].

На огромный город таких преступлений было такое ничтожное количество, что я узнал об этом только много лет спустя. Книга Солсбери (в русском переводе она называется просто «900 дней») была встречена с восторгом нашей либеральной общественностью, как якобы лучшая книга, посвященная Блокаде Ленинграда. Еще бы: автор во время войны был руководителем агентства «Юнайтед Пресс» в Лондоне, а в Россию приехал в январе 1944 г., и тогда же с группой американских журналистов побывал в только что освобожденном от Блокады Ленинграде. Свою главную книгу «900 дней. Блокада Ленинграда» Солсбери писал 25 лет, собирая материалы у живых свидетелей событий, изучая многочисленные документы в советских архивах.

Но не все, написанное в книге Солсбери, нашло позитивный отклик у наших людей. Вот что пишет в комментарии на его книгу С. В. Немилов, профессор, доктор химических наук, С.-Петербург: «Солсбери пишет, что люди были измучены Сталинским режимом и колебались, перейти ли к Гитлеру или остаться со Сталиным. И, как он пишет, решили, что Сталин безопаснее. Вздор и вздор. Я помню то время по письмам, которые мы получали из осажденного Ленинград. Ленинградцы боролись, стояли, умирали за свой город, за свою Родину. Враг всегда для русских был мощным стимулом объединяться. Тогда никто не знал (в массе) о репрессиях, да и тех, кто знал, мгновенно объединила со всей страной ненависть к врагу. Это было Великое Единение Советского Народа. Врага надо бить!»[24].

---

[23] Миф № 7 / АиФ. № 10. 2014 г.

[24] *Гаррисон Солсбери* 900 дней. *Источник*: http://kraevushka.livejournal.com/283096.html

С. В. Немилов совершенно верно пишет, что главное содержание Блокады состоит в том, что ленинградцы боролись, стояли и умирали за свой город, за свою Родину. Чтобы город, а, следовательно, и его жители (это для ленинградцев было одно) могли выстоять, с ноября, пользуясь сильными морозами, была установлена Дорога Жизни по льду Ладожского озера. По ней не только привозили в город продукты и необходимые материалы (в связи с чем нормы отпуска хлеба с декабря стали расти), но и вывозились на Большую землю дети, женщины и престарелые, а также рабочие эвакуируемых предприятий – всего более полумиллиона за первую блокадную зиму.

Я помню, как во время войны, глядя на дымные трубы, я глубокомысленно делал вывод, что тучи над городом слагаются из дыма, идущего от заводских труб. Заводы и фабрики, производящие продукцию для фронта, во время войны работали. И танки, пушки, минометы отправлялись не только на Ленинградский фронт, но и в ноябре–декабре 1941 года – на московский фронт, где в то время проходила решающая битва под Москвой. Туда из Ленинграда было отправлено свыше тысячи артиллерийских орудий и минометов и большое количество других видов вооружения. Победа под Москвой – это заслуга и ленинградцев! То, что Солсбери проявил себя как антисоветчик, не означает, что он во всем неправ. Он с уважением отнесся к подвигу ленинградцев и совершенно справедливо отметил, что по своим трагическим последствиям Блокада Ленинграда превосходит Варшавское гетто и Хиросиму вместе взятые, превосходит все самое страшное, самое чудовищное, что было в ту войну.

Но это только одна сторона медали. Другая сторона состоит в утверждении, что мир не знал такой стойкости, такого героизма, такой духовной силы, которые проявили ленинградцы, живя в нечеловеческих условиях. Не случайно все советские люди, в том числе и сталинградцы в 1942 году, брали для себя в пример подвиг Ленинграда. Сила духа, полная уверенность в победе были настолько велики, что ленинградские женщины продолжали рожать детей. В октябре 1941 года в Ленинграде работало 15 родильных домов, из которых к октябрю 1942 года из-за сокращения численности населения осталось 6. В 1942 году работали 23 молочные кухни, на которых ежедневно выдавали примерно 60 тысяч порций для грудных детей. На одну из них, находившуюся на Театральной площади, постоянно ходил за питанием для своей новорожденной сестры уже упоминавшийся В. В. Тарасов, и, как он мне рассказывал, там постоянно была очередь из молодых мам.

В начале 90-х годов мне на глаза попалась заметка, что в разгар перестройки, на тысячу жителей Ленинграда приходилось меньше рождений детей, чем на тысячу жителей времен Блокады, и в пере-

стройку население города сократилось почти на полмиллиона. Для проверки приведенного факта воспользуемся статистикой рождаемости Н. П. Шабалова и Л. В. Эрмана (главный педиатр Петербурга): «Согласно данным городского статуправления, рождаемость в Ленинграде: 1941 г. – 67 899 детей, 1942 г. – 12 659 детей, 1943 г. – 7 775 детей»[25].

Возьмем для рассмотрения чисто блокадные годы – 42 и 43 гг. Чтобы определить процент рождаемости в эти годы, надо знать не только количество родившихся, но и количество проживающих на тот год ленинградцев. Число ленинградцев той поры очень трудно поддается подсчету, поскольку это число было динамическим: оно постоянно уменьшалось. Поэтому не остается ничего другого, как, выявив число ленинградцев на начало года и на конец года, определить среднеарифметическое число. Если на начало Блокады в Ленинграде проживало около двух с половиной миллионов человек, то на начало 1942 года в Ленинграде оставалось около 1,6 миллионов жителей, в связи с тем, что около 400–500 тысяч было вывезено по льду Ладожского озера и примерно столько же погибло от голода и холода. К январю 1943 года в Ленинграде оставалось 800 000 жителей в связи с продолжающейся эвакуацией и смертями от голода. Берем среднеарифметическое число на 1942 год – получается около 1 200 000 жителей, на которых приходится 12 659 новых рождения, что означает 10,5 рождений детей на 1000 жителей блокадного Ленинграда. Проделаем такой же статистический подсчет на 1943 год. Если на начало этого года, к прорыву Блокады, в Ленинграде проживало 800.000 жителей, то в январе 1944 года, к снятию Блокады, в городе уже оставалось 560.000 в связи с продолжающейся эвакуаций жителей весь 1943 год. Берем среднеарифметическое число – получается около 675.000 жителей, на которых приходится 7.775 родившихся детей, что означает 11,5 новорожденных на 1000 жителей.

Уже после проведения собственного расследования я нашел официальные числа рождений на 1000 жителей Ленинграда первой половины 40-х годов. На удивление, они оказались близки моим расчетам. В 1941 году приходится 25 рождений на тысячу жителей, т.е. еще продолжался довоенный уровень рождаемости детей, в 1942 – 10, в 1943 – 12,6, в 1944 – 25, в 1945 – 38![26]

---

[25] «Детское здравоохранение блокадного Ленинграда» *Источник*: http://www.propedeutics-spb.ru/home/2013-10-08-09-12-04/135-de-tileningrada.html

[26] *Шнитникова-Лагарп, Одинцова Н.* «Влияние войны на санитарное состояние населения» / АиФ Петербурга. 36 (421). http://gazeta.aif.ru/_/online/spb/421/02

Эти цифры я и возьму за основу. А теперь рассмотрим количество рождений детей в перестройку – эти данные приводятся во многих справочных изданиях. Если в 1985 году на тысячу жителей Ленинграда–Петербурга было 14,5 рождений, в 1990 – 10,8, то в 1995 – 6,99, а в 1996 – 6,6 родившихся. Отсюда я вынужден сделать важнейший вывод: В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ НА ТЫСЯЧУ ЖИТЕЛЕЙ РОЖДАЛОСЬ ПОЧТИ ВДВОЕ БОЛЬШЕ ДЕТЕЙ, ЧЕМ ИХ РОЖДАЛОСЬ В РАЗГАР ПЕРЕСТРОЙКИ В ПЕРЕРБУРГЕ.

Если в период Блокады ленинградцы твердо знали, кто их враг, и также твердо были уверены в победе, то в начале 90-х, в условиях безудержного разграбления богатства страны и столь же безудержного обнищания основной массы населения, город охватила безысходность, пришло трагическое мироощущение и его верные спутники – увеличивающееся количество самоубийств и уменьшающееся количество новых рождений. Не с этим ли связаны возникшие с 1989 года попытки части нашей интеллигенции принизить подвиг ленинградцев в период Блокады, выпятить все негативное и замолчать все позитивное той поры? Из отмеченный фактов следует, что вера в будущее, жажда жизни у блокадников была выше, чем у жителей Ленинграда-Петербурга эпохи перестройки.

Стойкость ленинградцев с удивлением и даже с некоторым восхищением отмечали и сами немцы. Начальник полиции безопасности, находящейся в Красногвардейске (ныне – Гатчина), в Сводке о событиях в СССР № 137 от 24 ноября 1941 г. сообщает в Берлин: «На верфях завода им. Марти строятся два больших корабля, которые по своим размерам не имели аналогов в России. В городе продолжают работать театры и кинотеатры... Около 10 дивизий остаются связанными на этом участке фронта и удерживаются от применения на других участках восточного фронта».

В январе 1942 г. в Берлин пошло новое донесение: «Немецкое военное командование не перестает удивляться упорству и стойкости русских. Способность русских к импровизации рассматривается немецкой стороной прямо-таки решающим фактором для продолжения сопротивления красноармейцев и рабочих»[27].

1942 год

ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

Весеннее солнце принесло в город свет и тепло – важнейшие природные слагаемые жизни, которых так не хватало в Блокаду. Повсеместно стали восстанавливать водопровод и канализацию. Восстановилось электрическое снабжение города.

---

[27] Данные из документ. фильма «Кремль 9. Неизвестная блокада»

Ленинградцы не только защитили город и свою свободу и независимость, но у измученных голодом и холодом жителей нашлись силы для улучшения условий жизни в нем. Перво-наперво город был очищен от снега, который не убирался всю зиму и при таянии мог породить в городе инфекции. (Канализация в городе в ту зиму не работала, и люди справляли нужду прямо в снег). По дну Ладожского озера был проложен трубопровод, по которому военные предприятия снабжались топливом. В то время никто в мире не строил трубопроводы под водой. Трубопровод длиной 30 км, из которых 21 км непосредственно по дну Ладожского озера был проложен всего за 43 дня. За 20 месяцев работы по трубопроводу, названному «Артерией жизни», в город было перекачено 40 тысяч тонн горючего, так необходимого для предприятий города[28].

К весне положение с топливом улучшилось и тепловые электростанции стали вырабатывать больше электричества. Это дало возможность восстановить в городе трамвайное движение, которое из-за отсутствия электроэнергии не работало с декабря 1941 года. 15 апреля 1942 года более 160 трамваев вышли перевозить людей. Трамваи вышли с флагами, вагоновожатые без конца нажимали педаль звонка, чтобы напомнить ленинградцам звук приближающего трамвая и сообщить о начале движения. Ленинградцы со слезами радости и с криками «ура» подбегали к вагонам... Писатель В. К. Кетлинская так описывает тот день: «Мы все помним эти повисшие, скрученные жгутом провода, расстрелянные, заваленные сугробами вагоны. Слабыми руками, истощенные, тогда вы подняли контактную сеть и дали возможность побежать снова простому ленинградскому трамвайному вагону. Это же был для нас символ возрождения, символ жизни. Мы бежали, мы тоже были слабы, но мы бежали на наших непрочных распухших ногах за этим вагоном. Я помню, как кричали: «Позвони еще!». Такой радостью был этот трамвайный вагон!»

Не менее эмоционально было воспринято это событие и на другой стороне, о чем свидетельствует воспоминание тогдашнего ефрейтора германской армии, артиллериста Ганса Фолькенхорста: «К ночи 15 стояла сырая апрельская ночь с низкими облаками. Все, как обычно, но там, над Ленинградом, по тучам бегали какие-то странные голубые вспышки. «Курт, – сказал я, – что это за странная иллюминация, не собираются ли русские применить новое секретное оружие?» – «Черт возьми, Фолькенхорст, они пустили трамвай». Они пустили трамвай на седьмом месяце блокады?... Я задумался; зачем мы мерзли здесь всю зиму, зачем мы кричали о неизбежной гибели жителей города, если они пустили трамвай?»

---

[28] *Куртов А., Колесников Е.* «Артерия жизни». / АиФ, № 18. 2014.

Я помню трамваи военных и первых послевоенных лет. Память зафиксировала три типа вагонов. Одни, еще дореволюционной постройки, не имели дверей на переднюю, где сидел вагоновожатый, и заднюю, куда входили пассажиры, площадки. Двери были только в сам салон, в котором две скамьи по длине салона смотрели друг на друга, а посредине, держась за поручни, стояли пассажиры, которым не хватило сидячего места. Вагоны без дверей были удобны в часы пик, когда мест в самом вагоне всем не хватало, и остальные могли «висеть» на подножке, держась за поручни. Проезд в довоенном, военном и послевоенном городе (до денежной реформы Хрущева) стоил 15 копеек. От проезда освобождались дети, высотой до метра, для чего в каждом вагоне была отметина метровой высоты, к которой в сомнительных случаях подводили детей. Второй, более усовершенствованный тип вагона имел входные двери не только в сам салон, но также и на переднюю и заднюю площадки. Был еще третий, самый крупный тип вагона с автоматически открывающимися дверьми и креслами, установленными не вдоль, а поперек салона. Он назывался «американкой». Америка тогда ассоциировалась у нас со сказочно богатой страной, в которой возможны все чудеса техники. И только при написании этой книги я узнал, что название «американка» связано не со сказочным богатством, а обозначало тот простой факт, что этот вагон был скалькирован с американского. Был еще один, четвертый тип – грузовые трамваи серого цвета, которых было тогда довольно много и которые перевозили детали и материалы от завода к заводу, а также возили боеприпасы на передовую.

По данным немецкой разведки, производственные показатели промышленных предприятий Ленинграда в марте 1942 года достигли уровня июня 1941 года, т.е. довоенного уровня. И это ли не подвиг, учитывая, что многие предприятия, для которых не хватало энергии и материалов, зимой были эвакуированы на Большую землю, а сами ленинградцы были обессилены после страшной зимы!

Многие десятки ленинградских предприятий, прежде работавших на гражданские нужды, теперь перешли на военные рельсы, стали выпускать оружие и боеприпасы для фронта. Обувная фабрика «Скороход» помимо обуви теперь стала выпускать и артиллерийские снаряды, парфюмерная фабрика «Грим» перешла на выпуск противопехотных мин, кустарная артель «Примус» освоила производство автоматов. На фабрике игрушек и на заводе кухонных плит началось производство гранат, на заводе музыкальных инструментов – противотанковых мин, а спиртоводочные заводы стали выпускать «коктейли Молотова».

23 сентября 1942 в осажденный город стала поступать энергия Волховской ГЭС по бронированному кабелю, проложенному по дну

Ладожского озера. Благодаря восстановившемуся снабжению города электроэнергией и топливом восстановились работы бань. Правда, из-за экономии в банях работало только по одному отделению – общему и для мужчин и для женщин. Мама иногда брала меня с собой в баню, и там я для себя сделал открытие, что девочки не просто не похожи на мальчиков, но они имеют и другое строение. В городе постепенно стали открываться магазины, в том числе – парфюмерные, и женщины снова смогли почувствовать любимый запах духов «Красная Москва». А главное, был приведен в порядок любимый город: он снова стал таким же красивым и гордым, каким был до войны. Весной норма хлеба возросла в три раза, притом это был уже настоящий хлеб, без примеси малосъедобных добавок. Появилась растительность (подорожник, крапива, лебеда, одуванчики и проч.), которую ленинградцы научились употреблять в пищу. Капитан медицинской службы запаса А. П. Павлова, служившая в войну военным фельдшером на Дороге Жизни, поделилась со мной воспоминаниями, как по приказу санитарного управления Ленинградского фронта из хвои ели стали приготавливать хвойный экстракт и она давала всему личному составу его пить перед обедом, что помогло многим людям выжить.

Весной 1942 года ленинградцы одержали первую и очень важную победу над врагом – психологическую победу. Эпоха безысходности постепенно сменялась эпохой Возрождения, возрождения жизни: жизненных сил, жизненных ценностей. И хотя блокада продолжалась, а с ней, хоть и в уменьшающемся объеме, продолжались артиллерийские обстрелы центра города, которые приводили к новым разрушениям, но мироощущение теперь становилось другим: была всеобщая уверенность в скором прорыве блокады и скором победном окончании войны. Эта уверенность придавала ленинградцам новые силы, которые действительно способствовали приближению победы.

Мне запомнился один знаменательный момент из лета 1942 года. В садик пришли навестить меня мама с новым отцом. Прощаясь, они спросили, что мне принести. И я запомнил свой ответ: я просил не хлеба и не сладостей, я просил принести мне бумагу. Мы, как и все дети нашего возраста, любили рисовать, но у нас почти не было бумаги – рисовать приходилось на каких-то клочках. Чаще всего мы рисовали самолеты со звездами и Кремлевские башни. Родители пообещали принести мне бумагу, я ждал, но... война есть война.

В то время, как мы в садике проводили утренники, отдыхали на даче, летом и осенью 1942 года состоялось мощнейшее сражение у стен Ленинграда. Поскольку предыдущие попытки группы армий Север штурмом взять Ленинград провалились, летом 1942 года эта группа получила значительное подкрепление. После того, как 11

армия под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна в июле 1942 года штурмом взяла Севастополь, она была переброшена вместе с тяжелой осадной артиллерией для решающего штурма Ленинграда. Однако в ходе летне-осеннего наступления 42 г. войск Волховского фронта, пытавшихся прорвать блокаду, армия Манштейна потеряла убитыми и попавшими в плен 60 000 человек, а также 260 самолетов, 200 танков, 600 орудий и минометов. «Лучше три раза брать Севастополь, чем один раз Ленинград», - говорили офицеры Манштейна[29]. Блокаду прорвать не удалось, но и немцам в очередной раз не удалось штурмом взять Ленинград.

Кандидат исторических наук П.П. Данилов сообщает важную информацию: «В соответствии с принятым 21 апреля 1942 г. специальным планом мероприятий по окончательной ликвидации дистрофии при поликлиниках и амбулаториях была развернута широкая сеть диетических столовых повышенного типа. К ним прикрепляли на 2-3 недели по представлению участковых врачей. Для этих столовых был установлен следующий ежедневный рацион (в граммах): хлеба – 500, мяса – 100, сахара – 100, жиров – 60, крупы – 130, муки пшеничной – 25, сухофруктов – 10, картофельной муки – 10, сухих овощей – 50, кофе натурального – 20 и чая – 10 г»[30].

Результат не замедлил сказаться: если ленинградцы, эвакуируемые зимой 1941-42 гг. выглядели явными дистрофиками, то ленинградцы, эвакуируемые летом 1942 г. выглядели совсем иначе. Вот так, по описанию начальника эвакопункта в Кобоне В.П. Былинского, выглядели дети зимой 41-42 гг.: «Наш дом 66 был превращен в детский приемник. Там все было полно детьми: на столах, на кроватях, на полу лежали дети, на которых было страшно смотреть. Иссохшие, изморщиненные, полуживые дети были до того слабы, что голосов их не было слышно, ни писка, ни стона, ни крика... Какие это были ребята! Скелетики!». А вот его описание эвакуированных летом 42 г.: «Людей, которые эвакуировались в летнюю эвакуацию, нельзя было сравнить с теми, которые уезжали зимой. Они выглядели уже значительно лучше»[31]. Здесь содержится ответ на вопрос Адамовича и Гранина, почему фотографы в 1942-43 гг. не фиксировали в блокадном Ленинграде за станками дистрофиков. – Потому, что их уже просто неоткуда было взять. Проблема с дистрофией к лету 1942 г. была в целом решена, и дистрофиков почти не осталось. Чтобы не быть голословным, привожу фотодокументы из семейного

---

[29] *Солсбери Г.* 900 дней. С. 560

[30] *П.П Данилоов*. «Промышленность Ленинграда в годы блокады». *Источник*: http://www.vevivi.ru/best/Promyshlennost-Leningrada-v-gody-blokady-ref91763.html

[31] Оборона Ленинграда. 1941 – 1944. Л., 1968. С. 668, 671.

архива. На с. 55 приведен снимок, где я сфотографирован вместе с мамой и бабушкой. На обороте маминой рукой написано: «Снимок 1942 года, лето, блокада в Ленинграде». Мы здесь истощенные, но уже способные улыбаться и с живыми глазами. На 70 стр. помещен снимок 1943 г. нашей детсадовской группы. Там вообще не видно следов дистрофии, и дети не отличаются от современных детей.

Ленинградцы не просто страдали и умирали, как сейчас стало модным говорить, но, прежде всего, работали на защиту своего города и на Победу. В первые же дни войны большое количество добровольцев пошло в народное ополчение, из которого было образовано 10 дивизий численностью около 100 тысяч человек и плюс 35 тысяч человек в дополнительных воинских формирований. Ополчение складывалось из лиц, которые по тем или иным причинам имели отсрочку от армии, но решили пойти в нее добровольцами. Мне отец рассказывал, что ополчение формировалось как временное войсковое соединение для решения узко практической задачи, например, защиты данного города от врага. Предполагалось, что после решения поставленной частной задачи ополчение будет распущено и записавшиеся добровольцы вернутся на свои места. Но жизнь оказалась более жестокой, чем предполагалось, и ополчения уже осенью 1941 года были переименованы в регулярные части Красной армии.

Каждый житель города работал на своем месте, внося посильный вклад в освобождение города от врага. Констанция Игнатьевна работала в детской больнице имени Веры Слуцкой, вторая бабушка – Елена Михайловна работала воспитателем в детской саду. Одна тетя работала регистратором в поликлинике, другая – портнихой, третья – почтальоном, четвертая – рабочей на военном заводе, мама – санитаркой в эвакогоспитале. В эвакуационный госпиталь привозили раненых непосредственно с поля боя.

Жители города строили укрепления на подступах к городу, прокладывали новые дороги, производили военную технику, восстанавливали разрушения, лечили раненых бойцов и больных ленинградцев, поддерживали в городе необходимый порядок, обеспечивали бесперебойное снабжение города продуктами и товарами с Большой земли, создавали кооперативы по выращиванию овощей и делали еще многое, много другое. В связи с постановлением Ленсовета от 19 марта 1942 года «О личных потребительских огородах и их объединений» весной 1942 года было создано 633 подсобных хозяйств и 1468 объединений огородников, собравших за 1942 год 77 тысяч тонн овощей. Ярким примером величайшей гуманности ленинградцев явилась сдача ими во время войны и Блокады 144 тонны крови для спасения раненых бойцов, а также для получения дополнительного питания своим детям.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Название Дорога Жизни придумано самими ленинградцами, еще в январе 1942 года, как только началась массовая эвакуация жителей на Большую землю.

Мне прислали материалы 96-летней защитницы «Дороги Жизни» Павловой Антонины Павловны, где она подробно описывает, каких героических усилий стоило им содержание дороги, чтобы как можно больше ленинградцев смогли выехать по ней на Большую землю: «22 ноября 1941 г. по приказу Ставки Ленинградского фронта 135 Отдельный дорожно-строительный батальон передислоцировали на Ладожскую ледовую дорогу по обслуживанию дороги, ведущей к Ленинграду, обеспечению прохождения грузов и продовольствия для ленинградцев, находящихся в блокадном городе. Дорожники на льду Ладожского озера работали круглосуточно под обстрелом в мороз – 35–40 градусов при сильном ветре. Лед на Ладожском озере становился, как зеркало. Для безопасности движения делали насечки на льду. Местами, где были трещины и полыньи, прокладывали гать: настилали бревна длиной 2 метра в 2 яруса вдоль и поперек, скрепляя стальными скобами. Груженые автомашины ехали день и ночь. Моторы машин часто глохли, машины замерзали. Приходилось их толкать, так как движение нельзя было остановить. Работали все рода войск и медики. Из Ленинграда везли детей, раненых, стариков, ценности.

Наш медицинский пункт был оборудован в палатке, находился на берегу и назывался обогревательный. В нем постоянно топилась печка. Там был перевязочный материал и все необходимое для оказания помощи. Рядом с палаткой стоял «Титан», круглосуточно протапливаемый, с кипящей водой. Задача – сохранить здоровье личного состава батальона. Каждый солдат – профессионал по строительству дорог, мостов, переправ. При бомбежке на льду Ладожского озера образовывались воронки-полыньи на пути автомашин с продовольствием и грузом. Автомашины попадали в воронку и начинали уходить под лед. Людей и мешки с мукой спасали баграми. Поэтому водители при движении стояли на подножке ма-

шины, чтобы при необходимости быстрее выпрыгнуть, но не всем это удавалось. Если водителя из воронки достанут, его сразу завернут в плащ. Затем быстро отнесут в медпункт, где его переоденут, медики разотрут тело спиртом или кремом, жиром наружного употребления. Напоят горячим чаем. Иногда приходилось делать инъекции сердечные и профилактические. Воронки срочно заделывали, сооружали объезды, так как машины шли беспрерывно с небольшим интервалом друг от друга.

Каждую бомбежку я очень переживала, хотелось больше и быстрее доставить ленинградцам хлеба и всего, что требовалось. Ледовая Ладожская дорога названа ленинградцами «Дорогой жизни». «Дорога жизни» была не только дорогой, а единственной нитью для перевозки грузов, детей, раненых, пожилых людей, ценностей из блокадного Ленинграда и доставки обратно хлеба, продовольствия и всего необходимого. Она была нитью, поддерживающей остатки сил и мужества благодарного Ленинграда. «Дорога жизни» была еще и надеждой, которая не погибла под бомбежками, согревала в лютый мороз, дала веру в Победу, и приблизила ее»[32]. (Поэтому нельзя согласиться со словами Д.С. Лихачева в очерке «Как мы остались живы» (Нева, 1991, № 1), что дорога через Ладогу в Блокаду называлась дорогой смерти, а дорогой жизни ее назвали писатели после войны, чтобы угодить властям. Мои контакты с А.П. Павловой, обслуживающей эту Дорогу, опровергают утверждение Лихачева).

Приведу еще одно воспоминание – Марии Александровны Михайловой, много лет проработавшей преподавателем в Ленинградском сельскохозяйственном институте: «В 1941 году я училась на третьем курсе физического факультета Ленинградского государственного университета... Университет готовили в эвакуации и занятий не было. Автомашину-полуторку специально для эвакуации оборудовали фанерным кузовом, побеленным мелом, установили буржуйку и скамейки на 26 человек. Всем приказали сшить белые накидки из простыней, так как ледовую дорогу, по которой нам предстояло ехать, бомбили и надо было выходить на лед... По Ледовой дороге переезжали озеро 25 декабря в 2 часа дня. Когда началась бомбежка, вышли на лед. Спасибо летчикам-истребителям и зенитчикам, стрелявшим с берега и отбившими атаку противника».

Здесь я обращаю внимание на дату эвакуации из Ленинграда студентов университета: 25 декабря 1941 года. Выше приводилось число эвакуированных ленинградцев за 1942 год – 1003157 человек. Но это имелось в виду только с 22 января по 1 ноября 1942 года и только по Ладожскому озеру, когда эвакуация стала носить органи-

---

[32] См.: *Воронова Г. С.* Блокадные будни одной ленинградской семьи. http://akadionw.spb.ru/ sites/default/files/sbornik/files/ip_konf.pdf

зованный характер, была поставлена «на конвейер». Но эвакуация происходила и до 22 января, и после 1 ноября 1942 г., когда предприятия и учреждения вывозили сотрудников на своих средствах передвижения.

В ноябре-декабре 1941 года из Ленинграда интенсивно эвакуировались предприятия оборонного комплекса, для которых в городе не хватало энергии и материалов, и с ними вывозились работники этих предприятий, чтобы на новом месте сразу приступить к выпуску военной продукции. Кроме того, ленинградцы эвакуировались не только по Ладоге, но и самолетами. В Ленинграде всю войну работали два аэродрома, которые постоянно принимали с Большой земли продовольствие и необходимые материалы, а обратно вывозили людей. Поэтому вполне возможно, что более правы те, кто пишет не о миллионе, а о 1,2 – 1,5 миллиона эвакуированных ленинградцев, включающих неорганизованные группы до 22 января 1942 г., а также эвакуированных самолетами[33]. В этом случае и число умерших ленинградцев может оказаться менее 750 тысяч. Это все равно гигантское число, но, тем не менее, в разы меньшее того, которое муссируют «либералы».

Точное число потерь станет известно только после скрупулёзного системного исследования всех архивов периода Обороны Ленинграда, но в любом случае уже ясно, что выжило в Блокаду более 70 % ленинградцев, что считается квалифицированным большинством. Выжили, прежде всего, благодаря своей стойкости, благодаря помощи всей страны, благодаря Дороге Жизни, тем, кто содержал и охранял ее, кто вывозил по ней ленинградцев. Я уже отмечал, что большая часть ныне живущих блокадников – это как раз те, кто выехал из Ленинграда по Дороге Жизни.

Но не все эвакуированные ленинградцы смогли выжить. Часть эвакуированных погибала еще во время переправы: или из-за того, что машина с людьми уходила под лед (что отражено в воспоминании Изабеллы Светлосановой), или из-за того, что в баржу с людьми попадала вражеская бомба (что отражено в приведенном ниже воспоминании Вадима Номоконова). Даже благополучная переправа на тот берег, в Кобону, на большую Землю не могла спасти всех эвакуированных, поскольку у некоторых болезнь носила уже необратимый характер. И хотя начиная с Финляндского вокзала эвакуированных хорошо кормили, но обессиленные люди не все смогли вынести тяжелую дорогу. Некоторые ленинградца умирали в поезде, который вез эвакуированных от станции Кобона в глубь страны. И приходилось время от времени выносить новые и новые трупы. Об

---

[33] Википедия. «Ленинградская блокада». *Источник:* http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1005643

этом сообщает упоминавшаяся уже ленинградская школьница Таня Вассоевич, эвакуированная из Ленинграде по Ладоге в начале апреля 1942 года: «Когда в вагоне кто-нибудь умирает, то на ближайшей станции их складывают аккуратно штабелями, как дрова, а я отворачиваюсь, чтоб не видеть»[34].

Председатель Общества жителей блокадного Ленинграда в Нью-Йорке прислала мне свою статью, где рассказывается о памятниках блокадным детям, скончавшимися в разных уголках страны уже после эвакуации. В этой же статье сообщается о количестве умерших блокадников, уже доставленных на место эвакуации.

– Так, в Шатковский район Горьковской области в августе 1942 года была эвакуирована группа детского дома в составе 125 детей. Из этой группы скончалась только одна, но известная во всем мире девочка – Таня Савичева, та самая Таня, которая «осталась одна». Она скончалась 1 июля 1944 г. от туберкулеза.

– На железнодорожной станции Лычково Демянского района Новгородской области трагедия произошла 18 июля 1941 года. На эшелон, состоящий из 12-ти вагонов-теплушек, в котором находилось около 2000 детей, их воспитателей и медперсонала, немецкие самолеты сбрасывали бомбы, несмотря на знаки Красного Креста на крышах вагонов! После того как бомбы были сброшены, гитлеровские лётчики на бреющем полёте в упор расстреливали мечущихся детей. Останки разорванных снарядами детей похоронили в одной могиле с сопровождавшими их педагогами и медицинскими сестрами. Погибли почти все.

– 14 октября 1941 года на железнодорожной станции Тихвин произошло неслыханное злодеяние: около 100 вражеских самолетов бомбили станцию более 6 часов, где в это время находились два состава с женщинами и детьми из Ленинграда. Погибли, практически, все эвакуируемые (около 5000 женщин и детей), а также множество железнодорожников и пожарных, пытавшихся их спасти.

– За время блокады в Ярославскую область было эвакуировано около 300 тысяч человек. Из них около 10 тысяч блокадников погибли от последствий дистрофии и были захоронены в Ярославле.

– Кроме Ярославля памятник, сооруженный на средства жителей Заволжского района Ярославской области, стоит на Тверицком кладбище, на месте захоронения около тысячи ленинградских детей, погибших от блокадной дистрофии по дороге в тыл.

– На 1 апреля 1943 года на Вологодчине было размещено 165160 эвакуированных, В шести эвакогоспиталях, созданных специально для ленинградцев, и двух больницах скончались 1928 человек. Всего было выявлено более 17 тысяч человек из Ленинграда и Ленинград-

---

[34] Военный дневник Тани Вассоевич. Спб., 2015. С.80.

ской области, умерших и захороненных в Вологодской области. Выше приведен мемориал ленинградским блокадникам на Пошехонском кладбище (Вологодчина).

–23 октября 2012 года в алтайском селе Боровлянка был торжественно открыт Мемориал маленьким ленинградцам - жертвам блокады. 88 малышей умерли от последствий блокадной дистрофии. Их похоронили на сельском кладбище.

– 10 тысяч маленьких ленинградцев-блокадников были эвакуированы в Костромскую область. Костромичи организовали сбор продуктов и тёплых вещей. Однако и в тылу выходить удалось не всех. 300 детей были похоронены на Лазаревском кладбище.

Да, тысячи людей, даже десятки тысяч, погибли. Но ведь более миллиона спаслось! Ведь до сих пор в нашем городе, спустя 70 лет после снятия Блокады, проживает 132 тысячи 400 человек, награжденных медалью «За оборону Ленинграда» или знаком «Жителю блокадного Ленинграда», среди них 16 тысяч 200 человек ветеранов, награжденных медалью «За оборону Ленинграда», и 116 тысяч 200 – знаком «Жителю блокадного Ленинграда». А сколько их разбросано по всему миру! Я только недавно с удивлением узнал, что в одной Америке три общества блокадников: в Нью-Йорке (300 человек), Вашингтоне и Канаде. И с каким воодушевлением в день снятия Блокады ленинградцы поют Родную Ладогу!

ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕТРОНОМ

Практически у всех жителей блокадного Ленинграда не было радиоприемников, по которым можно было бы ловить какие-то станции. Приемники под страхом ареста были сданы на госхранение всеми в первые же дни войны (возможно, кроме высоких начальников). Даже после войны, до конца 50-х годов при покупке приемника гражданин обязан был его зарегистрировать в соответствующих органах, чтобы во время войны его немедленно сдать. И только с появлением транзисторных приемников регистрация потеряла всякий смысл. У жителей города вместо приемников были репродукторы. Я запомнил два типа репродукторов, применяемых во время Блокады в домашних условиях. Один, побольше, имел форму тарелки из картона черного цвета. Мы любили разбирать такие репродукторы, поскольку сзади у них был большой магнит. Такой репродуктор был в квартирах у моих бабушек. Другой, маленький круглый пластмассовый репродуктор был похож на наушник. Именно такой был в квартире моей мамы.

Запомнилось, что вещание по радио состояло из трех частей: сводок Советского Информбюро, музыки и звуков метронома. В сводках обычно сообщалось о потерях противника: сколько уничтожено немецких солдат, сколько подбито танков и самолетов про-

тивника. О наших потерях говорилось очень редко и скупо. В 60-х годах я был на постановке театра Комедии, где шла пьеса Е. Шварца «Дракон». Хотя пьеса была написана в 1944 году, но до 60-х годов она была под запретом. Запомнился эпизод борьбы странствующего рыцаря Ланцелота с Драконом: Публике через громкоговоритель запрещается смотреть на небо, где происходит бой, и обещается при этом, что именно через громкоговоритель они получат самую достоверную, самую правдивую информацию о ходе поединка. Тогда люди нашли выход: они стали срочно запасаться маленькими зеркальцами, и глядя вниз на зеркальце, могли видеть, что происходит наверху. Почему-то невольно вспомнился наш блокадный репродуктор, и понятно стало, почему эта пьеса 20 лет была у нас под запретом.

В начале войны все жители города обязаны были сдать не только радиоприемники, но и фотоаппараты. Поскольку Ленинград находился на осадном положении, став практически фронтовым городом, постольку любое фотографирование на улицах города могло быть воспринято как шпионаж в пользу противника. Фотографов или расстреливали или сажали в тюрьму[35]. Именно потому так мало осталось фотографий блокадной поры; фотографировать на улице разрешалось только корреспондентам, имеющим на это специальное разрешение. Шлейф запретов фотографирования города протянулся и на послевоенные годы. Помню, как в начале 50-х годов я оказался на Дворцовой площади свидетелем показательного случая. Мужчина фотографировал женщину на фоне Главного штаба архитектора Росси. К нему сразу подошло двое в штатском с обвинением, что он использует свою спутницу как отвлекающий маневр, а на самом деле фотографирует Главный штаб, где действительно находился Главный штаб Ленинградского военного округа. Как ни пытался мужчина доказать обратное, его все-таки забрали. Второй похожий случай относится к 1955 году. Я еду в трамвае. Рядом со мной на площадке стоит молодой мужчина с портативным радиопередатчиком. К нему подходит гражданин в штатском и убежденно заявляет, что у него шпионская аппаратура. Как ни пытался мужчина оправдываться, объясняя, что его передатчик берет всего на 5 километров и нужен ему для работы, его сняли с трамвая и повели в неизвестном направлении.

Но сейчас речь идет о 1942 годе, а в это время самые тяжелые бои шли на Черном море, в Крыму, и об этом чаще всего говорилось по радио. У меня лично было особое отношение к этим сообщениям. Перед Васильевским островом река Нева разделяется на два рукава, из которых один называется Большой Невой, а другой – Малой

---

[35] См.: *Куртов А.* «Фоторасследование» / АиФ, № 29. 2014.

Невой. Но почему-то мои родственники Малую Неву прозвали Черной речкой. В моем детском воображении Черная речка, естественно должна где-то скоро впадать в Черное море. Поскольку до «Черной речки» по детским измерениям было далеко (почти километр!), постольку сводки о боях на Черном море представлялись идущими где-то поблизости от нашего города. Как-то по радио сообщили о героической гибели нашего летчика, вступившего в неравную схватку со множеством вражеских самолетов. Этот эпизод запомнился опять же личностным отношением к данной информации. Как большинство блокадных детей, я бредил самолетом и мечтал стать летчиком, но сообщение это меня очень расстроило, и я с грустью сообщил матери, что когда вырасту, я не буду летчиком, а буду лыжником: тогда меня никто не сможет сбить.

Самую большую часть времени на Ленинградском радио звучал метроном. У метронома было несколько функций. Во-первых, он информировал владельца, что с радио все в порядке, хотя оно и не вещает. Во-вторых, он участвовал в оповещении ленинградцев о воздушной тревоге. Это оповещение шло тремя способами: во-первых, тревогу объявлял диктор Михаил Меланед (которого называли ленинградским Левитаном), несколько раз громко повторяя слова «Воздушная тревога». Во-вторых, звучала сирена. В-третьих, метроном начинал стучать чаще, как чаще начинает биться сердце у человека в стрессовых ситуациях. Отбой также сообщался голосом, звуковым сигналом и «успокоенным» стуком метронома.

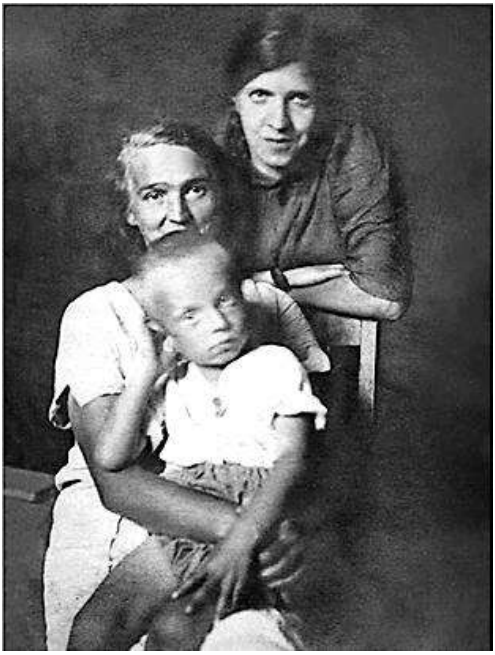
Помню, как в Блокаду меня занимал чисто философский вопрос: сигналы тревоги и сигналы отбоя воспринимаются как злые и добрые потому, что они в самом деле по своему строю тревожные и спокойные, или потому только, что они ассоциируются с плохим и хорошим? После нескольких наблюдений я пришел для себя к выводу, что в самих сигналах есть тревожное и радостное звучание.

Помимо метронома паузы между сводками с фронтов заполняла также музыка. В первые месяцы блокады звучал только метроном, музыка не звучала. И это казалось естественным: время суровое. Но затем художественный руководитель Краснознаменного Театра Балтийского флота А. Пергамент, на основании настойчивых просьб защитников города предложил радиокомитету транслировать по радио и музыку. Работники радио откликнулись на это предложение, и это оказалось очень важным решением. Из городских репродукторов полились мелодии военных песен, а также симфоническая музыка. Музыканты Театра Балтфлота вновь заполнили студии звукозаписи[36].

---

[36] Артисты в погонах. Воспоминания артистов Театра Краснознаменного Балтийского флота. Л., 1985. С. 93.

МУЗЫКА В БЛОКАДНОМ ГОРОДЕ



Перед написанием книги я долго был в раздумье: зачем она, уже столько писано-переписано, уже и так всем все известно, уже многие блокадники оставили свои воспоминания о тех годах. Меня заставила сесть за воспоминания Музыка, точнее та роль, которая выпала на ее долю в те трагико-героические годы.

Наверное, крайне необходима большая книга о роли музыки в Великой Отечественной войне вообще, и в блокадном Ленинграде – особенно. Здесь я смогу дать только отдельные зарисовки к книге, которую, возможно, когда-нибудь напишет трудолюбивый историк, а может она уже есть, но я не знаю об этом. Сразу после сообщения В. М. Молотова о начале войны с Германией по радио зазвучала Богатырская симфония А. Бородина. Начался период особого назначения музыки в истории нашей страны. Я запомнил три рода наиболее часто исполняемых музыкальных жанров: произведения отечественной классики, военные песни советских авторов, русские народные песни. Возможно, иногда звучала и музыка иностранных композиторов, но я ее не запомнил. Исключение составляет песня английских бомбардировщиков «Мы летим, ковыляя, во мгле».

В конце зимы 41–42 годов закончилась моя жизнь в бомбоубежище и я был переведен в садик на площади Льва Толстого, где работала моя бабушка – Елена Михайловна. В этом садике я прожил весь 42 и 43 год. Он находился на втором этаже дома, где на первом был большой гастроном. Молоденькая воспитательница часто играла на пианино второй Норвежский танец Грига. Мы на утренних построениях обязательно пели песню «Утро красит нежным светом», а также и другие песни из довоенного репертуара. В постановках, в которых мы все участвовали, использовали простейшие музыкальные инструменты. Песни 41–42 годов (а в ряде случаев и

позднее – до 45 года) были особенные, отличные от всего, что пелось до и после войны. Это были очень задушевные, очень трогательные, лирические, тихие, напевные песни, песни-баллады, песни-монологи. До войны в моде были бравурные песни, песни-марши – вспомним песни наиболее популярного тогда И. Дунаевского к фильмам «Волга-Волга», «Цирк», «Свинарка и пастух». Бравурными были и песни времен Гражданской войны – вспомним «Марш кавалеристов». А здесь все было совсем другим, и Дунаевский во время войны отошел на второй план; на передний вышли другие имена.

Помню, Соловьев-Седой как-то рассказывал, что когда он сочинил песню «Вечер на рейде», чиновники встретили ее с нескрываемым раздражением: как можно во время войны заниматься такой лирикой. И Соловьев-Седой поверил им, устыдился и какое-то время не решался показывать ее публике. Но как-то он вынужден был на концерте показать новое сочинение, которое сразу имело огромный успех – композитор, оказывается, почувствовал настроение народа. Исключение здесь составляет суровая, маршеобразная песня В. И. Лебедева-Кумача и А. В. Александрова – «Священная война», с большим успехом исполненная уже 26 июня 1941 года на Белорусском вокзале столицы для отъезжающих на фронт красноармейцев. Ее трагический пафос, набатность, контрастировали с господствующим в стране «шапкозакидательством», и чиновники от культуры запретили ее дальнейшее исполнение, пока осенью 1941 года не подтвердилась глубокая правда песни.

Еще одна особенность песен первых лет войны: большое место в них отводилось природе.

Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

(«Землянка»)

На рейде ночном легла тишина
А город окутал туман.
И берег морской целует волна
И тихо доносит баян.

(«Вечер на рейде»)

Темная ночь.
Только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах,
Тускло звезды мерцают.

(«Темная ночь»)

Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги, да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей,
Может, крылья сложишь посреди степей.

(«Эх, дороги»)

Сейчас эти песни воспринимаются как ретро; они хотя и могут вызвать слезу, но это что-то с далекого прошлого. В то время эти песни просто очень помогали жить. Помню, как много лет спустя после войны на концерте в присутствии Соловьева-Седого ведущий рассказал, что когда в отсутствии завоза с Большой земли ленинградцы не могли получить свою краюху хлеба, по радио исполняли «Вечер на рейде», и это поддерживало силы, помогало ленинградцам выжить. Песни были очень важной частью жизни, придающей людям душевные силы, так важные в тех нечеловеческих условиях.

Включенность природы, органическая связь с ней – неотъемлемая черта классического русского и советского искусства. Недавно я вместе с Валентином Борисовичем Сапуновым редактировал книгу памяти его отца – Сапунова Бориса Викторовича, который до конца жизни работал главным научным сотрудником Эрмитажа, а всю войну был артиллеристом, а сразу после войны воспроизвел наиболее яркие эпизоды, свидетелем которых ему приходилось быть. И я обратил внимание, как органично военные события перемежаются в рассказах с описанием состояния окружающей природы. Вот, к примеру, начало его рассказа «Отец»:

«Стояла весна 1944 года. Зенитная часть, в которой я тогда служил, охраняла небольшую узловую станцию недалеко от древнего украинского города Луцка. Тихо опускался весенний вечер. Чистый и прохладный воздух был напоен ароматом цветущих трав. Легкий ветерок доносил пьянящий запах леса, густой стеной стоявшего вокруг поляны, на которой окопались мы с нашими пушками. Где-то в недалеком местечке лаяли собаки. В бесконечно высоком небе одна за другой зажигались яркие южные звезды. Над болотом у опушки леса поднимался и медленно расплывался все шире и шире густой белый туман»[37]. Невольно пришло на память, что это вообще неотъемлемая сторона всей классической русской литературы – вспомним хотя бы «Записки охотника» И. Тургенева и «Севастопольские рассказы» Л. Толстого.

Если в западном искусстве природа обычно выступает как фон, то у нас она – одно их главных действующих лиц, наряду с субъектом. Что такого особенного в русской природе, что делает ее неотъемлемым участником всех важнейших событий? Мне кажется, что я

[37] *Сапунов Б. В.* Избранное. СПб., 2004. С. 25.

нашел ответ на этот вопрос, и нашел его не у философов и ученых, а у талантливого писателя и мыслителя Игоря Ефимова, вынужденного в 1978 году эмигрировать в США. По необходимости мне придется воспроизвести довольно большой отрывок из его книги, где повествуется о том, как сын русских эмигрантов, приехав из Америки на историческую родину в Псковскую область, из-за поломки автобуса вынужден был пешком идти по проселочной лесной дороге, где ему неожиданно открылась тайна русской души: «Я пытаюсь понять, откуда у меня это чувство пронзительной новизны. Как будто я никогда в жизни не видел таких деревьев. Может быть, это оттого, что лес так расчищен, что нет засохших, гниющих, упавших древесных трупов? Что под ногами трава и мох, а не сучья и камни? Что стволы не обвиты колючими, неприкасаемыми плетьми, как у нас в Пенсильвании или Массачусетсе? Но нет – бывал я и в прекрасно ухоженных парках и заповедниках. Что-то не то, что-то не то...

И вдруг понимаю: я иду и подсознательно каждую минуту жду таблички. Или ограды. Натянутой проволоки. Клейма чьей-то собственности. Но их все нет и нет. Миля за милей – бескрайний, безлюдный, музейно-дворцовый, ничейный лес. Ты вырван из мира, раздробленного на миллионы «мое». Ты возвращен Творению во всей его цельности. Это все равно, что привыкнуть к обрывкам большой симфонии, растащенной на шлягеры, танцы, музыкальные заставки к рекламе, и вдруг услышать симфонию всю целиком. Привычную по кусочкам, но невероятную в полноте своей. В исполнении лучшего оркестра, под управлением самого Композитора. О, теперь я понимаю русских! И я бы на их месте охранял такую тайну, и я бы сражался за нее на границах, и я бы не пускал в нее нас – жадных разрезателей пирога, видящих в мироздании всего лишь очень крупную Недвижимость... Возможно, в ближайшие годы русские заразятся нашей жаждой наживы и разделения Творения на продающиеся участки...

Не поддавайтесь! Оставьте автомобиль на опушке! Идите пешком! Может быть, даже снимите обувь, как перед входом в восточный храм. Ибо только так вы можете прикоснуться к мистической тайне, открывающейся путнику в русском лесу. Имя этой тайны – неотделимость. Вы почувствуете неотделимость ваших глаз от божьей коровки на листке, от блеска воды в бочажке, от сиреневой тени мотылька на стволе, от еловой верхушки, нагруженной шишками, как бомбовоз. Вы почувствуете неотделимость вашей кожи от можжевелового ветерка. От ультрафиолетового тепла, от шершавости подосиновика. Ваш слух сольется с жалобами шмеля, с воркованием ручья, с плотничьим перестукиванием дятлов, с шуршанием стрекозиных крыльев. И вам захочется воскликнуть вслед за

святым: «Брат мой ручей! Сестра моя береза! Мы разделены в быту, но в бытии мы едины!»[38].

С тяжелым чувством приходится признать, что опасения героя романа оказались не беспочвенны. Мы действительно позарились на американские доллары и открыли доступ «разрезателям пирога» к своему главному сокровищу. У нас действительно появились ограды, таблички, натянутая проволока, а еще – бесцеремонные охранники и злобные псы. И случись (не дай Бог!) война, умирать придется не за Землю Русскую, а за виллы и яхты олигархов. Будет ли тогда такой великий героизм, какой показали наши родители?... Вопрос риторический. Из русских народных песен мне больше всего запомнилась чаще всего передаваемая по радио песня «Раскинулось море широко». Из классических произведений, исполняемых в Блокаду, мне запомнились творения Глинки и Чайковского. Из Глинки очень часто исполнялся хор «Славься», и я на всю жизнь запомнил тогдашние слова:

Слава, слава героям бойцам,
Родины нашей отважным сынам.
Да будет во веки веков сильна
Любимая наша родная страна.

В начале июня 1942 года я несколько дней прожил у матери на Лесном. Возможно, это было связано с моим днем рождения – мне исполнилось 4 года. Сохранилась фотография тех дней, где я запечатлен с мамой и бабушкой. (Приведена выше).

На фотографии все мы исхудавшие, но и мама и бабушка пытаются улыбаться. На шее у меня медальон, какие носили все воины – с записью имени, фамилии и года рождения. Такие медальоны помогали вести учет умерших людей. Помню, как мама рано утром ушла на работу, а радио, естественно, было включено. Неожиданно из радио полилась музыка: такая светлая, такая красивая, такая радостная! Я слушал ее как завороженный – ведь так не хватало тогда хорошей, большой радости. Музыка тем более впечатлила меня, что в ее исполнении я услышал звучания треугольника[39], который был у нас в садике и в который мы иногда играли. Музыка легла на сердце и принесла мне ощущение невиданного, большого счастья, которого я еще не испытывал. Это был самый большой подарок на все дни рождения моей блокадной жизни. Полагая, что радио повторяет каждый день свои программы, я с нетерпением ждал следующего утра, чтобы снова услышать эту музыку. Но, прожив у матери еще

---

[38] *Ефимов И.* Седьмая жена. Л., 1991. С. 342–344.

[39] Треугольником называется ударный инструмент в виде изогнутого треугольника, по которому ударяют металлической палочкой и который издает звук блестящего и нежного тембра.

несколько дней, я ее, к большому огорчению, так и не услышал. Много лет потом я искал эту музыку, которая принесла мне в блокадную пору минуты чистого счастья, и уже, будучи студентом, я, пригласив сокурсников на концерт симфонической музыки в малый зал консерватории, ее снова встретил. Это оказалась «Пляска скоморохов» П. Чайковского. Таким образом, Блокада привила мне любовь к музыке, и я могу вслед за М. Глинкой с полным основанием повторить, что музыка – душа моя.

Уже позже я узнал, что любимым симфоническим произведением ленинградцев в период Блокады стала Пятая симфония П. Чайковского, которую до появления Седьмой симфонии Д. Шостаковича, прозвали Ленинградской. Напряженная борьба добра и зла, светлого и темного начал, нечеловеческие усилия для утверждения победы света над мраком – все это было близко душе тогдашнего ленинградца. Подобные мотивы звучали и в Седьмой симфонии Шостаковича, неслучайно тоже прозванной Ленинградской. В высшей степени знаменательно, что самое великое творение искусства времен Второй Мировой войны – Седьмая симфония Шостаковича в своих первых трех частях создавалось в блокадном Ленинграде. Не это ли реальное свидетельство высочайшего духа ленинградцев!

Я не знаю, сможет ли красота спасти мир, но я знаю, что красота, воплощенная в искусстве, (прежде всего - музыке) сыграла важнейшую спасительную роль, укрепляя дух и вдохновляя ленинградцев на победу. Вспомним «Блокадный дневник» З.С. Седельниковой. По воспоминаниям художника Иосифа Серебряного, пережившего блокаду, самыми яркими моментами тех мрачных дней являлась музыка, раздававшаяся из домашних репродукторов и уличных громкоговорителей: «В дни, когда ее не было – не было и жизни». Не случайно в годы Блокады симфонический оркестр Радиокомитета осуществил трансляцию более четырехсот короткометражных концертов[40]. Не случайно также, во время канонады при прорыве и снятии Блокады на передовой играли духовые оркестры, и музыка вдохновляла воинов на героизм не в меньшей степени, чем залпы «катюш». Отмеченная выше неотделимость русской души, а, следовательно, русского искусства от природы обусловила особую его духовность и особую потребность в нем во всем мире. Подобно тому, как сегодня нельзя найти ни одной страны в мире, где бы ни были популярны творения Толстого, Достоевского, Чехова, подобно этому во всем мире знают и любят русскую музыку.

Приведу только два примера. В ноябре 1945 года отец пригласил нас с матерью к себе в Германию, где он служил в оккупационных

---

[40] Музыка блокадного Ленинграда. *Источник:* http://leningradbessmerten.ru/articles/muzyka-blokadnogo-leningrada.html

войсках. И что меня поразило больше всего – из открытых окон многих немецких квартир доносились в патефонных записях русские народные и советские песни. И это несмотря на то, что мы только что эту Германию разгромили. (Как мне рассказывал ветеран Великой Отечественной войны, профессор Г.А. Подкорытов, даже во время войны иногда из немецких окопов в патефонной записи звучала наша «Катюша»).

Второй эпизод связан с моей службой в армии, которую я проходил в Польше. Иногда я с концертной бригадой ездил по воинским частям и польским деревням. Помню, как в одной польской деревне, желая потрафить публике, я исполнил вальс Шопена. В перерыве слушатели подошли ко мне с претензией – мол, зачем ты играешь нам что-то непонятное, сыграй лучше вот это. И они напели «Амурские волны». Однажды, когда я ехал с пожилым поляком в машине, он мне долго пел «Солдатушки, бравы ребятушки» в полной, еще дореволюционной версии.

1943 год

МОЙ НОВЫЙ САДИК

Два из трех блокадных года я провел в садике на площади Льва Толстого. Вход в садик был прямо с площади, около гастронома. Когда входишь в сам садик на втором этаже, первая комната была прихожей. Окно, выходящее во двор, было зашторено плотной черной бумагой, на которой мелом красиво были нарисованы зимний лес и бегущая лиса. Во второй комнате стояло фортепьяно, и она была у нас игровой. Третья комната служила столовой. И, наконец, в четвертой комнате размещалась наша спальня, где нам и говорили: «На правый бочечек и ручки под щечки». В этом же садике воспитательницей работала моя бабушка, но она была в другой группе.

Запомнился такой случай. К нам как-то поздно вечером пришла группа дружинников, они на повышенных тонах отчитывали наших воспитателей за то, что шторка была прикрыта неплотно, и из окна на двор проникал через щелку свет. Город в блокаду был в полной светомаскировке: уличное освещение не работало, а свет в квартирах изолировали непроницаемыми шторами. На лестничных площадках ввинчивали лампочки с минимальным количеством свечей, и при этом их еще окрашивали синей краской, отчего свет был почти только под самой лампочкой. Помню, как уже после войны продавщица отдела электротоваров предлагала покупательнице лампочки мощностью в десять свечей (именно они пользовались наибольшим спросом в Блокаду). Когда покупательница пыталась возразить, что от них очень мало света, продавщица предложила ввинчивать эту лампочку в туалете, чтобы муж там газеты не читал.

В столовой у нас был длинный деревянный стол и две скамьи вдоль стола. Воспитатели первым делом ставили на стол миску с нарезанными кусками хлеба по количеству едоков. Те, кто сидел ближе к миске, старался схватить горбушку – из-за ее плотности нам казалось, что в ней больше хлеба. Потом приносили в мисках гороховый суп. Когда меня сейчас приглашают в петербургский филиал Брахма Кумарис (Раджа-йога), то чаще всего угощают гороховым супом, отчего я невольно вспоминаю блокадные дни. Как мне объяснили любезные сотрудники, человеку для полноценного питания крайне необходим белок, который содержится, в основном, в животной пище. Но члены Брахма Кумарис, как и большинство индусов – вегетарианцы, и в этом случае важным заменителем животной пищи являются бобовые культуры, также богатые белком. Поскольку в условиях Блокады все мы по необходимости были вегетарианцами, постольку становится понятным, почему в нашем рационе предпочтение отдавалось гороховой похлебке.

Итак, хлеб и горох – это те блюда меню, которые наиболее запомнились из блокадного прошлого. А был ли белый хлеб? Был. Один раз.

Здесь надо остановиться на отличии ленинградцев от всех остальных россиян в отношении хлеба, отличии, о котором я впервые узнал, когда служил в армии. Ленинградцы под словом «хлеб» понимают черный хлеб, а под словом «булка» – белый хлеб. Неслучайно магазины, торгующие хлебом, у нас так и назывались – либо «Хлеб», либо «Булочная», а соответствующие отделы в продовольственных магазинах именовались отделом хлебо-булочных изделий. Остальные россияне под словом «булка» понимают то, что у нас называют буханкой: «Дайте мне булку белого хлеба», «дайте мне булку черного хлеба». Я буду употреблять слово «булка» в ленинградском значении, как белый хлеб, который существует либо в виде «кирпичика», либо в виде батона. Итак, за что я получил маленький кусочек булки, т.е. ломтик батона в блокадную пору? Здесь опять же необходимо небольшое пояснение. Во время блокады бесплатное дополнительное питание полагалось школам, детсадам, родильному дому и Дому ученых.

В общении с блокадниками я выяснил, что смерть среди детей в основном была там, где дети не ходили в детсад. Мы ходили в садик, поэтому полученных калорий хватало не только на выживание, но и на озорство, что, разумеется, не могло не вызывать ответных действий со стороны наших воспитательниц. Однажды мне удалось случайно подслушать разговор двух воспитательниц про нашего брата. Старшая объясняла младшей, что детей лучше бить не палкой, чтобы не переломать костей, а ремнем, и лучше по мягкому месту.

Видимо, я был чемпионом по непослушанию (возможно, сказывались польско-французские гены, влекущие меня к свободе, т.е. непослушанию), во всяком случае, я был единственным детсадовцем, к которому применялось самое страшное, самое изуверское наказание. Воспитательница вела меня на чердак и после громкого призыва: «Крысы! Кушайте его!» – бросала меня на пол и запирала за собой обитую железом дверь. Я кричал, плакал, бил кулаками в железную дверь – ничего не помогало. Обессиленный, я садился плотно спиной к двери, чтобы сзади крысы не смогли подойти, и внимательно смотрел перед собой. Впереди слева и довольно далеко от меня было слуховое окно, свет из которого лишь немного освещал то, что было под ним. Чердак был большой и его границы терялись в темноте. Ужас, пережитый на этом чердаке, до сих пор в моей памяти.

Крысы в блокадном Ленинграде были более чем реальность. В первые же месяцы блокады были съедены все домашние животные – кошки и собаки, притом, как правило, не хозяевами этих животных, а теми, кто не получал карточек. Сразу резко расплодились мыши и крысы, и они стали еще одной негативной реальностью, с которой приходилось бороться жителям блокадного Ленинграда. Мама мне рассказывала, что были случаи, когда мыши отъедали носы у спящих людей, поэтому она, как и многие ленинградцы, во сне прикрывала нос одеялом. И если стая крыс переходила с одной стороны улицы на другую, все движение, в том числе и трамваев, в страхе останавливалось. Лишь в 1944 годы в город была завезена «сибирская дивизия» – вагоны с кошками из Сибири, которых несколько дней не кормили, и они быстро освободили город от этой напасти. В десятом классе, когда я страстно полюбил классическую музыку, (сказалась блокадная закваска!) и моим кумиром был Бетховен, я с каким-то особым удивлением узнал, что и он подвергался подобному наказанию. Когда его родителю казалось, что младший Бетховен недостаточно прилежен к музыке, он запирал его в чулане «на съедение крысам». И неслучайно, перед самой смертью Бетховен вдруг воскликнул: «Ради Бога, только не крысы!». Неужели и мне предстоит то же крикнуть в последний час?

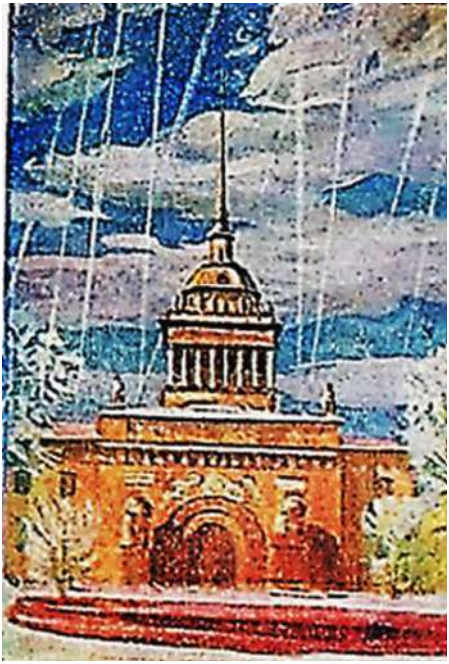
Описанная экзекуция применялась ко мне неоднократно, но я описываю последний случай. В этот раз мое пребывание на чердаке оказалось укороченным: дверь неожиданно открылась, и в проеме я увидел мою бабушку. Я никогда не жаловался ей на наказания, и она только что узнала об этом. Разумеется, моим палачам от нее досталось, а мне в качестве моральной компенсации бабушка дала кусочек булки. Невольно подумалось: нам не дают булки, а воспитателям дают. Тем не менее, я был очень благодарен бабушке – ведь это был единственный кусок булки за всю Блокаду.

Что еще давали нам на еду? Наверное, все, что было хоть капельку съедобным. Помню, как однажды, в неурочное время, дополнительным пайком нам дали по куску хлеба с кусочком дрожжей. При всем голоде мы – я имею в виду себя и большинство – есть дрожжи отказались.

Иногда, очень редко, нас баловали чем-то вкусным. Больше всего мне запомнилось выдаваемое по ложке сгущенное молоко. Оно было такое вкусное, что послевкусие от него сохранилось в моей памяти на десятилетия. Этот вкус не похож на нашу сгущенку; возможно, довоенное молоко производилось по другой технологии, или это было американское сгущенное молоко. Определенный ответ на вопрос, почему мне запомнилась именно сгущенка, дает статистика. Только за октябрь-ноябрь 1941 года в блокадный Ленинград по Ладоге было доставлено 68 400 банок мясных консервов, 135 000 банок рыбных, и 987 000 (почти миллион!) банок сгущенного молока, – и это не считая 17 000 банок сгущенного молока, доставленных за тот же период в город самолетами.

ЛЮБИМЫЙ ГОРОД МОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО

Бабушка, Елена Михайловна, имела свою комнату в детском саду, где она чаще всего оставалась ночевать. Но иногда, видимо в выходные, она уходила к себе домой и меня брала с собой – благо ее одноэтажный дом на Большой Вульфовой, дом 22а находился невдалеке. В этом доме бабушке принадлежала комната метров 18-20. Одно большое окно выходило на улицу, по которой ездили трамваи. Стекла крест-накрест были оклеены бумагой; считалось, что это должно было их предохранить от разрушения при взрывной волне, а людей предохранить от поражения осколками при разрушении стекол.



М.Г. Платунов **«Налет в лунную ночь»**, 1942 г

Бабушка использовала такой крепкий клей, что даже несколько лет спустя после войны, проходя мимо этого окна, я видел оставшиеся следы тех крестов. При написании этой книги я выяснил, что во время Блокады ученые интенсивно работали над тем, как улучшить жизнь ленинградцев. В частности, в это время был изобретен состав клея, который и получил название «Ленинградский клей». Рецепт ленинградского клея, который я узнал от моего бывшего соискателя – Субботина Виталия Васильевича, содержит: 2 стакана воды, пол стакана муки, 1 чайную ложку сахара, щепотку лимонной кислоты. Варится клейстер с сахаром и только в последний момент добавляется лимонная кислота. В закрытом виде он долго не засыхает благодаря лимонной кислоте. Бумага, пропитанная этим клеем, становится практически как высокопрочный монокристалл. Целлюлоза врезается в стекло, при этом придает ему гибкость и дополнительную прочность.

В мою обязанность входило нарезание лучинок и топка буржуйки. У бабушки, естественно, висел постоянно включенный репродуктор, и я снова мог слушать музыку. Детский слух уловил, что песни 43 года отличались от песен 42 года – в них появляется веселость, радостное мироощущение, как будто победа уже достигнута. Иными словами, эти песни были из будущего, неизбежного будущего, несли настрой будущего, готовили его приближение. При написании данной книги я впервые задумался над этим фактом и пришел для себя к выводу, что в этом «виноваты» Ленинград и Сталинград. Победы, одержанные этими городами в самом начале 1943 года, имели не только локальное значение, как победа Сталинградского фронта и Ленинградского фронта, но эти победы на самом деле означали начало победоносного шествия Красной Армии на Берлин, к безоговорочной капитуляции Германии. Все это прекрасно чувствовали, и это новое мироощущение естественно передавалось поэтам и композиторам. За это я любил эти песни, меня как магнитом тянуло к ним: «В лесу прифронтовом» (М. Блантер, М. Исаковский), «Лизавета» (Н. Богословский, Е. Долматовский), «На солнечной поляночке» (В. Соловьев-Седой, А. Фатьянов), «Партизанская борода» (Л. Бакалов, М. Лапиров), и вскоре примкнувшая к ним – «Смуглянка-молдаванка», которая хотя и была написана А. Новиковым и Я. Шведовым до войны, но восстановлена и исполнена в 1944 году. Тяготение к радостному, светлому в этих песнях было сродни тому чувству, которое я испытал в блокадном Ленинграде год назад, слушая «Пляску скоморохов».

Но особенно любимыми мною в ту пору были две песни, содержащие слова «любимый город» (и, возможно, именно поэтому): «Прощай любимый город» («Вечер на рейде»), «Любимый город может спать спокойно». («Любимый город»). Когда по радио

пели «Любимый город может спать спокойно», то я слова этой песни понимал буквально – для меня это было сигналом, что сегодня действительно можно спать спокойно, воздушной тревоги не будет. При исполнении этой песни у меня неизбежно возникал вопрос: а как они – исполнители – узнали, что сегодня не будет авианалета на город? И только много лет спустя, я узнал, что эта песня из довоенного фильма «Истребители», и она не имеет никакого отношения к авианалетам.

Земля Русская защищает любого россиянина, Ленинград защищал ленинградцев. Россия – это не страна, а целый континент (Евразия). Безграничность (космичность) просторов земли русской является важнейшей защитой для нее от любого агрессора. В свое время Александр I по-приятельски предупреждал Наполеона против вторжения в Россию. Он писал, что если надо будет, мы отступим вплоть до Камчатки, но наши морозы, наши густые леса, непроходимые болота сделают свое дело – армия Наполеона перестанет существовать. Наполеон, как известно, не послушался доброго совета и пошел войной на Россию. Русской армии не пришлось отступать до Камчатки, хватило до Москвы. Морозы, действия партизан, наскоки казачьих отрядов, предупреждающие удары армии Кутузова – сделали свое дело. К этому надо добавить растянутость территории: если Наполеон пересек границу с 500-тысячной армией (потом присоединилось еще около 100 тысяч), то до Бородино дошло лишь 125-тысячное войско, а границу в обратном направлении пересекло из 600-тысячной армии всего 20–30 тысяч человек. Россия оказалось не по зубам даже великому полководцу – этот кусок пирога он проглотить не смог.

Мне рассказывал Борис Викторович Сапунов, как во время начала Великой Отечественной войны немцы сбрасывали листовки, на которых было написано, что наполеоновскую армию погубили русские морозы, но германской армии, имеющей такие мощные танки, морозы не страшны. Тем не менее, суровая зима 41–42 года сделала свое дело: немецкие танки на таких морозах не заводились и в битве под Москвой генерал Мороз – в который уже раз – пришел на помощь нашей армии. В своих военных зарисовках Сапунов сообщает, что немцы панически боялись русских бескрайних просторов, которые вкупе со стойкостью русских солдат неминуемо приведут к краху германскую армию.

Запомнился случай из Первой Мировой, о котором нам рассказал школьный учитель химии. После Брусиловского прорыва огромное число пленных офицеров и солдат германской армии погрузили в теплушки и отправили в Сибирь. На седьмой день пути пленные взбунтовались и старшие офицеры потребовали к себе коменданта поезда. Когда он подошел, они с возмущением сказали,

что понимают свое положение и что с ними можно делать все, что угодно, но зачем их уже 7 дней возят по кругу? Комендант с усмешкой ответил: «Господа, когда вы шли на Россию, вы хоть карту посмотрели? Мы с вами за это время добрались только до Урала, а нам еще столько же ехать до центра Сибири».

Подобно тому, как Русская Земля защищает наш народ от захватчиков, Ленинград защищал во время войны ленинградцев. Защищал массой бомбоубежищ. Защищал прожекторами, которые в сумеречное время суток постоянно бороздили небо над Ленинградом в поисках прорвавшихся к городу немецких самолетов. Когда прожектор освещал вражеский самолет, зенитки начинали бить по нему. Я хорошо помню и указатели, где искать ближайшее бомбоубежище, и метущиеся лучи прожекторов в вечернем небе. Помню, что уже в начале 50-х годов, когда я шел на футбольный матч на стадион им. С.М. Кирова, я за забором перед стадионом видел огромное число, наверное, около сотни, зениток, устремленных вверх: сказывался синдром только что окончившейся войны, тем более, что горячая война почти сразу перешла в холодную. Город защищал ленинградцев тем, что обеспечил доставку продовольствия и этим спас многие жизни. Город защищал ленинградцев и тем, что здесь была одна из самых лучших в стране медицина. Именно потому, что город так любовно защищал своих жителей, для меня любимыми были песни, в которых пелось про любимый город.

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

«С болью и гордостью смотрел я на любимый город. А он стоял, опаленный пожарами, закаленный в боях, испытавший глубокие страдания войны, и был еще более прекрасен в своем суровом величии. Как было не любить этот город, не поведать миру о его славе, о мужестве его защитников. Моим оружием была музыка».

Д. Шостакович

Не только город защищал ленинградцев, но и ленинградцы, в свою очередь, защищали Ленинград. Защищали историческую память, защищали культуру. Все памятники, включая памятники монархам, были бережно укрыты ленинградцами от возможных разрушений. Исключение составляли только памятники полководцам: они стояли открытыми, как и положено полководцам, защищающим город от врага. Мне двоюродная сестра – Татьяна Мелехова (Кутьина) подарила набор открыток, изданных в Ленинграде в 1942–43 годах по картинам блокадных художников. На этих открытках, воспроизведенных в этой книге, мы нигде не видим смакования трагизма положения, но видим мужество ленинградцев, видим бережное отношение к городу и любование его красотой. Сбереженный памятник Николаю I в момент авианалета показан выше в картине Н. А. Павлова «Враг над городом» 1943 г. За советский период сохранились также памятники Петру I, Екатерине II, Павлу I, Александру III.

Отношение сегодняшних жителей города к исторической памяти, и, следовательно, к памятникам, разительно отличается от того, которое проявлено было ленинградцами в годы Великой Отечественной войны. Я около пятнадцати лет живу в Пушкине, поскольку именно здесь находится Аграрный университет, в котором я работаю. За это время в городе были варварски разрушены два памятника В. И. Ленину. Один памятник, стоявший в центре города, напротив Гостиного двора снесли с помощью ковша экскаватора, снесли в светлое время суток, снесли, несмотря на то, что прямо напротив находится отделение милиции Пушкинского района. Памятник не только сбросили на землю, но потом еще ожесточенно коверкали ломами. После массового возмущения пушкинцев актом вандализма, был в сквере, подальше от центра, поставлен другой памятник Ильичу, но и с ним вскоре расправились – его просто взорвали. Эти примеры показывают, насколько выше были жители блокадного Ленинграда по сравнению с современными жителями: первые из последних сил делали все для сбережения памятников истории, вторые их зверски взрывают. – «О, времена! О, нравы!».

Нельзя не согласиться с Александром Сокуровым, известным современным деятелем культуры: «Одна из главных проблем, как нашей страны, так и цивилизации в целом, заключается в следующем: задачи, которые ставит перед собой власть, никак не пересекаются с задачами культуры, искусства. К сожалению, политика – вещь крайне лукавая, и государство отказывается понимать, что культура – это главное. Именно она нас объединяет, защищает и развивает»[41].

---

[41] *Сокуров А.* Мы из прошлого! / Аргументы и факты, № 27. 2014 г.

Еще В. И. Ленин справедливо отмечал, что величайшее назначение искусства – объединять мысли, волю и чувства людей. Это назначение в полной мере было использовано в первые годы Советский власти в так называемой Монументальной пропаганде, когда по всей стране ставились памятники не только революционерам, но и видным деятелям науки и культуры. Конечно, здесь не обошлось без известной тенденциозности. Так, Ленин вычеркнул из списка, достойных памятника людей, представленным А. Луначарским, Ф. М. Достоевского – за его связь с религией, но факт остается фактом: власть понимала величайшее назначение искусства и находила средства для его пропаганды.

Еще сильнее это назначение искусства проявилось в Великую Отечественную войну, и особенно – в блокадном Ленинграде. Вне этого влияния осознать полностью подвиг, который совершили ленинградцы, невозможно. Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что из всех искусств в эпоху Блокады важнейшей была музыка. Это единственное искусство, для общения с которым не надо было куда-то идти и покупать билеты. Музыка сама приходила в дом к каждому ленинградцу, ибо у каждого во время войны в квартире висел репродуктор. О музыке поэтому здесь будет написано больше всего. Музыка действительно была везде. Как уже отмечалось, в нашем детском саду одна воспитательница хорошо играла на фортепьяно, а мы каждое утро на построении всегда пели песни. Когда в песне «Широка страна моя родная» мы доходили до строки: «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет», мне всегда больно было за стариков. Не понимая слово «почет», я рассуждал чисто логически: раз оно не есть дорога, значит оно означает нечто противоположное, т. е. высокую глухую стену.

Но не музыкой единой жили ленинградцы, в том числе наш детсад. Мы часто ставили постановки. В одной из них – «Три поросенка» мне досталась роль одного из поросят. И мы все «три поросенка» лихо пели песенку «Нам не страшен серый волк» и подыгрывали себе на треугольниках – единственном музыкальном инструменте, на котором мы «умели» играть. У нас была хорошая самодеятельность, и к нам дважды приезжали киношники снимать на пленку выступления наших ребят. Я в то время не обладал талантами, и был просто зрителем.

В 70-80-х гг. прошлого века, работая в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена, я возглавлял совет по работе в общежитиях. Только что закончилась война Америки с Вьетнамом, и у нас на некоторых факультетах целые курсы состояли из вьетнамцев. Посещая студенческие общежития, я однажды спросил у членов студсовета, привлекают ли они к общественной работе вьетнамских студентов. «Куда там – махнули они рукой – вьетнамцы

только поют и танцуют». И тут я невольно вспомнил свое блокадное детство: ведь и мы тоже все время пели и плясали. Пели и плясали «всем смертям назло»! Пели и плясали! – И это помогло выжить!

Здесь приведена фотография 1943 г. нашей детсадовской группы на даче вместе с нашей воспитательницей. Даю к ней пояснение. Я здесь в последнем ряду первый слева. Мы, дети Блокады, хором поем русскую народную песню. И не просто поем, а отплясываем ее. Девочки все в сарафанах, мальчики – в вышитых рубахах. Подчеркиваю – это 1943 год, идет к концу второй год Блокады!

Но мы пели не только русские песни. Особенно любимой у нас в то лето была песня немецких спартаковцев «Юный барабанщик». Многое в ней перекликалось с нашей жизнью, было близко и понятно нам. Нас восхищала смелость барабанщика:

Средь нас был юный барабанщик.
В атаку он шел впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди.

Сама смерть его была красивой: он погиб от шальной пули, исполняя веселую песню. Нам легко было поставить себя на место барабанщика, ведь и мы тоже любили петь веселые песни, а постоянно обрушивающиеся на город бомбы и снаряды могли также мгновенно прервать нашу жизнь.

Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Пропеть до конца не успел.

С улыбкой юный барабанщик
На землю сырую упал,
И смолк наш юный барабанщик –
Его барабан замолчал.

Особенно проникновенно мы пели последние строчки песни:

Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет.

И то, что мы пели эту песню, доказывало, что подвиг юного барабанщика действительно бессмертен.

Позже я узнал, что эта песня в немецком оригинале называлась «Юный горнист». Эта песня имела неожиданное продолжение. Пять лет спустя, в 1948 году, я впервые с двоюродным братом Эдуардом поехал в пионерлагерь, что на станции Толмачево. Толмачево оказалось за станцией Сиверская, где фашисты разбомбили наш состав. И в этом лагере мой брат был горнистом, а я барабанщиком. Разумеется, песню о юном барабанщике я вспоминал не раз. А в то блокадное лето мы эту песню пели так часто, что и сегодня, спустя более 70 лет (спустя целую жизнь!) я помню все ее слова наизусть, хотя последние годы я эту песню ни разу не слышал по радио.

Нас в войну вывозили летом из Ленинграда на дачу. Скорее всего, в район Озерки – Парголово. Даже не все блокадники верят в это, но это правда. Финны в войну захватили ту часть, которая принадлежала им до 1940 года, т. е. до Белоострова, и остановились[42]. Известно, что Выборгская губерния досталась России по Ништадтскому миру в 1719 году, но в 1811 году она была подарена Александром I Великому княжеству Финляндскому. Финляндия, правда, тогда сама входила в состав России. (Это что-то напоминает, правда?). Когда в предчувствии войны мы попросили Финляндию вернуть подарок, обещая дать взамен вдвое большую землю, но в Советской Карелии, они отказались, что послужило причиной Зимней войны 1940 года.

К чести финнов, они считали для себя невозможным обстреливать мирное население города, и в том районе обстрелов и авианалетов не было.

---

[42] Вполне возможно, что здесь они остановились, поскольку их встретила мощная оборонительная система, оставшаяся от Зимней войны. Ведь на других участках фронта финны продвинулись на территорию, которая им никогда не принадлежала.

1943 год запомнился и тем, что это был год моего первого посещения кинотеатра. Вряд ли кто из современного молодого поколения помнит первое знакомство с кино, а мне уже было пять лет, и я запомнил. Конец лета 1943 года. Мы с бабушкой, Еленой Михайловной, пришли в кинотеатр «Молния» смотреть только что вышедший кинофильм «Жди меня». Запомнилось большое скопление в фойе молодых мужчин, и почти все были почему-то в черных костюмах. В назначенный час мы вошли в заполненный до отказа зал, погас свет и начался киносеанс. Много лет спустя мне удалось прочитать воспоминание М. Горького о его первом контакте с кино. Максима Горького поразило, что в кино все серое: серое небо, серая зелень, серые лица людей. Это претило его эстетической натуре, и он искренне не понимал, как такое можно смотреть. Я был гораздо моложе при первом посещении киносеанса и у меня остались совсем другие впечатления. Первое, что меня поразило и даже испугало – неестественно громкий звук, льющийся из динамиков. Нормальные люди в жизни так не говорят, и поэтому было страшно. (Напомню, это происходило в дни войны, когда все громкое – взрывы бомб, звук сирены, было связано со страшным). Второе, что меня поразило и напугало – изменяющиеся пропорции человека на экране. Человек с экрана не просто говорил нечеловеческим голосом, но у него иногда голова становилась больше метра, вырастала до размеров экрана. Мне стало очень страшно, и я потребовал, чтобы меня увели с кино. Поскольку бабушке не хотелось уходить, я прибег к испытанному средству ребенка моего возраста – к истерике, которая помогла мне избавиться от моих страхов.

Вскоре после этого я заболел, и мне в медицинском кабинете детсада врач ставила банки. Я был полностью уверен, что в моей болезни виновато кино. В следующем, 1944 году бабушка вылечила меня от страха перед кино. Она повела меня в кинотеатр «Арс» на цветной кинофильм «Багдадский вор», только что подаренный нам У. Диснеем уже с субтитрами на русском языке. Билеты были взяты на последний ряд балкона, чтобы меня не пугала громкость звука, и «Багдадский вор» меня полностью примирил с кино на всю оставшуюся жизнь.

Во время войны мы ходили не только в кино, но и на цирковые представления в ближайший Дом культуры. Когда мы подходили к Дому культуры и видели выходящих людей с предыдущего сеанса, бабушка обязательно спрашивала, а будет ли чарли-чаплин? Чарличаплиным в войну у нас было принято называть клоуна на ковре. Имя Чарли Чаплина тогда было настолько популярным, что стало нарицательным, и я только годы спустя узнал, что это великий актер, которых живет и продолжает ставить свои комедии. В войну у нас многие клоуны подражали ему, и больше всех – самый попу-

лярный тогда Карандаш, у которого не только рост был чаплинский, но также и усики, котелок, огромные ботинки и тросточка.

Работали и музеи, и я запомнил поход нашего детского сада весной 1944 года в Музей обороны Ленинграда, официальное открытие которого произошло в 1946 г. Помню сваленные в одном углу немецкие трофейные орудия, помню диорамы, которые в деталях показывали основные вехи жизни и борьбы блокадного Ленинграда. Помню, как в конце экскурсии нас всех завели в темный зал и показали документальный фильм о Блокаде. В 1949 году, во время так называемого Ленинградского дела, когда многие виднейшие руководители Ленинграда были объявлены врагами народа и расстреляны, музей этот был закрыт, трофейные орудия отправлены на переплавку, а многие документы безвозвратно утрачены. В настоящее время восстановление этого музея встречается с большими трудностями, поскольку многие помещения исторического здания на Соляном переулке оказались сданными в аренду.

Встреча с искусством была не только в детсадовской самодеятельности и не только при походе в музеи и театры. Город проводил целенаправленную политику приобщения маленьких детей к культуре. К нам в детский сад регулярно приходил кукольный театр: молодые мужчина и женщина с ширмой длиной чуть больше метра и куклами. Помню, как во время пребывания в Париже при поездке в метро в наш вагон зашли молодые мужчина с женщиной, поставили небольшую ширму в конце вагона и показали маленький кукольный спектакль. На следующей остановке они быстро все собрали, поблагодарили публику и перешли в другой вагон. Тогда я и вспомнил наш блокадный кукольный театр: он был практически таким же легким, переносным. У нас в войну этот кукольный театр бывал неоднократно. Видимо артисты обходили со спектаклем «свои» детские сады, а потом с новым спектаклем шли «по кругу», по тем же детсадам. Почему здесь так подробно описывается общение с искусством? Потому, что именно эти воспоминания наиболее врезались в память, оставили самый глубокий след. Но есть и еще причина. Большинство попавшихся мне на глаза воспоминаний написаны в страдательном ключе; их можно назвать «физиологическими», поскольку они, прежде всего, посвящены телесным мукам. Но была и очень мощная, деятельная сторона жителей блокадного Ленинграда, был величайший дух, давший возможность преодолеть все действительные трудности, и большинству ленинградцев не просто выжить, но и со славой победить.

Дело в том, что энергия бывает не только материальная (сила тока, например), но и духовная (сила духа). Первую можно измерить приборами, вторую – нельзя, хотя она так же реальна, как первая. Именно сила духа играла главенствующую роль в военной истории

Ленинграда. Писательница Вера Кетлинская, блокадница очень четко и верно выразила суть жителей блокадного Ленинграда: «Физические силы таяли, а духовная жизнь была напряженной и страстной, она поднимала в истощенном организме какие-то невиданные, почти невероятные резервы сил и выносливости». Этот дух формировался культурой, формировался искусством, к которому в Ленинграде было особое отношение. Искусство в эпоху Блокады действительно объединяло мысли, волю и чувства людей, делало их могучими, титанами, способными на подвиги, достойными славных героев Античности. И то, что в детском саду было такое отношение к искусству, это было следствием особого отношения к нему во всей стране и, особенно, в блокадном Ленинграде. Именно в ту пору были написаны песни по своей душевности, возвышенности, человечности превосходящие все, созданное в сфере музыки в XX веке. Песни эти были на уровне лучших народных песен, на уровне шедевров музыкальной классики; неслучайно добрые, задорные песни 43 года на меня влияли так же, как творения П. Чайковского.

Когда я смотрю передачи или хожу на выставки, посвященные Блокаде, я там вижу практически одно и то же: покойники на саночках, расстрелянные троллейбусы, вода из проруби, отощавшие жители... Но я почти не вижу там того, что оставило самый яркий след в моей памяти, а именно, общение с прекрасным – искусством и природой. Невольно возникает вопрос: или мои воспоминания слишком субъективны, или устроители выставок поддались шаблону. И только недавно я окончательно убедился, что мои воспоминания не субъективны, и как показал опыт нынешней войны в Донбассе, в эпоху тяжелейших испытаний потребность в общении с прекрасным, искусством действительно заметно возрастает. Об этом сообщил исполняющий обязанности министра культуры ДНР Александр Парецкий. «Парадоксально, но стремление у людей к прекрасному в связи с боевыми действиями не только не уменьшилось, но напротив -–увеличилось. Мы заметили, что посещаемость наших театров... увеличилась как минимум на треть», – сообщил Парецкий. По его мнению, это «реакция людей, которые не приемлют войну, справедливо считают ее аномальным явлением и противостоят ей этим самым стремлением к культуре».

Я бы добавил здесь еще две причины возросшей потребности в искусстве в критических ситуациях. Во-первых, общение с прекрасным подпитывает человека, увеличивает его духовные силы, что особенно важно, когда физические силы на пределе. И, во-вторых, в пограничной ситуации между жизнью и смертью, четко выявляется значимость классических, вечных ценностей, носителями которых искусство как раз и является. Культуру я определяю

как единую, бессмертную общечеловеческую душу. Именно через общение с культурой человек, прежде всего, получает духовную энергию, что особенно важно при дефиците физической энергии, поступающей в организм с пищей.

Интересно, кто-нибудь пытался провести связь между тем фактом, что Ленинград является культурной столицей России и тем фактом, что именно ленинградцы в войну показали образцы величайшей стойкости и силы духа? На мой взгляд, связь здесь самая прямая. Но культура не просто поставщик духовной энергии для человека, она, кроме того, формирует его как личность. Поэтому когда хотят уничтожить личность, превратить людей в безликое стадо, тогда стремятся уничтожить культуру. Новейшее время дает этому достаточное количество подтверждений. Президент Академии немецкой культуры Г. Йост в 1933 году написал пьесу «Шлагетер», герой которой – молодой нацист – говорит, что когда он слышит слово «культура», он хватается за пистолет. (В оригинале: «Когда я слышу слово «культура», я снимаю с предохранителя свой револьвер».) У руководства III Рейха эта фраза была в большом почете. Подобное мы видим и во время прошедшей войны, когда на некоторых артиллерийских картах, обстреливающих Ленинград, объектом № 1 значился Эрмитаж.

Н.А. Павлов. «**Артиллерийский обстрел**». 1943 г.

Поэтому сбережение культуры, а следовательно сохранение достоинства и чести ленинградцев, было одной из важнейших задач, решаемых Ленинградом. Это было тем более важно, что именно в Ленинграде (Эрмитаже и Русском музее, прежде всего) сосредоточены самые великие памятники культуры. Иными словами, город отвечал за культуру не только перед своими жителями, но и перед всей страной. Известно, что директор Эрмитажа Иосиф Абгарович Орбели заранее, до начала войны стал готовить сокровища музея к эвакуации. Делать эту подготовку приходилось в тайне, иначе его могли обвинить в паникерстве. Ведь война, по официальной версии, должна была проходить малой кровью и на территории врага. Именно тщательная подготовка к эвакуации, совершенная до вой-

ны, помогла буквально за месяц бережно упаковать и отправить на хранение в Свердловск (ныне – Екатеринбург) два состава из предполагавшихся трех с миллионом важнейших экспонатов музея.

Остальные пришлось прятать по подвалам. И нельзя не согласиться со словами нынешнего директора Эрмитажа М. Пиотровского, что спасение ценностей Эрмитажа не просто подвиг его сотрудников, но и противостояние Злу, с большой буквы. Русский музей свои сокровища отправил в Пермь. Поскольку сокровища Русского музея хранились в Перми в нераспечатанном виде, в ящиках, и местные жители не смогли с ними ознакомиться, постольку в 2010 году, на 65-летие Победы Русский музей в знак благодарности привез в Пермь на выставку 65 своих произведений. Я был на этой выставке, на ней были представлены, в том числе, полотна, находившиеся в запасниках музея. И именно на той выставке я впервые познакомился с картинами Петрова-Водкина, написанными до революции, написанными в строго салонной манере. Как эпоха может изменить художника! С первых дней войны и сотрудники Антирелигиозного музея, расположенного в Исаакиевском соборе, стали отбирать экспонаты и материалы фондов для эвакуации их на Урал. В то же время Исаакиевский собор приютил у себя тысячи уникальных предметов из дворцов Пушкина, Павловска, Гатчины, Петергофа, Ораниенбаума. Сотрудники музея, как могли, сохраняли их всю войну. Отправив сокровища вглубь страны, музеи продолжали активную работу.

В Ленинграде во время Блокады работали библиотеки, в том числе – Публичная библиотека. Поскольку в то время я еще не умел читать, постольку с книгами я не общался и здесь по необходимости должен передать слово документальным свидетельствам, которые передал мне редактор этой книги Леонид Николаевич Захаров.

«Почти как в довоенное время, толпились в библиотеках люди. Читали Шекспира и Диккенса, Льва Толстого и Тютчева, Пушкина и Блока... А в букинистических магазинах на Невском вспыхивали словесные баталии между библиофилами. Книга была нужна! Ведь мы по праву оставались самой читающей страной в мире, любовь к книге и чтению впитывалась в нас с молоком матери... Возможно, кому-то из нынешнего прагматического поколения моя история покажется невероятной или даже смешной, как то, например, что наша соседка по квартире (профессор-микробиолог) не захотела эвакуироваться только потому, что не могла взять с собой Пушкина, без которого и дня не проводила. Но это было! Не хлебом единым жив человек, даже если этот хлеб становится на вес золота... Не стало электричества – писали при свете коптилки, замерзли чернила – писали карандашом. Зачем? Чтобы дети и внуки знали: в экстремальных ситуациях открываются запредельные силы

человеческой души, силы, о которых мы и не подозреваем в относительно благополучное время. Чтобы поняли нас». (*Евстигнеева Надежда Викторовна*).

«Когда мы снова вернулись в школу, я обратил внимание на то, что на переменах часто слышалось: «А что ты читал?» Книга занимала в нашей жизни важное место. Мы обменивались книгами, по-детски хвастались друг перед другом – кто больше знает стихов». (*Маретин Юрий Васильевич*)

«Перед тем как сжечь книги, я их читала. Когда на заводе не было тока и останавливалось производство, я сидела и читала. Меня спрашивали: «Ну что ты сидишь, глаза портишь при этой коптилке?» Я отвечала: «Я боюсь, что умру и так и не дочитаю Стендаля – «Красное и черное», «Пармскую обитель». Когда я взяла книжку «Последний из могикан», я сказала: «Вот интересно – последняя из ленинградцев сжигает «Последнего из могикан». Я не очень жалела западную литературу, а немцев вообще сожгла первыми». (*Батенина (Ларина) Октябрина Константиновна*).

В городе выпускались газеты, притом в количестве, превосходящим количество довоенных изданий; типографии печатали не только плакаты, но и книги, в том числе научные. Работали школы с укороченными уроками и дополнительным питанием для школьников. Осенью 1941 года за парты село около 90 тысяч ленинградских детей. В осажденном городе оставались и продолжали функционировать три театра: Театр музыкальной комедии, Театр имени Ленинского комсомола, Театр Краснознаменного Балтийского флота, в труппе которого ведущим артистом состоял мой дядя – Александр Дмитриевич Кутьин, рассказ о котором пойдет ниже.

Выше уже отмечалось, что наиболее яркими в моей блокадной памяти остались именно встречи с искусством, и что, скорее всего, это связано с особой ролью, которую играло искусство в осажденном Ленинграде. Приведу два факта, выходящих за рамки моих воспоминаний, но серьезно подтверждающих этот тезис: празднование юбилея Низами и Алишера Навои в Эрмитаже и исполнение 7 симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде.

12 марта 1941 года появилось правительственное постановление о проведении в конце 1941 года двух юбилейных торжеств – 500-летия Алишера Навои и 800-летия Низами Ганджави, издании их полного академического собрания сочинений на языке оригинала и в переводе на русский. В те же дни были образованы республиканские юбилейные комиссии в Ташкенте и Баку, а штаб обосновался в Ленинграде, где жили и работали крупнейшие востоковеды. Из-за начавшейся войны юбилейные торжества Навои и Ни-

зами в Ташкенте и Баку были перенесены на 1948 год. И только в одном городе юбилейные торжества были все же отмечены в запланированное время, в самый трагический для города период – осенью и зимой 41 г. в блокадном Ленинграде.

О том, как в блокадном Ленинграде, в Эрмитаже, отмечали юбилей Низами, рассказали в своей документальной повести «Подвиг Эрмитажа» С. Варшавский и Б. Рест. В ней рассказывается, как осенью 1941 года встретившись в Смольном, директор Эрмитажа академик И.А. Орбели и поэт Н. Тихонов обратились в Политуправление Ленинградского фронта с просьбой командировать на один день в Эрмитаж с передовой известных востоковедов для проведения запланированной конференции памяти Низами.

Орбели назвал имена нескольких востоковедов, научных сотрудников Эрмитажа, воевавших под Ленинградом... В архиве Эрмитажа сохранился «Список присутствовавших на заседании памяти Низами» 19 октября 1941 года. Длинный лист бумаги, лежавший на столике, заполняли своими подписями академики и поэты, историки, археологи, художники, архитекторы, партийные и советские работники, корреспонденты ленинградских и московских газет. Гостей при входе уведомляли, что в случае воздушной тревоги заседание будет перенесено в бомбоубежище. Слово от ученых произнес академик Орбели, слово от писателей – Николай Тихонов.

«Я сказал, как мог, взволнованный речью Орбели, – пишет Н. Тихонов. – Затем ученые-докладчики в шинелях, с противогазами, пришедшие в Эрмитаж из окопов, читали доклады про жизнь и деятельность Низами. Звучали стихи, написанные восемьсот лет назад. Низами воскрес и принес в наш вооруженный лагерь свою дружескую песнь победы не умирающего, здорового, прекрасного человечества, чтобы торжествовать над тьмой и разрушением. Наш фронт почтил Низами, как и Низами почитал героев... Прошло несколько недель, и опять встретились в Смольном поэт с тремя шпалами в петлицах армейской гимнастерки и директор Государственного Эрмитажа. – Дорогой Иосиф Абгарович, – окликнул Николай Тихонов академика Орбели. – Должен вас поставить в известность, что ни в Москве, ни в Баку, нигде в Советском Союзе никто в октябре юбилея Низами не проводил. Юбилей отложен, и только в одном Ленинграде он отмечен торжественным собранием! Что вы скажете? – Я скажу, Николай Семенович, что это прекрасно, – ответил Орбели. – Прекрасно, что в осажденном Ленинграде мы провели юбилей Низами. Можно было его нигде не проводить, но мы, ленинградцы, обязаны были его отпраздновать».

В том же Школьном кабинете Эрмитажа 10 и 12 декабря состоялись Навоийские чтения. Ему же посвящалось состоявшееся уже 29 декабря научная сессия в Институте востоковедения. Несмотря на

Блокаду, было разослано приглашение: «Государственный Эрмитаж приглашает Вас на торжественное заседание, посвященное 500-летию со дня рождения великого узбекского поэта Алишера Навои. Заседание состоится 10 декабря 1941 года в 14 часов». Многие постоянные посетители Эрмитажа, узнав о юбилее, пешком добирались сюда с разных окраин (трамваи уже не ходили), а когда к председательствующему Иосифу Абгаровичу подошла дежурная и спросила: «Что делать, пришли безбилетники?», Орбели воскликнул: «Конечно, впустить!» Вел то заседание будущий директор Эрмитажа, а на тот момент командир пожарной группы в эрмитажной команде МПВО, Борис Борисович Пиотровский. В задачу пожарной команды входило круглосуточное дежурство на крышах Эрмитажа и во дворе Висячего сада, где в Блокаду выращивали картошку и овощи.

Во вступительном слове академик Орбели сказал: «Уже один факт чествования поэта в городе осажденном, обреченном на страдания голода и стужи, в городе, который враги считают уже мертвым и обескровленным, еще раз свидетельствует о мужественном духе народа, о его несломленной воле, о вечно живом гуманном сердце науки»... В это время за высокими окнами Школьного зала прогремели два мощных взрыва на Неве, но заседание продолжалось. И завершая свою речь, академик Орбели сказал: «После Победы, а она обязательно придет, отпразднуем юбилей пышно и более торжественно. Но это заседание под аккомпанемент немецких пушек, надеюсь, останется у всех в памяти. Несмотря ни на что, поэзия живет и торжествует. Так окунемся же в ее пленительный мир»...

В феврале 1946 года, когда академик Орбели в качестве свидетеля фашистских злодеяний выступал на Нюрнбергском процессе, на вопрос адвоката, защищавшего гитлеровцев: «Достаточно ли велики познания свидетеля в артиллерии, чтобы он мог судить о преднамеренности обстрелов Эрмитажа?», ответил: «Я никогда не был артиллеристом. Но в Эрмитаж попало тридцать снарядов, а в расположенный рядом мост всего один, и я могу с уверенностью судить, куда целил фашизм. В этих пределах – я артиллерист!». Эти фразы процитируют освещавшие его заседания журналисты всех мировых агентств, радио и газет[43].

(Знать не случайно в 2000 году я с коллегами образовал и возглавил в Аграрном университете факультет, выпускавший специалистов по музейному делу и охране памятников, работающих сегодня во многих уголках страны).

---

[43] «Непокоренный стих Алишера Навои». *Источник:* http://vku-org.ru/press/new/1788-nepokorennyy-stih-alishera-navoi. html

Вторым величайшим культурным событием явилось исполнение Седьмой симфонии Шостаковича в осажденном Ленинграде оркестром под управлением К. Элиасберга. Первые и самые тяжелые месяцы блокады Д. Шостакович провел в родном городе. Седьмую симфонию он писал урывками между рытьем окопов в пригородах Ленинграда и ночными дежурствами на крыше Ленинградской консерватории. 9 августа 1942 года в большом зале Ленинградской филармонии состоялась ее ленинградская премьера. В этот день ни одна бомба, ни один артиллерийский снаряд не упал на город: был дан приказ командующим Ленинградским фронтом Л. А. Говоровым шквальным огнем давить вражеские батареи и аэродромы, не давать им опомниться. Эта операция так и называлась «Шквал». Музыка защищала город, подпитывая ленинградцев энергией, а город всеми силами защищал музыку.

Зал был заполнен не только завсегдатаями филармонии, но также краснофлотцами и красноармейцами. Эта симфония явилась самым великим документом, свидетельствующим о несгибаемости ленинградцев, беспримерности их подвига; не случайно она получила название «Ленинградская». Николай Тихонов, вернувшись с того концерта, записал о симфонии: «Она родилась в этом городе, и, может быть, только в нем она и могла родиться. В этом ее особая сила». Симфонию, которая транслировалась по радио и громкоговорителям городской сети, слушали не только жители Ленинграда, но и осаждавшие город немецкие войска. Как потом говорили, немцы просто обезумели, когда услышали эту музыку. Они-то считали, что город почти умер. Ведь еще год назад Гитлер обещал, что 9 августа немецкие войска пройдут парадным маршем по Дворцовой площади, а в гостинице «Астория» состоится торжественный банкет (приглашения уже были отпечатаны). Через несколько лет после войны двое туристов из ГДР, разыскавшие Карла Элиасберга, признавались ему: «Тогда, 9 августа 1942 года, мы поняли, что проиграем войну. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть...»[44] Если в 1941 году самым великим событием, отражающим мощь русского духа, было проведение парада 7 ноября на Красной площади, то в 1942 году величайшей духовной победой нашего народа явилось исполнение Ленинградской симфонии в осажденном Ленинграде.

Я обратился к профессору Г.А. Подкорытову, служившему на фронте связистом, с вопросом, как немцы могли в окопах слушать концерт из Ленинграда. И вот, что он рассказал. Наши и немецкие окопы разделяло расстояние от 50 до 150 и более мет-

---

[44] *Маевский В.* Слушал мир дыханье Ленинграда. http://p-w-w.ru/ index.php?topic=6247.0

ров, в зависимости от рельефа местности. Расстояние было такое, что нам было слышно, что творилось у них, а им – что у нас. Когда сухари раскладывали по кучкам на шинели и командир обращался к солдату, стоящему спиной к продуктам, кому та или иная кучка, немцы из своих окопов кричали: Рус! Кому? – И хохотали при этом. Наши солдаты могли слушать радио по проводной связи через наушники. Немцы тоже могли слушать радио, подсоединяясь к нашей проводной сети. Возможно, что у них были и приемники.

По рассказу Г.А. Подкорытова, при подготовке наступления на передовой по 2-3 месяца бывало затишье, и его использовали для игры в футбол, чтения книг. И хотя он до ранения в 43 г. воевал на самых драматичных участках: под Смоленском, Ржевом, Тулой, но смог за войну прочитать всего Тургенева, а после войны стать известным доктором философских наук.

Но вернемся снова к Шостаковичу. Поскольку война еще продолжалась, постольку у Шостаковича накопился музыкальный материал еще на одну – Восьмую симфонию, также посвященную войне и исполненную годом позже, а также на Девятую симфонию, премьера которой состоялась в 1945 году. Мой друг, ветеран Великой отечественной войны, Маргарита Николаевна Сабинина была на премьере этой симфонии, и вот что она мне рассказала. В момент самого высшего музыкального напряжения сердце одного старого ленинградца не выдержало и он скончался. Быстро подошедшие служащие вынесли бездыханное тело, не прерывая концерт. И каково было Шостаковичу – говорила Маргарита Николаевна – видеть это. Вскоре после этого началась срежиссированная травля великого музыканта. Было приглашение известнейших музыкантов к А. Жданову. Как мне рассказывал В. С. Готт, бывший главным редактором журнала «Философские науки» и бывавший в гостях у Жданова, он прекрасно играл на фортепьяно. Исполнив музыкантам пьесу Глинки, Жданов сказал: вот так надо писать музыку. Главный идеолог страны в военном деле застрял на уровне конца XVIII века, считая штыковую атаку самым действенным способом ведения войны для пехоты, а в музыкальном образовании он застрял на уровне середины XIX века. Затем было известное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба»» от 1948 года, где Шостакович был назван антинародным композитором.

Судьба свела меня с Шостаковичем только в 1956 году. 1 октября ему исполнилось 50 лет, и в Малом зале филармонии состоялся авторский концерт. Зал был полупустой – сказывалась недавняя травля – и состоял почти из одной молодежи. Мне уже 18 лет, на которые падает «эпоха бури и натиска», когда чисто по-взрослому начи-

наешь мучительно определять свое место в жизни. И то, что я услышал от Шостаковича, было удивительно созвучно тому, что происходило в моей душе: через музыку я почувствовал в музыканте очень близкое, родное и в то же время очень мудрое существо, которое поможет мне найти свой путь в жизни. Через музыку Шостаковича я открывал самого себя. Музыку нельзя изложить в словесной форме – иначе она не была бы нужна, поэтому то, что я пишу здесь – лишь слабый отпечаток того, что я в тот вечер получил. Достаточно сказать, что когда концерт закончился, я как вкопанный долго стоял в зале, понимая, что так просто, как после любого концерта, сейчас уходить нельзя.

Я пошел за кулисы поблагодарить Великого Музыканта, я пожал его теплую мягкую (сознание отметило – чисто интеллигентную) руку. Шостакович нервно курил папиросу, которая дрожала во рту. Народу в зале действительно было мало, но прием был в высшей степени восторженный: автору после каждой пьесы горячо и подолгу аплодировали. Его окружили студенты Технологического института, просили у него о встрече в стенах института. Шостакович обещал. Я тут же подружился с ними, и мы напряженно ждали обещанную встречу... К сожалению, встреча так и не состоялась. Впрочем, великому музыканту это можно простить.

Зачем я пишу все это? Ведь это не имеет непосредственного отношения к Блокаде. Затем, чтобы показать, что шлейф из времен Блокады тянется затем за мной на протяжении всей жизни.

ОБЩЕНИЕ С ПРИРОДОЙ

Выше отмечалась роль культуры и искусства в блокадном Ленинграде. Настало время поговорить о той роли, которую тогда играла природа, точнее, общение с ней. Тема разговора заставляет вернуться к 42 году, первому выезду на дачу, а значит, и первому серьезному общению с природой. Подобно тому, как более всего запомнилось первое посещения кинотеатра, наиболее яркими в моей памяти навсегда останутся впечатления от первого свидания с природой.

Итак, в июне 42 года наш садик выехал на дачу. Здесь, в самом деле, были каникулы от войны: никаких взрывов, никаких бомбоубежищ. Если и был грохот, то только от грозы. В детском возрасте все немножко философы и приходится постоянно выискивать в окружающем мире причинно-следственные связи. Переезд в мирную обстановку я объяснял для себя тем, что мы долго ехали на автобусе, и поэтому уехали от войны. Последствия страшной зимы давали еще себя знать. Помню, что в это время я очень мучился от цинги. У меня распухли и кровоточили десны и невыносимо больно было жевать пищу. Еще меня мучила трахома, когда глаза слипают-

ся от гноя, и по утрам их было трудно раскрыть. К этому добавлялись последствия дистрофии, которой болел в Блокаду практически каждый ребенок. Не случайно, когда по Дороге Жизни стали вывозить детишек на Большую землю, дистрофию обозвали Ленинградской болезнью. Когда через три года я пошел в школу и от меня потребовали сведения, какими болезнями я болел, мама стала перечислять: скарлатина, крупозное воспаление легких, корь, бронхиальная астма, крупозная пневмония, дифтерия..., потом махнула рукой и добавила – скажи, что всеми, не ошибешься. Чудовищная антисанитария блокадной эпохи провоцировала появление заболеваний, в том числе и забытых. Многие врачи до сих пор не верят, что я болел трахомой, поскольку это болезнь первобытных народов. Но к чести ленинградской медицины, которая была одной из лучших, а возможно и самой лучшей в стране, болезни не имели характера массовых эпидемий. Достаточно указать, что только в мамином роду из десяти взрослых членов семьи четыре человека, т.е. 40 % тогда работали в системе здравоохранения. У нас в детском саду работал медицинский кабинет и нам регулярно делали уколы и прививки, чтобы выработать иммунитет против заболеваний. Помню, как однажды нашей группе делали очередной укол под лопатку и мы, раздетые по пояс, все выстроились в очередь. Подходит воспитательница и, обращаясь ко мне, говорит: «А ты что, Кутьин, стоишь в самом конце? Ты же самый смелый, иди, покажи всем, что это не страшно». И она поставила меня первым в очереди. Пришлось, стиснув зубы доказывать, что я и в самом деле самый смелый. Иногда нам давали по чайной ложке сиропа шиповника с витамином С. Но давали как-то странно, по половине группы. В этом случае другая половина просила счастливчиков дыхнуть на них, чтобы хотя бы почувствовать запах любимого сиропа.

Хотя я и помню свои болезни этого периода, но самое яркое впечатление оставили не они, а совершенное тогда открытие природы. Мы жили в просторном деревянном доме недалеко от озера. Во дворе рос большой куст шиповника, который все называли розой. Этот куст имел какое-то магической воздействие на меня, и каждый раз проходя мимо, я как завороженный не мог оторвать от него глаза. Попробую, как получится, на взрослом логическом языке описать те смутные чувства, которые испытывает ребенок, впервые увидев такую красоту.

Мы, как все дети нашего возраста, рисовали, клеили, лепили. И у нас иногда получалось хорошо. Несравненно лучше это получалось у наших воспитателей – опять можно вспомнить нарисованную на портьере лисицу, которая радовала нас, скрашивала наш быт. Но никто, ни воспитатели, ни тем более мы, не могли создать такую чарующую, сказочную красоту, которую имела роза.

Тем более, что наши рисунки были мертвые, а роза была живая, на ней появлялись все новые и новые бутоны. Подобно тому, как мы закрываем глаза на ночь, а утром их открываем, бутоны шиповника вечером закрывались, а утром раскрывались. Оказывается сказки, волшебство возможны, но они возможны только в царстве природы. Красота, которую мне явила в тот год роза (а шиповник не случайно называют дикой или северной розой), превосходила все, что я до сих пор мог видеть; не случайно с тех пор именно роза стала моим любимым цветком. Она открыла мне удивительный мир природы, с которым я уже больше не мог расстаться никогда. Что-то языческое было в моем поклонении кусту шиповника, и при написании книги я постарался понять, как этот куст воспринимался в древней Руси. Я выяснил, что название шиповника произошло от древнеперсидского слова «wrodon», которое на латинском превратилось в 'rosa'.

День 6 июня в народном календаре в наших краях отмечали как День шиповника. Шиповник издревле является у всех индоевропейских народов символом июня, главным цветком этого месяца. В старину у цветущего куста шиповника совершали сокровеннейшие обряды, молились, чтобы избыть горечь и успокоить свою душу. На Руси существовал обычай собирать детей, усаживать их возле цветущего куста шиповника в кружок и рассказывать им сказки, страшные байки. Считалось, что в этот день они не только не испугают, но даже успокоят, умиротворят, «усмирят переполохи». В народе запах шиповника считался целительным, успокаивающим. Девушки верили, что если касаться лепестками шиповника лица, то оно просветлеет, сделается чище и нежнее. От разных болезней, особенно если одолевает худоба, дышали ароматным теплым воздухом у цветущего шиповника. В России по указанию Ивана Грозного за казенный счет содержались специальные сборщики шиповника. Собранные ягоды наказывалось хранить для воинов, дабы те были здоровы и боеспособны. Кстати, и в Великую Отечественную войну сельским школьникам давалось задание собирать ягоды шиповника для раненых бойцов[45]. Видимо, какая-то правда есть в этих народных поверьях, иначе как объяснить, что я, не зная о них, магическим образом нуждался в общении с шиповником.

После розы на меня также особое впечатление произвели незабудки. Я ярко запомнил первое впечатление от них: на меня смотрели не цветы, а живые глаза. Смотрели с любопытством и любовью. Они меня бесконечно радовали, хотелось собрать их всех и принести домой. К незабудкам у меня было особое отношение и в первом, и втором, и третьем классе школы. Детский возраст челове-

---

[45] *Боковиков Н.* Записки охотника. СПб., 2012. С. 367.

ка, очень схожий с детским возрастом человечества, не делает различия между так называемой живой и неживой природой. Я помню, как в том же 1942 году мы на даче ходили купаться в озеро и нас встречали в воде солнечные зайчики, и у меня было полное убеждение, что озеро приветствует меня, радуется мне. Я заливался смехом и тоже радостно приветствовал озеро.

Открытие природы, начавшееся летом 1942 года, продолжалось и в последующие годы. В 44 и 45 годах я ходил в садик на Васильевском острове, недалеко от дома бабушки и мамы, и когда они изредка брали меня к себе, я пытался тесно общаться с природой. Помню, когда на деревьях лопались почки и появлялись первые листочки, я испытывал потрясение, глядя на них: какая в них мощная жизненная сила, что свернутые маленькие листочки довольно быстро превращаются в большие красивые листья. Я жадно хотел иметь у себя эти ветки и все время наблюдать за ними. Но при моем росте я не мог дотянуться до веток и пытался сбить их палкой. А когда на заднем дворе появлялись первые цветы – мать-и-мачеха, я искал на помойке выкинутые жестяные банки, выкапывал в них цветы вместе с землей и нес домой. Мама почему-то ругалась и я никак не мог понять: неужели она не видит чудо рождения новой жизни.

На этом можно было бы поставить точку, но тогда это было бы неправдой. Дело в том, что 5–7 лет спустя я снова посмотрел на ветки, на которых начинали формироваться листочки, и увидел только начинающие распускаться листочки. А волшебной животворящей силы, которая открывалась маленькому ребенку, я уже не чувствовал. Тогда я пошел к незабудкам и внимательно на них посмотрел. Я увидел цветочки, на которых пятна были нанесены разными цветами, но я не увидел уже живых глаз, которые раньше с любопытством и радостью смотрели на меня. Куда делась одухотворенность природы? Какое восприятие природы более правильное: раннего детства или школьника средних классов? Мучительные поиски ответа на такого рода вопросы, в конце концов, привели к тому, что в школе с 8 класса за мной закрепилась прозвище «философ». И все-таки, интимная связь с природой сохранилась. И то, что первым вузом, куда я поступил, была Лесотехническая академия, и сейчас я более 30 лет работаю в Аграрном университете, скорее всего, объясняется тем шлейфом, который тянется за мной с блокадного детства.

Лет 10 назад, выступая с докладом в Ольштынском замке XIV века (Польша), в котором многие годы работал Коперник, я свой доклад закончил такими словами: школа – средняя школа и высшая школа – учили меня неправде: они за мир выдавали только материальную оболочку, скорлупу мира. Но какое счастье, что у меня был

дошкольный уровень образования, приобщивший меня к миру сказок, который убедил меня в том, что сердцевиной, ядром мира является одухотворенное начало. Я тогда слукавил, боясь, что меня не поймут. При всей важности мира сказок духовное начало мира мне, в основном, дала почувствовать природа. Таким образом, мой приход в реалистическую философию тоже был предопределен Блокадой, когда я открыл для себя природу, ее живительное начало.

Мы до сих пор живем представлениями Галилея и Ньютона, которые были убеждены, что весь мир может быть познан только на основе законов физики и математики. На самом деле, с помощью механики и математики мы отражаем не мир, а только его материальную оболочку. Без музыки и поэзии полное (реальное) познание мира невозможно. Науки по определению познают явления и процессы материального мира, т. е. обращены только к материальной компоненте мира. Духовные же компоненты мира раскрываются, прежде всего, с помощью искусства, религии, философии, обыденного опыта. И только их общими усилиями мы воспроизводим мир таким, каким он реально существует. На этом и стоит реалистическая философия, которая равно уважительно относится ко всем основным познавательным формам. Под воздействием образовательной системы, построенной на отрицании духовного начала мироздания, магический контакт с природой несколько притух, но память о нем осталась и живет во мне до сих пор, что и определило мой приход в реалистическую философию, признающую духовную компоненту в природе и душу – в человеке.

1944 год

САЛЮТ ПОБЕДЫ

«Ленинград выжил, благодаря своей гордости, вере в Россию, любви народа. Был ли в истории человечества пример благородней и поучительней? Петербург, Ленинград был символом души, природы, великого назначения России».

И. Эренбург

Все важнейшие операции на Ленинградском фронте проходили в унисон с важнейшими операциями в других частях страны, чтобы немцы не имели возможности перебрасывать свои части с одного участка на другой. Поэтому можно с основанием сказать, что Ленинград принимал участие во всех важнейших операциях Великой Отечественной войны, проходящих на нашей земле. Выше отмечалось косвенное участие Ленинграда (посылкой пушек и боеприпасов) в битве под Москвой. В ноябре 1942 года началось планирование Сталинградской операции, которая в свою решающую стадию перешла в январе 1943 года. И операция по прорыву блокады Ленинграда также планировалась с ноября 1942 г. и в решающую стадию также перешла в январе 1943 года. И если Сталинград свою победу отмечает 2 февраля, то Ленинград, прорвав блокаду 18 января, уже 7 февраля отмечает свою важнейшую победу – прибытие первого поезда с продовольствием и грузом с Большой земли по отвоеванной трассе. Но прежде, чем этот состав получить, ленинградцам, в том числе и ленинградцам, одетым в шинели, пришлось совершить еще один подвиг: всего за 18 дней проложить в условиях холода и постоянных обстрелов 36 километров железнодорожных путей. Впрочем, подобного рода подвиги в войну ленинградцы совершали практически ежедневно.

Операция по полному освобождению Ленинграда от блокады также планировалась в унисон с другими важными операциями: Кировоградской и Корсунь-Шевченковской. Операция «Январский гром» началась 14 января утром артиллерийской канонадой, к которой позже присоединилась штурмовая и бомбардировочная авиация. Если канонада, предваряющая операцию «Уран» по окружению и уничтожению немецкой группировки под Сталинградом, длилась один час двадцать минут, канонада, предшествующая битве на Курской дуге – полчаса, канонада, предваряющая Кировоградскую операцию – пятьдесят минут, канонада, предваряющая Берлинскую операцию – полчаса, то канонады, предваряющие прорыв Блокады и снятие Блокады длились свыше двух часов каждая! Это были самые мощные канонады за всю войну! Для снятия Блокады Москва дополнительно предоставила Ленинградскому и Волховскому фронтам свыше 600 зенитных орудий, 1500 «катюш», 1475 танков и самоходных орудий, 1500 самолетов. Истощенная в боях с Красной Армией германская группа Север смогла противопоставить лишь 385 танков и 370 самолетов, и как утверждает Г. Солсбери, за все время войны у нас это было крупнейшее сосредоточение огневой мощи, даже более крупное, чем в Сталинграде[46].

---

[46] *Солсбери Г.* 900 дней. С.581.

Всем известно, что самая крупная танковая дуэль была в Курской битве, но почему-то мало кто знает, что самая крупная артиллерийская дуэль во II Мировой войне была именно на Ленинградском фронте. Приведу два факта, подтверждающих данное утверждение. За всю историю Великой Отечественной войны самое большое количество тяжелых танков КВ и самая мощная артиллерия были на Ленинградском фронте. В Ленинграде в годы Блокады была организована система контрбатарейной стрельбы, в которую были интегрированы все артиллерийские системы калибра от 100 мм и выше, принадлежавшие как частям РККА, так и Балтийскому флоту. 180 мм орудия крейсеров «Киров» и «Максим Горький» имели дальность стрельбы разными снарядами от 39 до 42 км, причем, каждый крейсер нёс 9 орудий, Кроме крейсеров такие же 180 мм орудия были на вооружении железнодорожных батарей частей береговой обороны Балтийского флота; система 305/52 калибра 305 мм состояла на вооружении обоих линкоров («Марат» и «Октябрьская революция — по четыре трёх орудийных башни на каждом), фортов и железнодорожных батарей. Дальность стрельбы системы 305/52 была в зависимости от типа снаряда и конструкции артустановки — от 25 до 35 км (по разным данным).

Самой мощной была флотская артиллерия. Снаряды 305 мм имели массу около 314 кг (фугасные), бронебойные — 470 кг. 305 мм фугасный снаряд после себя в обычном грунте оставлял воронку глубиной 6-7 метров и диаметром около 15 метров. В залпе обычно было три снаряда. При падении залп уничтожал всё на площади примерно стадиона. Бетонобойный снаряд калибра 406 мм вскрывал 6 метров фортификационного железобетона.

Но подавление артиллерии противника — это не только наличие собственной артиллерии достаточной мощности, дальности и в достаточном количестве, но и эффективная система целеуказания. По состоянию развития техники на 1940-е гг. ни авиационная разведка, ни радиолокация обеспечить эффективного целеуказания не могли. Эту задачу решала звукометрия. Как сообщил мне мой коллега Величко Михаил Викторович, практическую работоспособную методику обработки сигнала, которая использовалась в РККА на протяжении всей Великой Отечественной войны, создал его отец — Величко Виктор Степанович. Зимой 1937-38 года он докопался до причин, не позволявших адекватно дешифровать ленты звукозаписей стреляющих пушек, и создал методику, позволяющую вычислять адекватные координаты.

Своим главным вкладом в оборону Ленинграда Величко В.С. считал создание методики обсчёта записей звукометрических станций, которая качественно превосходила немецкий аналог и благо-

даря которой контрбатарейная стрельба РККА была эффективной и не позволила вермахту разбить город артиллерийским огнём. Командующий Ленинградским фронтом маршал Говоров (сам артиллерист) блестяще применил данную методику при обороне Ленинграда, благодаря которой после первых выстрелов по городу вражеская батарея засекалась, а в течении нескольких минут – уничтожалась огнем контрбатарейной стрельбы.

И второй факт: во время канонады, предваряющей снятие Блокады на фашистов было обрушено свыше 200 000 снарядов и мин, и это не считая залпов «катюш», снарядов, пущенных с кораблей Балтфлота и Кронштадта, фортов Красная Горка и Серая Лошадь, а также бомб нашей авиации, т.е. общее количество их было соизмеримое с тем, которые обрушили фашисты на Ленинград за все 900 дней Блокады[47]. Героические жители великого города смогли очень достойно, по-ленинградски отомстить врагу.

Не все авторы согласны с героическим подвигом наших артиллеристов, и наблюдаемое в последние годы опошление подвига ленинградцев как раковая опухоль обрастает все новыми и новыми метастазами, все более чудовищными домыслами. В качестве примера приведу две статьи, по сути скалькированные одна с другой: Алексей Кунгуров «О математике и исторической реальности», Дмитрий Байда «Загадки блокады Ленинграда»[48]. Авторы утверждают, что Гитлер щадил Ленинград, и в критический для Ленинграда момент, чтобы избежать его штурма, снял с Ленинградского фронта несколько наиболее боеспособных дивизий.

(В действительности снятие нескольких дивизий с ленинградского направления было связано с тем, что атаки на Москву и Ленинград захлебнулись и Гитлер, понимая невозможность одновременного захвата двух городов, решил сосредоточить более мощную группировку на московском направлении).

Авторы с калькулятором в руках подсчитывают, за сколько времени гитлеровская артиллерия смогла бы при желании превратить в руины Кировский завод, а также и весь город. То, что они этого не сделали, свидетельствует, по мнению авторов, о гуманности фашистов.

---

[47] В Акте городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой указывается: «Немецко-фашистские захватчики сбросили на Ленинград 107158 фугасных и зажигательных бомб, свыше 150000 тяжелых артиллерийских снарядов…».

[48] «Загадки блокады Ленинграда». *Источник*: www.alexfl.ru/vechnoe/vechnoe_mist15.html

Н.А. Павлов. **«Огневой налет врага»**. 1943

Восхвалять фашистский гуманизм способны в мире только российские «либералы» – самые либеральные либералы в мире!

Калькуляторщики забывают, что на немецкую артиллерию у нас была своя более мощная артиллерия, которая постоянно подавляла огневые точки противника не только с фронтовых пушек, но также и с Кронштадта и даже с кораблей, стоящих на Неве. Хочется спросить горе-исследователей, верят ли они сами в то, что, несмотря на четкое распоряжение Гитлера самолетами и пушками стереть Ленинград с лица земли, ВСЕ немецкие аэродромы группы Север и ВСЕ артиллерийские батарея решили его не выполнять (и это при величайшей немецкой дисциплинированности!)? Не гуманизм гитлеровцев, а наши самолеты и артиллерия не позволили немцам стереть Ленинград с лица земли.

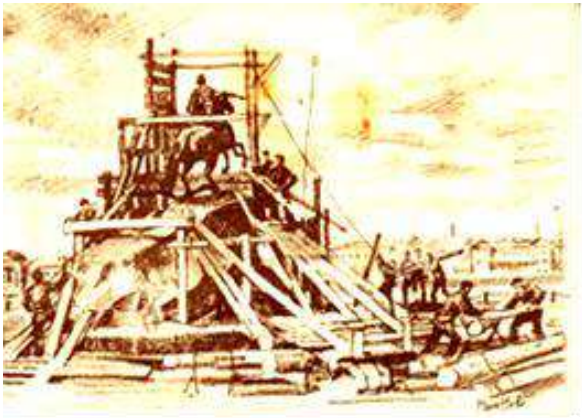
В воспоминаниях блокадников обычно пишется о том, как досаждала ленинградцев вражеская артиллерия, но почти ничего не говорится о том, как наша артиллерия досаждала немцам. Приведу высказывание из записной книжки немецкого капрала Германа Фукса, убитого в бою под Лигово: «Вчера и сегодня здесь, под Петербургом, снова ад... Непрерывно весь день била артиллерия. Огонь был такой сильный, что звуки разрывов нельзя было различить. И сейчас опять начался ад. В порту еще есть один линкор и несколько крейсеров. Трудно описать, какие воронки образуются от их снарядов. Один разорвался в двух километрах от меня, могу сказать, что меня подбросило на два метра в воздух... Я видел, что вся территория изрыта воронками, а поэтому понимал, что жив. А кругом летели куски человеческих тел – руки, ноги, головы»[49].

В приведенных очерках авторы открыто восхваляют гуманизм фашистов и обрушиваются на поколение победителей. Кажется, что эти очерки писали детки недобитых фашистов. Чего стоит их утверждение, что никакой Блокады не было, а вымирание ленинградцев была спланировано руководством города. Даже фашисты, по край-

[49] *Солсбери Г.* 900 дней. С.376.

ней мере, в этом вопросе, были правдивее, отмечая в своих дневниках и письмах, что они сознательно установили блокаду города с целью умертвить как можно больше горожан, после чего город падет к их ногам, как падает на землю сгнившее яблоко. Эти очерки не могут вызвать ничего, кроме чувства брезгливости, и, тем не менее, кому-то понадобилось распространять их на многочисленных сайтах интернета, будто они несут последнее слово правды о Блокаде.

Снятие блокады отмечалось 27 января 1944 года. Но за 12 дней до праздника ленинградцы одержали еще одну важную историческую победу, когда многим городским улицам и площадям вернули старые, дореволюционные названия: Дворцовая площадь – вместо площади Урицкого, Невский проспект – вместо Проспекта 25 октября, Садовая улица – вместо Улицы 3 июля, Суворовский проспект – вместо Советского проспекта, и даже – Пискаревский проспект – вместо проспекта Ленина.



В блокаду художник Н. А. Павлов пишет картину, воспроизводимую здесь, под названием «Сохраним памятники русской культуры!», где показано действительное отношение ленинградцев к исторической памяти и историческому памятнику. В благодарность ленинградцам за их стойкость власти вернули любимому городу исторические названия. Помню, как уже после войны при посещении Петропавловского собора я на могиле Петра увидел знамя одного из заводов Ленинграда с клятвенной надписью: «Петр! Мы твой город врагу не отдадим!»

Итак, 27 января радио объявило о снятии Блокады, о разгроме немцев у ворот Ленинграда. Что здесь творилось: люди выбегали на улицу, плакали со слезами счастья, обнимались с незнакомыми людьми. Поднялась невероятная пальба, наверное, со всех дворов города: стреляли из всего, из чего только можно стрелять. На день снятия Блокады нас в городе оставалось всего 560 тысяч человек – это одна пятая от того количества жителей, которые встретили Блокаду. Я в тот день находился у бабушки, на Большой Вульфовой. Мы с бабушкой идем на стрелку Васильевского острова смотреть салют.

По дороге встречаем Федора Андреевича Богданова. Бабушка зовет его пойти с нами на стрелку Васильевского острова, чтобы со ступенек Биржи наблюдать салют, но он отказывается, предпочитая, как и многие ленинградцы той поры, салют наблюдать с крыши дома. И крыша высоко дома, на другой стороне улицы от бабушкиного дома, уже начинала заполняться людьми. В войну я общался практически только с женщинами, и лишь редкие встречи с Федором Андреевичем и дядей, старшим братом моего родного отца – Кутьиным Александром Дмитриевичем были мгновениями моего общения с настоящими мужчинами. Когда по телевизору показывают хронику времен войны и победный салют в Ленинграде, я с напряженным вниманием смотрю на людей, стоящих на ступеньках Биржи, но кадры мелькают слишком быстро, да и я не особенно уверен, что смог бы узнать самого себя.

Чувства очень трудно передать словами, тем более чувства маленького ребенка: здесь лучше подошли бы музыка или поэзия. Тем не менее, попробую хоть как-то восстановить по памяти то, что я тогда испытал. Это не просто был красивый фейерверк, которым мы любуемся сейчас. Это совсем другое. Еще вчера была полная светомаскировка, мы боялись самой маленькой щелочки в оконной портьере. И вдруг сегодня – море огня, притом огня до самого неба! Нам впервые ничего не страшно, МЫ ПОБЕДИЛИ!!! Это наша земля! И мы теперь делаем на ней, что хотим! Через два-три месяца выехали на улицы города специальные машины с поднимающимися платформами, и рабочие ввернули лампочки в уличные фонари. «Битва под Ленинградом, – писала в те дни английская газета «Стар», – посеяла тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы, Осло».

Я здесь описываю личные воспоминания, поэтому они неминуемо несут субъективную окраску, но для меня 27 января 1944 года оставило более сильный след, чем 9 мая 1945 года. 8 мая 1945 года я играл во дворе маминого дома. В то время было модным всем знакомым жильцам давать какие-либо прозвища. Так вот, в нашем дворе жили две взрослые Веры: Вера безрукая и Вера хромая. Хорошо помню, как в наш двор вечером заходит Вера хромая и объявляет, что завтра будет по6еда. Мы не знали, верить ей или нет: как-то непривычно еще было слышать, что вот-вот – именно завтра – наступит победа. Легли мы с мамой и ее младшей сестрой Зосей спать, а утром просыпаемся от голоса Левитана, объявляющего о победе. Он зачитывает славу бойцам и командирам всех фронтов, участвовавших в войне, причем каждый фронт называется поименно, поименно называется и каждый полководец – командующий фронтом. Левитан говорит о вечной славе героям, сложившим свои

головы в боях за свободу Отечества. Неожиданно мама с легким укором спрашивает: «Почему ничего о погоде не говорят?».

Я потом постоянно общался с мамой, но так и не задал ей вопрос, что ее так волновала погода, когда объявили о Победе? Ведь Победа означала, что муж живым вернется домой, что будет хорошо, как до войны, а может даже и лучше. Или это обыкновенный ленинградский синдром, когда живешь в городе с непредсказуемой погодой и не знаешь, как одеваться. Или это желание скрыть, замаскировать подступившее волнение. Или, что тоже возможно, общая Победа воспринималась ленинградцами (хотя бы частью их) как нечто более будничное, чем Победа, связанная со снятием Блокады. Тогда Победа была именно Победой Ленинграда, добытая ценой невиданных никогда в истории сверхчеловеческих усилий. Здесь же была победа всей страны, в которой Ленинград участвовал лишь частично. И это при том, что, конечно, 9 мая 1945 года было всеобщее ликование в городе: люди плакали, обнимались, поздравляли друг друга.

МОЙ ДЯДЯ, ИЛИ КАК ЛЕНИНГРАДЦЫ СТРАДАНИЯМ ТЕЛА ПРОТИВОПОСТАВЛЯЛИ РАДОСТЬ ДУХА

Слева: **А. Кутьин в роли Фиеско в пьесе Ф. Шиллера «Заговор Фиеско».** Театр Балтфлота. 1941 год
Справа: **Александр Кутьин в должности мичмана на Ленинградском фронте.** 1941 год.

Мой дядя – Кутьин Александр Дмитриевич в 1933 году, в двадцатидвухлетнем возрасте, начал свою творческую деятельность в Театре Балтийского флота. Театр этот был создан в 1930 году по предложению народного комиссара обороны К. Е. Ворошилова.

На сайте Театра Краснознаменного Балтийского флота написано: «В 1934 году с группой выпускников Ленинградского театрального училища в театр пришел талантливый режиссер и прекрасный организатор Александр Викторович Пергамент. Новый художественный руководитель организовал профессиональную учебу, приглашая для преподавательской работы видных мастеров советского театра – Л. С. Вивьена, Н. М. Зона, Б. В. Щукина. Особенно памятной для труппы оказалась встреча с народным артистом СССР Б. В. Щукиным...

Следует подчеркнуть, что после смерти Б. В. Щукина с 1 января 1940 года в театре была установлена премия его имени, присуждаемая специальной комиссией за лучший образ, созданный в спектакле. Первым ее лауреатом стал артист Александр Кутьин. Он пришел из Ленинградского театрального института молодым, начинающим актером и со временем выдвинулся в ряды ведущих актеров театра».

Герман Орлов, известный эстрадный артист, когда-то работавший вместе с А. Кутьиным в театре Балтфлота, так вспоминает о его игре: «Александр Кутьин считался в Театре Краснознаменного Балтийского флота незаменимым актером. В первых спектаклях, которые я смотрел мальчишкой и помню до сих пор (Лейтенант Шмидт, Сестры, На полюс, Господа офицеры, Падь серебряная) Кутьин играл главные роли, пронизанные особым человеческим чувством. Не влюбиться в его героев было нельзя, будь то легендарный лейтенант Шмидт или хирург Александр Пирогов в спектакле "Сестры"»[50].

Поскольку А. Кутьин был не только ведущим актером, но и режиссером театра, постольку, вместе с А. Пергаментом участвовал в постановке новых спектаклей. Артисты театра посему сочинили песенку:

Александр Викторович Пергамент,
Александр Дмитриевич Кутьин.
Мы сыграли сто спектаклей,
И чего-нибудь хотим!

В 1940 году в честь десятилетия Театра группа ведущих актеров, в том числе мой дядя, были награждены командующим Балтийским флотом адмиралом Н. Г. Кузнецовым ценными подарками – именными серебряными часами с подписью Ворошилова. В юбилейном приказе Кузнецова говорилось, что «особенностью театра является

[50] *Герман Орлов*. «Монолог, длиною в жизнь: Рассказы артиста эстрады». Л., 1991. С. 32.

то, что он не только работает на стационаре, где ярко светит рампа и софиты, но также хорошо работает на открытой броневой палубе корабля, в кубрике, на площадке орудийного расчета, на земле, где фары автомобиля служат единственным освещением».

Ирина Алексеевна Сватовая, научный сотрудник Музея истории Кронштадта, подарила нам с Таней, моей двоюродной сестрой, копии собранных материалов, в которых современники дают оценку А.Д. Кутьину – Таниному отцу и моему дяде. В этих материалах отмечается, что Александр Дмитриевич был не только талантливым актером, но и настоящим патриотом и смелым воином. Вот, например, что написано о нем в газете «Красный Балтийский флот» № 15 от 18 января 1941 года:

– «Самоотверженный работник, живущий целиком театром, внимательный и заботливый товарищ, он заслуженно пользуется любовью и уважением всего коллектива театра КБФ. Горячий патриот своей родины, во время войны с белофиннами он почти непрерывно находился на передовых позициях, выступая перед бойцами – героями Краснознаменной Балтики. Кутьин как человек, работник и художник является примером, на котором учится вся молодежь театра. Быть таким, как Кутьин – стремление каждого молодого актера театра Балтики».

Интересно отметить тот факт, что Кутьина ставят в пример молодым артистам театра, хотя он сам принадлежал к молодому поколению – на тот момент ему приходилось всего только двадцать девять лет.

Мой дядя, как и все участники труппы, был не только артистом, но и краснофлотцем, т. е. военным артистом, который должен вносить свой вклад в победу не только игрой на сцене, но и с помощью оружия. В семейном архиве до сих пор сохранилась его «Служебная книжка краснофлотца», выданная 14 ноября 1941 г., где указано следующее:

«Должность – старший актер, режиссер;
Воинское звание – мичман;
Корабль – Театр Краснознаменного Балтфлота».

Артисты театра на передовой были санитарами, автоматчиками, снайперами. Вот что пишет об этом его сослуживец, народный артист СССР Иван Дмитриев (известный широкому зрителю по кинофильму «Полосатый рейс): «Военный артист – было особенным званием. Люди, которые несли его достойно, не щадили своей жизни... Военному артисту надо было не только уметь стрелять... Надо было еще обладать силой духа вдвойне, надо было уметь превозмочь свою боль и утешить другого». И я помню моего дядю не только в цивильном костюме, но и в матросском бушлате, опоясанном пуле-

метными лентами. Его вклад в Победу доказывают правительственные награды за личное участие в сражениях против врага: медаль «За оборону Ленинграда», орден «Красной Звезды» и медаль «За победу над Германией».

Дядя действительно «умел превозмочь свою боль и утешить другого». Первую, самую страшную блокадную зиму дядя провел с нами в Ленинграде, защищая город и словом и автоматом. Помимо достойного исполнения двух столь разных ролей – артиста и матроса – дядя в это время мучительно боролся с роковым для рода Кутьиных недугом – туберкулезом. Будучи старшим сыном в семье, дядя видел, как один за одним уходили из жизни все члены семьи мужского рода, сраженные туберкулезом. Но это не мешало ему проявлять самую трогательную заботу о родных и близких, о чем ярко свидетельствуют его письма военных лет.

Весной 1942 года дядю комиссовали по состоянию здоровья, и он из Ленинграда уехал в Башкирию, в Белебей, где в эвакуации находились его жена и дети. И вот что он пишет в письме к своей матери, моей бабушке – Елене Михайловне в декабре 42 года: «Здравствуй дорогая мамочка! Шлю тебе горячий привет. Желаю тебе здоровья. Как я тебе писал, что мы переехали в город Белебей, куда я устроился работать в театр, чему, мамочка, я очень рад. Опять я в театре, а ты знаешь, как я люблю театр. Скоро буду играть роль Сафонова – центральный персонаж в пьесе «Русские люди». Думаю, что справлюсь с этой работой, так как за время моей работы приходилось создавать более трудные образы. Живем, мамочка, мы хорошо – редкий день у нас не бывает масла...

Дорогая мама, у тебя там есть кое-какое барахлишко мое, так ты, пожалуйста, его не береги – загони его и купи себе кушать. У меня есть пока, а после войны приобретем. Главное сейчас сохранить себе здоровье... Поздравляю тебя с наступающим годом. С новым 43 годом, который принесет разгром гитлеровской сволочи. Россия отпразднует свою победу и заживет наша Советская страна своей счастливой жизнью... Крепко тебя целую. Саша». А вот еще один отрывок из письма к матери 1944 года: «...Победы нашей Красной Армии огромные, и с каждым днем близится час окончательного разгрома гитлеровской банды. Ты права, мамочка, когда пишешь, что хочется еще больше работать и тем самым помочь нашей армии. Я тоже хочу больше и больше работать».

Когда дядя пишет: «редкий день у нас не бывает масла» (а масло считалось важнейшим продуктом при лечении туберкулеза), то, зная людей той эпохи, это нужно читать так: «иногда, правда, очень редко, у нас бывает и масло». Хорошо понимая это, бабушка, уже потерявшая мужа и четырех сыновей, сраженных туберкулезом, зарплату тратила не на то, чтобы что-то прикупить из продуктов к

скудному детсадовскому пайку, а на то, чтобы подкопить деньги и послать их своему последнему, сражающемуся с туберкулезом, сыну в Башкирию, о чем красноречиво свидетельствуют письма моего дяди. Вот отрывок из его письма от 28 августа 1943 года: «Здравствуй дорогая мамочка! Шлю тебе горячий привет и крепко целую... Ты интересуешься, получили ли мы все деньги, которые ты выслала. Да, получили все деньги. Только мама, я беспокоюсь и продолжаю беспокоиться – не отрываешь ли ты эти деньги от себя? Все-таки на эти деньги ты могла бы лишний раз купить себе покушать... Крепко тебя целую, поздравляю с победами нашей дорогой Красной Армии. – Саша».

А вот отрывок из декабрьского письма того же года: «Здравствуй дорогая моя мамочка! Шлю тебе большой привет, крепко тебя обнимаю, целую, желаю тебе здоровья. Дорогая мамочка, получил я от тебя два письма и посылочку. Ты даже не можешь себе представить, сколько было радости, когда получили твою посылочку. Большое тебе пребольшое спасибо. Гера и Татьяна по 20 раз примеряли обновы... Сейчас готовим пьесу «Бесприданница», играю там Паратова. Недели три замещал художественного руководителя театра, который выезжал в командировку в Москву... Поздравляю тебя и целую с получением медали «За оборону Ленинграда». Денежки мы от тебя получили и очень, очень тебе благодарны. Поздравляю тебя с Новым годом. Крепко тебя обнимаю и целую».

Подчеркну еще раз: деньги и посылки посылаются ИЗ блокадного Ленинграда! В 1943 году Блокада хотя и была прорвана, но не снята, и положение ленинградцев из-за постоянных обстрелов и недостаточного питания еще было очень тяжелым. Ленинградцы что-то отдавали другим не потому, что им самим это было не нужно, а потому, что они полагали, что другим это нужнее.

Недавно я узнал, что посылки из блокадного Ленинграда моей бабушки не были единичным случаем: «Мне мать из блокадного Ленинграда на фронт писала: «Сынок, как вас там кормят? Может тебе что-нибудь прислать?» А вы меня спрашиваете: «Как Вас в годы войны кормили?» – вот так взволнованно отвечает на вопрос о снабжении Красной Армии 93-летний ветеран Великой Отечественной войны, генерал-майор Кукушкин Павел Васильевич»[51].

Мне известно, что Ольга Берггольц помогала материально своему репрессированному отцу. Да и в нашем роду поступок моей бабушки не был единичным случаем. По воспоминаниям Люды Тютюнниковой, ее дядя, Федор Андреевич Богданов, так же не раз по-

---

[51] Танки «Боевая подруга» и «Русская песня». *Источник:* http://politikus.ru/articles/43626-tanki-boevaya-podruga-i-russkaya-pesnya-kak-tyl-pomogal-frontu.html

сылал из блокадного Ленинграда деньги своей жене и детям, находящимся в эвакуации на Урале.

Когда я сегодня рассказываю, как ленинградцы в Блокаду помогали свои близким и высылали им деньги и посылки, некоторые цинично заявляют – «значит, они в золоте купались». Но нет, это тот самый Федор Андреевич, которого родственники, в том числе моя мама, спасли от голодной смерти. В воспоминаниях многих блокадников красной нитью проходит мысль, что люди выжили потому, что думали, прежде всего, о других. Это правда!

Сейчас все чаще раздаются голоса, что блокадники, изнуренные скудным пайком и вынужденные постоянно бороться за выживание, никак не могли еще что-то делать для победы – на это просто не хватило бы сил. Поэтому или Блокады не было, или подвиг ленинградцев преувеличен. Свидетельствую: подвиг ленинградцев во время Великой Отечественной войны никак не преувеличен. Просто не надо их измерять мерками сегодняшнего дня, сегодняшнего поколения. Это были духовно красивые и духовно богатые люди, которые не ныли от трудностей, а с честью и достоинством делали свое дело – работали на Победу. Это была иная порода людей – пассионарии, т. е. страстные, энергетически насыщенные люди, энергии которых хватало на все. Ленинградские женщины не только работали на своем посту, но еще по ночам дежурили на крышах, выезжали рыть окопы вокруг города, находили время для выращивания на маленьких участках дополнительного урожая, а еще на концерты ходить и детей рожать. Когда М. Лермонтов обращался к своему дяде, участнику Бородинского сражения, с просьбой рассказать про Бородино, дядя отвечал, что то поколение было «не то, что нынешнее племя: Богатыри – не вы!». Так же мог бы ответить и мой дядя, если бы он прочитал, что сегодня пишут про Блокаду.

Вот отрывок из письма 1942 года дяди своему дальнему родственнику и другу – Ф. А. Богданову, который уже упоминался выше: «Здравствуй дорогой Федя! Шлю тебе привет! «Ну и сукин сын», «Ну и подлец», «Ну и мерзавец» – вот примерно эпитеты, которые ты сыпешь на мою многогрешную голову за мое долгое молчание. Верно, дорогой мой Федя, я свинья, что так долго тебе не писал. – И самое обидное знаешь в чем? Я собирался и даже начинал не один раз писать тебе, но письма выходили какие-то корявые, и я, руководствуясь принципом «Я тебя породил, я тебя и убью» – разрывал их. Дорогой мой Федя, я приношу тебе большую благодарность за твои письма. Они для меня очень были дороги. Да-да, дорогой мой – это так! В твоих письмах было много дружеского, хорошего, оптимистического, что вселяло в меня энергию. Я сейчас обосновался в городе Белебее, куда я приглашен работать в театр, в группу ведущих актеров. А то было чуть не сделался канцелярской крысой – об

этом тоже расскажу при встрече за кружкой... чая, а то будешь смеяться. Федя я очень рад, что ты живешь вместе с мамой. Это известие было для меня большой радостью. Мать моя – хорошая мать. – Ты – тоже будь здоров. Федя у меня к тебе просьба. Мама очень волнуется о моем здоровье. Скажи ей, чтобы она успокоилась, т. к. я чувствую себя ей-ей вполне, нормально, пусть она бережет свое здоровье, что так же относится и к тебе. Это мой совет и просьба».

Здесь надо уточнить, что под канцелярской крысой дядя имел в виду должность прокурора города, от которой он отказался ради работы в театре. И еще дополнение. Из текста видно, что письма Федора Андреевича полны оптимизма, а ведь именно его моя мать и бабушка несколько месяцев назад буквально вытащили с того света. Как полны оптимизма и заботы о других и письма дяди.

Александр Кутьин был весельчаком и душой любой компании. Он из поколения Экзюпери, который когда-то глубоко верно сказал, что высшая роскошь – это человеческие общения. Сейчас, в эпоху потребительского отношения к жизни, уже мало кто понимает смысл этой фразы. А для того поколения не обладание вещами, не престиж, не карьера, а общение было высшей ценностью. Эти люди, искренно любящие друг друга, любили и умели общаться. Во время застолий обязательно было много шуток, много песен. Очень любили розыгрыши. И здесь снова напрашивается аналогия с вьетнамскими студентами, обучающимися у нас в период войны Вьетнама с Америкой. Я вел у них занятия по этике, и на зачете выяснил, что около 90% вьетнамских студентов выбрали тему «счастье» – и это в период страшнейшей войны на уничтожение с безжалостной супердержавой. И, тем не менее, все здесь понятно: стремление к счастью, потребность счастья придают человеку невиданные силы.

В этой связи я вспоминаю, как он разыгрывал и меня. 1944 год, дядя вернулся из эвакуации в свой родной Театр Балтфлота и, забрав меня из детского сада, ведет домой. Город в конце войны был ухоженным. Тротуары вычищались от снега и заботливо посыпались песком. Мой дядя говорит мне: «Смотри, дедушка старый прошел, песочек с него сыпался. Когда я стану стареньким, я тоже буду ходить, посыпать песочек».

Но до старости ему не удалось дожить. В начале марта 1947 года, когда трагический финал уже представлялся неизбежным, руководство Театра Балтфлота, находившегося в то время в Таллине, направило его в санаторий под Ленинградом. Еще не зная, чем все закончится, он пишет матери последнее письмо. И в этом письме снова никаких описаний страданий, но сообщение о посылке, которую он матери направил. В театр он больше не вернулся, т.к. умирал на руках своей матери, на улице Большая Вульфова. Через полтора месяца после этого письма его не стало.

– «Здравствуй дорогая мамочка. Сообщаю тебе, что положение несколько изменилось. В Кронштадт я не поеду. Дело в том, что начальник театра и Пергамент предложили мне месяцы март и апрель побыть в санатории. Здесь два варианта. Первый. Это в Морской госпиталь в туберкулёзное отделение санаторного типа. Как прошлое лето в Ижорах, и сейчас, видимо, направляют туда же. И есть путёвка в санаторий в Среднюю Азию. Как решится этот вопрос будет ясно в течении двух-трёх ближайших дней. Думаю, что через 3–4 дня уже выеду. Во всяком случае, мамочка, я очень доволен, что начальство на эти месяцы март и апрель предлагает мне отдохнуть и поправиться. Письма пока мне не пиши, так как скоро увидимся.

Крепко целую. Саша. Посылаю тебе масло и свинину».

Жена дяди – Елизавета Гильмановна, всю ночь пекла мужу пироги в дорогу. Она очень любила своего мужа, и, когда он уехал, от осознания, что больше его никогда не увидит, психика ее не выдержала, она стала заговариваться. Наверное, в истории человечества по пальцам можно пересчитать примеры подобной любви. Из известных случаев на память приходит только Ксения Петербургская, которая также лишилась рассудка по смерти мужа, и у которой муж также был артистом.

14 апреля 1947 года изнуряющая борьба с туберкулезом привела к трагическому концу. В последний путь провожали его с воинскими почестями, под звуки Гимна Советского Союза, который исполнил духовой оркестр, и матросского прощального салюта. Бабушка потом навсегда не могла спокойно слушать Гимн – он напоминал ей прощание с последним, пятым сыном, умершим от туберкулеза. 17 апреля 1947 г. газета «Красный балтиец» опубликовала некролог, посвященный дяде. В некрологе говорилось:

– «Последней работой Кутьина являлась роль Максимова в спектакле «За тех, кто в море!». Образ Максимова – честного и страстного большевика, наделенного высокими моральными качествами – как нельзя больше соответствовал личному облику талантливого артиста А. Д. Кутьина, человека огромного обаяния, редкого товарища, преданного коммуниста».

Про людей той породы, той эпохи очень трудно писать прозой – больше подойдет поэзия, и я передаю слово поэту С. Фогельсону, много лет проработавшему вместе с дядей в Театре Балтфлота. Поэт-песенник С. Фогельсон известен широкой публике по стихам к кинофильму «Небесный тихоход» (Дождливым вечером...).

В день похорон он пишет стихотворение, посвященное А. Кутьину. В семейном архиве сохранился лист бумаги в клеточку, вырванный из тетрадки, на которой рукой поэта написано это стихотворение:

Светлой памяти друга
Саши Кутьина.

„У свежей могилы."

Друзья! Мы собрались в нерадостный час,
Жестокую прокляв судьбу,
Унесшую лучшего друга от нас,-
Лежит наш товарищ в гробу...

—

Наш Саша Кутьин, наш Кутьиша, Сашок,-
Как нежно мы звали его,-
Сегодня слепой и безжалостный рок
Справляет над ним торжество...

—

Но память о нем, в быстром беге времен,
Сумеют друзья сохранить,
И рыцарем светлого образа он
В их сердце останется жить...

—

Он был человеком кристальной души,-
Её отражали глаза,-
Все люди казались ему хороши,
И все ему были друзья!..

—

Советский актёр, коммунист, патриот,-
Он жизнь понимал, как борьбу!
Себя не жалея, боролся,- и вот,-
Лежит наш товарищ в гробу...

—

Апрельское солнце сияет вокруг,
Сквозь снег зеленеет трава...
Спи с миром, наш верный товарищ и друг,-
Память твоя жива!...

С. Апрельский

17 апреля 1947 г.

Бабушка потом до конца жизни с внучкой Таней – дочкой Александра Кутьина, ходила по воскресеньям к нему на кладбище. И каждый раз от ворот Серафимовского кладбища и до церкви она подавала милостыню всем нищим – кому дешевую конфету, кому сушку – с просьбой помянуть Александра Кутьина, а также своего мужа – Дмитрия Ивановича, и моего отца – Бориса Кутьина. Бабушка жила довольно скромно в небольшой комнате коммунальной квартиры, но как истинная ленинградка не представляла себе жизни без общения с искусством. Она постоянно посещала концерты и театральные постановки, иногда приглашая с собой меня или двоюродную сестру Таню. Из-за тяжелой жизни в 1954 году у бабушки случился инфаркт, который привел к параличу. Она ничего не могла говорить, только вздыхала и повторяла «вот». Но однажды она знаками попросила у меня бумагу с карандашом и что-то с трудом написала. В этих каракулях можно было разобрать «почитай книгу». «Почитай книгу» – это была ее последняя просьба при жизни.

Вот такие люди защищали наш город в Блокаду. Этому поколению нельзя подражать, – слишком велики они были, но можно стараться хоть как-то на них походить.

Подвиг ленинградцев сродни подвигу великого Бетховена. Нет большего несчастья, большей трагедии для музыканта, чем растущая глухота, потеря слуха, и, тем не менее, Бетховен находит в себе духовные силы для преодоления страдания и продолжает служение музыке. Бетховен с гордостью заявлял: «Страданиям тела противопоставил я радость духа». И настоящие ленинградцы также смогли страданиям тела противопоставить мощь и могущество духа. Александр Кутьин был старшим сыном в семье и он понимал, чем все должно закончиться, но в его письмах ни слова о страданиях тела. В его письмах – радость от новых побед Красной Армии, радость от общения с друзьями, радость от возможности принести пользу родным и близким.

Вполне возможно, что на подсознательном уровне для меня Бетховен потому и стал любимым композитором, что он осуществил подвиг, который на моей памяти в большинстве своем повторили ленинградцы. Это тем более вероятно, что я вначале восхитился Бетховеном, узнав от моей тети – Виктории Петровны – факты его биографии, и лишь потом, узнав его музыку, полюбил его. Даже мы, дети, в какой-то мере были заражены этим духом: ведь не случайно на вопрос родителей в 1942 году, что мне принести, я попросил не еду, а бумагу для рисования. И я горжусь, что в детском возрасте смог прикоснуться к поколению Победителей, способному на величайший подвиг – жители Великого города в годы Великой Отечественной войны в массовом порядке смогли повторить подвиг великого Бетховена, противопоставив страданиям тела радость духа.

ОТНОШЕНИЕ К БОГУ

Если в 42–43 годах я довольно редко общался с бабушкой по материнской линии, то в 1944–45 годах мое общение с ней стало значительно более частым из-за моего перехода в детсад на 11 линии Васильевском острове. Бабушка, Констанция Игнатьевна, была истинно верующей католичкой и меня с двоюродным братом Эдуардом воспитала верующими людьми. Я помню, как по указанию бабушки я вместе с братом, стоя на коленях перед небольшой иконой в окладе, молился Богу. Хорошо помню свои чувства того времени: я смотрел на икону Божией Матери, но видел не ее, а с помощью ее устанавливал интимную, сверхъестественную связь с какой-то высшей силой, называемой Богом. На нашей 3-й линии стояла и стоит до сих пор Кирха – немецкая лютеранская церковь. В советское время в ней размещался завод спортивного оборудования, сейчас – лютеранский собор. Идя однажды во время войны по Среднему проспекту, я увидел, как высоко в шпиле кирхи закрылось окно. Я был полностью уверен, что это сделали ангелы.

Но все изменилось, когда мне исполнилось 8 лет. Когда мой новый отец узнал, что я верю в Бога, он рассказал мне, как церковь обошлась с Джордано Бруно за то, что он позволил себе думать не так, как требовала церковь. Я испытал состояние шока и мгновенного разрыва с религией: не может быть истинным то учение, которое насаждается через костер. Позже я узнал, что Роберт Оуэн разочаровался в религии и отошел от нее в десятилетнем возрасте. Как он сам писал, та ненависть, которую питают религии по отношению друг к другу, заставили его усомниться в их истинности. И я гордился тем, что отошел от религии на два года раньше Оуэна. Но блокадная закваска все-таки давала себя знать, и по достижению философской зрелости (а она наступает у философа после 50 лет), я вновь вынужден был вернуться к этому вопросу. Мне пришлось вслед за Блезом Паскалем ввести понятие «философский бог». Это не дед с бородой, не Яхве и не Иегова, а тот мировой разум и гармония, тот мировой порядок и бесконечная красота, то деятельное и животворящее начало, которое царит в мире и которое верующие люди для простоты усвоения назвали именем Бога.

Что это за начало, откуда и почему оно – эти вопросы лежат за пределами философского разумения. Я с равным уважением отношусь и к верующим и к неверующим, хорошо понимая их позиции. Здесь я воспроизвожу слова академика А. Д. Сахарова, передающие примерно мое религиозное состояние: «Я не знаю, в глубине души, какова моя позиция на самом деле, я не верю ни в какие догматы, мне не нравятся официальные церкви... В то же самое время я не могу представить себе Вселенную и человеческую

жизнь без какого-то осмысленного начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

Практически все великие ученые испытывали благоговение перед высшей реальностью, недоступной для осмысления с позиции чистой науки. Вот, например, что пишет об этом А. Эйнштейн: «Среди лучших умов научного мира редко встретишь того, кто не испытывал бы определенных религиозных чувств... Эта религиозность состоит в восторженном преклонении перед гармонией природы – гармонией, свидетельствующей о таком разуме, перед которым меркнут все достижения научной мысли». Это вера, но вера особого рода. Вера в высшую реальность, недоступною пониманию, но, тем не менее, реально существующую. Вера в сказочную красоту мира, в его волшебное свойство творить все новые и новые формы. Знать не случайно я первым в постперестроечное время восстановил в научном обиходе понятие «душа», отвергнутое наукой еще в конце XVIII столетия. *Душа при этом, будучи нематериальным активным началом человека, определяющим его характер, судьбу, оказывается частичкой мирового духа, его конкретизацией,* что во многих отношениях в этом вопросе роднит научный и религиозный подходы. Новый взгляд на религию позволяет увидеть в богословах не отсталых людей, как нас учили в школе, а людей, наделенных высшей мудростью, стоящих вровень с величайшими учеными Земли. Реалистическая философия признает, что высшее назначение религии состоит в том, что она пронесла через последние пять веков гонений и оппозиции со стороны науки понятия «дух» и «душа» как высшие ценности мира и человека. Это тем более важно, что данные понятия с конца XVIII века исчезли из научного обихода, как, якобы, ничего не выражающие. Но без них нельзя понять до конца то величие и ту силу, которые проявили ленинградцы в Блокаду.

ЕЩЕ РАЗ О МУЗЫКЕ

Хотя в 44-м и 45-м годах я посещал новый садик, но летом мы по-прежнему выезжали на дачу. Рядом с садиком жил мужчина, который из дерева вырезал красивые самолетики, видимо для продажи. Он их раскрашивал, и чтобы они скорее высохли, давал нам с ними побегать. Мы держали самолет высоко в руке и мчались со всей силой, чтобы у него начинал крутиться пропеллер. В это время мы, конечно, представляли себя летчиками. Помню, как к одной девочке из нашей группы регулярно приходила в гости мама – скорее всего, она жила где-то недалеко. Когда она уходила, мы все выбегали и махали ей вслед. Мы понимали, что это не наша мама, но мы видели в ней Маму, и она приветливо отвечала нам. Недалеко от

садика стояли круглые качели, и, разбегаясь, мы испытывали страх и радость одновременно.

Игрушек в войну было мало, но они были. Помню ваньку-встаньку, помню юлу, помню заводной мотоцикл и заводного цыпленка. Любил играть с гимнастом: когда сжимаешь и отпускаешь две параллельные палочки, гимнаст перепрыгивал через веревочку. Кукол у меня не было, но почему-то была потребность в них играть. Возможно, это было связано с тем, что во время войны, во время «пляски смерти» очень тянет к жизни, живому, а самой живой из игрушек, естественно, была кукла. Кстати, и на фотографиях блокадных детей дети чаще всего изображены с куклами. Для их «производства» я брал мамин носовой платок, помещал в середину кусок скомканной бумаги, обвязывал вокруг, рисовал глаза, нос, рот, руки, туловище – и у меня была своя готовая кукла. Опять же, не знаю почему, но когда я пошел в школу, то в портфель положил свою куклу и ходил с ней до 8 лет, до 2 класса. Почему потом перестал: или засмеяли, или прошла потребность – не помню.

Но самым ярким впечатлением лета 1944 года стала встреча с новой песней. Как-то в нашей группе воспитательница запела новую песню. Песня сразу понравилась – добрыми словами и выразительной мелодией. Дело, очевидно, было в субботу, и нам в этот день разрешалось идти домой. Это сейчас, чуть ли не до 14 лет родители за ручку водят детей в школу, мы в войну уже в 6 лет на расстояние более километра и через несколько улиц ходили домой сами. Я подхожу к перекрестку, на котором стоит милиционер-регулировщик. Светофоров, видимо, тогда еще не было, и движение регулировали милиционеры, стоя на самой середине перекрестка. Еще шла война, в городе было мало людей и еще меньше машин. Так этот милиционер во все горло пел уже знакомую песню «Огонек». Поющего милиционера в Ленинграде я видел только один раз – и это было в войну. Прихожу домой, а дома меня мама встречает той де самой песней: «На позицию девушка провожала бойца».

Помню, как меня удивило, что в один день, в трех разных местах я слышу одну и ту же новую песню. Это подтверждает отмеченное выше стремление ленинградцев к хорошей, доброй песне, сплачивающей людей и придающей им новые силы. В этой песне особо запала мне в душу строчка «Были там и товарищи, были там и друзья». Что такое «друзья» я уже знал, а что такое «товарищи» – не имел представления. Думая по-детски логически, я пришел к выводу, что это не друзья, т.е. это те, с кем не хочешь дружить. Я уже знал по своему детсадовскому возрасту, что не со всеми детьми в группе хочется общаться, но меня удивило, что и в военном коллективе, который, казалось, сплошь состоял из героев, было то же самое.

1945 год

МОЙ РОД: ВЫЖИЛИ ВСЕ!

На этой послевоенной фотографии я снят в гимнастерке и фуражке. После Победы военная форма в течение нескольких лет была символом Славы, символом Богатырской Мощи, Великого Благородства, символом Победы. И нам, детям войны, очень хотелось причаститься к этим символам.

Великая Отечественная война закончилась, и время подвести итоги той ее части, которая называется «Оборона Ленинграда». За время Блокады в городе погибло по новейшим данным 750–800 тысяч мирных жителей. Это больше, чем потеряли все армии союзников за все сражения во Второй мировой войне вместе взятые. Это число превосходит число погибших в любом городе за всю мировую историю военных сражений. Это в 4 раза больше числа погибших от атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки вместе взятых. Поэтому это страшная трагедия. Страшная еще и потому, что кроме мирных жителей на Ленинградском фронте за период Обороны Ленинграда безвозвратные потери составили 980 тысяч человек[52], призванных со всего Союза.

Но это не просто трагедия, но героическая трагедия. Ленинградцы не только обороняли свой город, но и постоянно, все дни и ночи на своих заводах работали на Победу. Не случайно в момент снятия Блокады у нас было 3–5 кратное преимущество в технике. За время Обороны Ленинград сковал 16 % общего состава германской армии, большая часть которого была перемолота в ходе победоносного наступления.

Жителям удалось не сдать врагу город, а значит – сохранить свои жизни, ибо, если бы город был сдан, все жители были бы в соответствии с директивой Гитлера уничтожены. И что особо важ-

---

[52] *Ковальчук В.* «Санкт-Петербургские ведомости». 27 января 2010 г.

но подчеркнуть: БОЛЬШИНСТВО ЛЕНИНГРАДЦЕВ ВЫЖИЛО В БЛОКАДУ.

Рассмотрим последний пункт с цифрами в руках. Город Пушкин, сданный немцам, в период оккупации *потерял* более 70 % жителей. Город Ленинград, не допустивший оккупации, *сохранил* более 70 % жизней. Откуда взяты эти цифры? Обратимся за ответом к статистике, которая «знает все». К моменту захвата города Пушкина немцами в нем проживало около 36 тысяч человек. За первые месяцы оккупации погибло более половины населения города – 18 368 человек, в том числе: от авиабомб – 268, от голода – 9514, расстреляно – 6267 (из них 50 детей), повешено 1105, умерло от истязаний – 1214. Виселиц, которые были установлены на углу Московской и Конюшенной улиц и напротив вокзала, не хватало, и коммунистов с комсомольцами вешали прямо на фонарных столбах на Октябрьском бульваре и на Садовой улице. Осенью 1941 года в Александровском парке было расстреляно около 800 евреев. К началу 1942 года в городе было не более 5–8 тысяч жителей, из которых к концу лета того же года осталось всего около 300 человек, обслуживающих немцев. Оставшиеся 17968 человек были отправлены в концентрационные лагеря и угнаны в рабство. К январю 1943 г. в городе уже не оставалось ни одного человека[53]. Сколько потом пушкинцев вернулось из лагерей – эту цифру не удалось узнать, известно только, что очень мало. Такая судьба была бы уготована и Ленинграду, если бы его сдали врагу, как предлагают «либералы».

В 1941 году в Ленинграде, включая пригороды, проживало около 3,2 миллиона человек. Прибыло в начале войны, спасаясь от немцев из Прибалтики и области, еще 300 тысяч. На начало Блокады в городе находилось 2 544 000 человек. Резкое уменьшение численности населения связано с тем, что уже на первом этапе эвакуации, который проходил с 29 июня по 6 сентября 1941 года, из города было эвакуировано 774 876 человек[54]. Кроме этого, около двухсот тысяч жителей города были призваны на фронт, и еще 130 тысяч пошли добровольцами в народное ополчение. На этом этапе эвакуировались работники промышленных предприятий, дети и многие беженцы, не имевшие в Ленинграде ни прописки, ни работы. Эти люди к блокадникам не причисляются.

Ленинградцы же, эвакуированные на втором этапе – с 22 января 1942 г. по 15 апреля 1942 г. по льду Ладожского озера, а также на тре-

---

[53] Источник: экспозиция Историко-литературного музея города Пушкина «Города Пушкин и Павловск в годы Великой Отечественной войны».

[54] *Уродков С. А.* «Эвакуация населения Ленинграда в 1941–1942 гг.» Вестник Ленинградского университета. 1958. 8. С. 88–102.

тьем – с 27 мая 1942 г. по 1 ноября 1942 года на плавсредствах по Ладожскому озеру, официально причисляются к блокадникам, как прожившие более четырех месяцев в Блокаду. Таких блокадников насчитывается 1 003 157 человек. Большинство моих знакомых блокадников – из их числа. Сколько же погибло ленинградцев за все время Блокады? Разные источники называют разные цифры, обычно в пределах от 400 000 до 1 200 000, а некоторые даже до 2 000 000 жертв.

Отделениями ЗАГС в период Блокады Ленинграда было выдано 625 тысяч справок на умерших ленинградцев. Это официально подтвержденное число и будем считать минимальным числом умерших за период Блокады. Поэтому ни о 400 000, ни о 200 000 жертвах блокадного Ленинграда говорить не приходится[55]. Так же нельзя согласиться и с числом 1 200 000 умерших ленинградцев, которое приводят в своих воспоминаниях Д. Гранин и Д. Лихачев.

Откуда появилась эта цифра? В апреле 1943 года был составлен документ под названием «Отчет городского управления предприятий коммунального обслуживания о работе за год войны с июля 1941 г. по июнь 1942 г.». В нем автор документа, начальник УПКО ЛенГорСовета А.Д. Карпущенко пишет: «По данным кладбищ города, ***далеко не точным, возможно завышенным***, (подчеркнуто мной – В.О.) ими за период с 1 июля 1941 года по 1 июля 1942 года захоронено 1 093 695 покойников, кроме того до 1 января 1943 года было кремировано 109 925 человек. Получается, что общее число захороненных на кладбищах Ленинграда и кремированных - более 1 миллиона 200 тысяч погибших». Завышение, о котором пишет сам автор, возможно по двум причинам. Во-первых, возможно, что могильщикам, как когда-то Чичикову, было выгодно приписать число мертвых душ. Во-вторых, завышение могло произойти вследствие того, что в общих могилах хоронили и ленинградцев и погибших бойцов. Мне известны две цифры, взятые из официальных источников, о невозвратных потерях (гибели) бойцов во время Обороны Ленинграда: 980 000 и 467 525. Как видим, разница составляет более 500 000 погибших. Этому возможно только одно объяснение: Первая цифра означает общее число всех погибших воинов, вторая – только тех, кто погиб во время боя и сразу после боя был погребен. Оставшиеся 500 000 – это те воины, которые, получив ранение, скончались по дороге в госпиталь или в самом госпитале. Этих воинов, разумеется, хоронили в общих (братских) могилах вместе с ленинградцами на ленинградских

---

[55] Число 200 000 приводит *Леонид Масловский* в своей статье «Сколько жителей Ленинграда умерло в 1941-1942 годах» - http://shkolazhizni.ru/culture/articles/72063/

кладбищах. Если мы отнимем от 1 200 000 эти 500 000, то как раз и получим те самые 700 000, которые и были наиболее вероятным количеством всех умерших ленинградцев периода Блокады.

Зная основные исходные данные, попробуем сами определить число жертв Блокады. Отнимем от 2 544 000 человек число эвакуированных в 1942 году – 1 003 152. Получается, что на время прорыва Блокады в городе должны были остаться около 1 550 000 человек. В действительности на день прорыва в городе оставалось 800 000 человек. (На день снятия Блокады – 560 000, поскольку весь 43 год продолжалась, хоть и в меньших размерах, эвакуация ленинградцев). Итак, за Блокаду город не досчитался 750 000 своих граждан. Видимо, это и есть число умерших жителей. Именно такое число блокадников называют Н. П. Шабалов и Л. В. Эрман в очерке «Детское здравоохранение блокадного Ленинграда», признанном Решением жюри Конкурса лучшим художественно-историческим очерком по истории российской педиатрии.

Примерно такое же количество жертв – 800 000 – называют работники Музея Обороны Ленинграда. Произведенный нами подсчет для большей легитимности должен учитывать следующие два момента. От первоначального количества блокадников следовало вычесть не только эвакуированных, но и призванных в армию. Известно, что в 1941 году из Ленинграда было призвано на фронт 181 149 человек. Но призывы на фронт шли и в 1942–43 годах. Только за первое полугодие 1942 года на фронт ушло еще свыше 100 000 ленинградцев. Но дополнительные призывы продолжались и во втором полугодии, тем более, что в соответствии с указом Главнокомандующего от 26 июня 1942 года начали призывать и женщин на войну. Скорее всего, за 1942 год было призвано на фронт не менее 150-200 тысяч ленинградцев, и их нельзя относить к жертвам Блокады. Кроме этого, неверно и всех умерших в Блокаду считать жертвами Блокады, поскольку были и естественные смерти, связанные со старостью, хроническими заболеваниями, несчастными случаями. Известно, что до войны в Ленинграде умирало по этим причинам около 50 человек ежедневно. Если мы умножим на количество блокадных дней, то таких набирается 45.000. Так, муж моей тети Юзефы Петровны во время Блокады при неосторожном переходе улицы попал под трамвай и погиб. И хотя статистика относит его к жертвам Блокады, он в собственном смысле таковым не являлся.

Но, с другой стороны, известно, что не все ленинградцы, эвакуированные на Большую землю, выживали; десятки тысяч из них умирали по дороге на Большую землю, когда машины уходили под лед или когда в пароход или баржу с эвакуированными попадали фашистские бомбы, а также оттого, что их болезнь носила уже необ-

ратимый характер. (Кстати, как показывают приведенные ниже воспоминания А.С. Моисеева и И.А. Светлосановой, зачастую были и обратные случаи, когда безнадежно больные, выехав из Ленинграда, вскоре поправлялись и вставали на ноги). Поскольку число ленинградцев, призванных в армию во время Блокады (150-200 тыс.) превышает число скончавшихся на переправе и на Большой земле (по разным данным от 50 до 100 тыс.), постольку в итоге получается, что число 650–750 тысяч погибших в Блокаду наиболее точно отражает реальную ситуацию.

Тот, кто говорит о 2 миллионах погибших ленинградцев, не в ладах с разумом. Как в городе, в котором на начало Блокады проживало два с половиной миллиона человек, а к прорыву живыми осталось 800 000 могло уйти из жизни 2 миллиона, и это при том, что более миллиона из первоначального числа было эвакуировано? Да и цифра 1 200 000 также выглядит преувеличенной. Если бы действительно количество жертв было такое, то при условии более миллиона эвакуированных и сотнях тысяч призванных на войну, Ленинград к снятию Блокады был бы совершенно пустой город. Но в нем оставалось большое число, около 560.000 блокадников.

Если на Нюрнбергском процессе была названа цифра 632 тысячи умерших ленинградцев в период Блокады, то уже в 90-е годы стали говорить о 1,2 миллионе человек. Чуть позже появилась цифра 1,5 миллиона, и, наконец, в самое последнее время наиболее «смелые» «исследователи» озвучивают число умерших в 2 миллиона человек. Такое впечатление, что чем меньше становится живых свидетелей блокадной поры, тем большее число жертв Блокады называется. Если одни авторы год от года увеличивают количество жертв блокадного Ленинграда, то другие авторы, напротив, год от года сокращают это число. Если в статье «Сколько жителей Ленинграда умерло в 1941-1942 годах?», помещенной в авторском блоге в 2015 г., Л. Масленников говорит о 200 000 умерших, то уже в 2016 г. в статье «Нам говорят неправду о блокаде Ленинграда» на основании словесной эквилибристики, не имеющей никакого отношения к реальной статистике, автор сокращает число жертв до 100 000[56].

И те, кто преуменьшает число жертв Блокады, и те, кто это число преувеличивают, в равной мере выступают против исторической правды и в равной мере искажают реальный подвиг ленинградцев. Те, кто преуменьшает число жертв, автоматически преуменьшают и те бесчеловечные, невыносимые условия, в которых пришлось жить ленинградцам. Те же, кто это число преувеличивают, автоматически уменьшают силу духа ленинградцев, их подлинное величие, прояв-

---

[56] «Нам говорят неправду о блокаде Ленинграда». *Источник:* http://zavtra.ru/blogs/nam-govoryat-nepravdu-o-blokade-leningrada

ленное в бескорыстной заботе о близких, их, отмеченную немцами, способность к импровизациям, позволяющую находить выходы почти их всех безвыходных ситуаций. Ленинградцам нужна была жизнь для того, чтобы победить, и они боролись за свою жизнь.

Итак, на основании статистических данных, на основании рассекреченных в последние годы документов, а также на основании вызывающих доверие авторитетных источников за весь период Блокады в Ленинграде ушло из жизни – от снарядов, бомб, голода, холода, а также от старости, болезней, несчастных случаев – самое большее 650–750 тысяч. Это значит, что ЗА ВЕСЬ ПЕРИОД БЛОКАДЫ В ЛЕНИНГРАДЕ ПОГИБЛО ОКОЛО 30 % ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ, И ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ОКОЛО 70% ЛЕНИНГРАДСКИХ ЖИЗНЕЙ БЫЛО СПАСЕНО, В ТОМ ЧИСЛЕ И БЛАГОДАРЯ ЭВАКУАЦИИ. Притом, жизней, которые продолжали производить танки, орудия, боеприпасы и этим подготавливали сначала прорыв, а затем и снятие Блокады.

Таня Савичева заканчивает свой известный всему миру дневник словами: «УМЕРЛИ ВСЕ». Я хотя и пишу свой дневник 70 лет спустя, но по ярким воспоминаниям того же самого времени, и даже, в определенном смысле – того же самого места. Если семья Савичевых жила в Блокаду на 2-й линии Васильевского острова в доме № 13, то семья Курчевских (бабушка, мама, тети) жила на противоположной стороне той же самой улицы – на 3-й линии, в доме № 36. Но свой дневник я должен закончить словами, относящимися к моему роду: ВЫЖИЛИ ВСЕ! То, что написала Таня Савичева – это правда, горькая, страшная правда. То, что написал я – тоже правда, притом даже бóльшая правда, поскольку нас, выживших в Блокаду, было большинство. Последую логике изложения дневника Тани Савичевой и перечислю поименно всех родственников, выживших в блокаду. В роду моего родного отца на начало Блокады в городе оставались: бабушка – Елена Михайловна Кутьина (выжила) и дядя, родной брат отца – Кутьин Александр Дмитриевич, который также выжил.

В роду моей матери на начало Блокады в городе оставались: бабушка – Констанция Игнатьевна Курчевская (выжила), семь дочерей – Виктория, Юзефа, Флора, Ванда, Фелиция, Люцина, Изольда (выжили все), восемь внуков – Геннадий, Аида, Жанна, Эдуард, Виолетта, Алик, Валерий, Евгений (выжили все). Были смерти вокруг: у некоторых теток в Блокаду умирали свекры или свекрови, к трем теткам не вернулись с фронта мужья, но наши оба рода в Блокаду выжили полностью. Приведенный факт означает, что смерть в Блокаду не была тотальной, она не имела характер абсолютной неизбежности. Даже в роду Тани, как оказалось, Савичевы умерли НЕ все. Таня так и не узнала, что ее сестра Нина была спасена и вывезе-

на в тыл. Когда в 1945-м году она вернулась в родной дом, то нашла записную книжку с Таниными записями. Оправился после тяжелого ранения на фронте и брат Миша. Род Савичевых продолжал жить! (Нина, Танина сестра, умерла совсем недавно).

Там, где у людей были родные и близкие, готовые в трудную минуту прийти на помощь – там выживали. Те, у кого была страстная любовь к жизни – тот чаще всего тоже выживал. Следует подчеркнуть, что любовь к жизни не есть любовь к самому себе. Когда у человека любовь направлена только на самого себя, тогда он постоянно печется о своем здоровье, истязает себя фитнесом и диетами, очень внимательно следит за модой. А любовь к жизни означает, прежде всего, любовь к окружающим людям, от настроения которых зависит твое самочувствие. Любовь к жизни – есть любовь к работе, ибо именно она позволяет нам максимально реализовать себя. Любовь к жизни означает **оптимистический настрой, стоическое отношение к трудностям.**

Есть еще важное отличие дневника Тани Савичевой от моего дневника. Ее дневник в силу жестокой необходимости пронизывает тема смерти. Мой дневник пронизывает тема жизни, ибо природа и искусство, потребность в которых была наисильнейшей именно в ту пору, являются важнейшими носителями идеи вечности жизни. Именно потому, что и то и другое – правда, я характеризую блокадную эпоху как героическую, или оптимистическую, трагедию.

Тринадцатилетняя школьница Таня Вассоевич, жившая, как и Таня Савичева на Васильевском острове и эвакуированная из Ленинграда весной 1942 года, вела свой дневник в блокадном городе. После ее кончины в 2012 году дневник ее хранится у ее сына – профессора исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Андрея Вассоевича, подарившего мне его печатный вариант. И вот что он заявляет по поводу нынешней моды на негативное освещение Блокады: «В 90-х годах стало модным говорить о том, что в Ленинграде процветал каннибализм, а люди потеряли человеческий облик, – маму это страшно возмущало. Вопиющие единичные случаи пытались представить массовым явлением. Мама вспоминала, как к ним пришла учительница музыки и сказала, что ее муж умер от голода, а Володя (Танин брат) воскликнул, что если бы он знал, то отдал бы ему свой хлеб. А через несколько дней не стало его самого. Мама часто вспоминала благородные поступки блокадников. Ее дневник перекликается с тем, что писала пережившая блокаду поэт Ольга Берггольц:

Мы счастье страшное открыли,
Достойно не воспетое пока,
Когда последней коркою делились,
Последнею щепоткой табака.

Город выжил потому, что люди думали не о себе, а о других»[57].

Раз уж пришлось упомянуть Ольгу Берггольц, поэтессу, голос которой практически ежедневно звучал по радио, ободряя жителей блокадного Ленинграда, то уместно привести очень показательный случай из ее военной жизни. В конце 1942 года она впервые вылетела в командировку в Москву, и вот что она написала в письме домой на восьмой день пребывания в столице: «...Тоскую отчаянно... Свет, тепло, ванна, харчи – все это отлично, но как объяснить им, что это вовсе не жизнь, это сумма удобств. Существовать, конечно, можно, но жить – нельзя. Здесь только быт, бытие – там...»[58] Из прошлого нанесен сильнейший удар по современным «либералам», готовым с жадностью променять бытие на быт.

Правда, которая видит только негатив и не видит позитив, не может быть истинной. Выхватывание негатива – это такая же односторонность, как и концентрированность только на позитиве. Настоящее величие подвига ленинградцев может быть понято, только принимая во внимание те нечеловеческие условия, в которых он совершался. Иными словами, правду в этом вопросе может дать только рассмотрение его с позиции реалистического мировоззрения, охватывающего все стороны рассматриваемой темы.

КАК ЛЕНИНГРАДЦЫ СМЕРТЬ ПОБЕЖДАЛИ

Мы чашу горя выпили до дна,
Но враг не взял нас никаким
измором.
И жизнью смерть была побеждена.
И победили человек и город!

В. Суслов, поэт,
подполковник в отставке

На картине блокадного художника *Г.П. Фитингофа* «**На Неву за водой**» 1942 г. показано, как из Невы с впаянными во льду кораблями дети возили на саночках воду, разделяя со взрослыми все тяготы блокадной жизни.

[57] *Позднякова М.* Страшное счастье / АиФ. № 4. 2014 г.

[58] *Петроградов А.* Никто не забыт и ничто не забыто. – http://www.senat.org/senat-news/OLGA_BERGGOLC.html

После первого издания книги некоторые близкие мне люди предлагали убрать название параграфа («Выжили все!»), как расходящееся с общепринятым изложением блокадной поры. Я и сам, прочитав массу воспоминаний блокадников, где практически в каждом пишется, как умирали от истощения люди, невольно задумывался, насколько могла быть уникальной моя семья, мой род. Поэтому готовя новое издание, я обратился к моим родственникам, друзьям, знакомым блокадникам, чтобы узнать, как обстояли дела в их семьях. Выяснилось, что у большей половины опрошенных блокадников выживали все, а у меньшей половины – погибало до трети и более членов семьи. Наверное, были и семьи, где погибли все, но по понятным причинам такие семьи я опросить не мог.

В воспоминаниях многих блокадников содержится мысль, что в нечеловеческих условиях девятисотдневной жизни в блокадном городе можно было выжить только благодаря чуду. *И этим чудом были ленинградские женщины, имеющие такую колоссальную жизненную силу, такую необъятную любовь к ближним и такую невиданную стойкость, которые помогли многим ленинградцам, несмотря ни на что, остаться живыми.* Наверное, когда-то должен появиться памятник героической ленинградской женщине, в неимоверных условиях спасшей и город и своих детей.

• Лидии Ивановне Сугаковой в начале войны был всего годик. Мама ее заворачивала порцию хлеба в тряпочку и давала своей дочке в качестве «хлебной соски». Сама же она часть хлеба меняла на папиросы Беломорканал. Известно, что очень многие ленинградки в войну курили, поскольку, по их мнению, курение заглушало чувство голода. Когда началась массовая эвакуация по Дороге Жизни, с фронта приехал отец Лидии Ивановны и помог ей и ее матери эвакуироваться. Он всю дорогу стоял на подножке автомобиля с дочкой на руках, чтобы в случае опасности успеть отпрыгнуть. Бабушка, дедушка и дядя Лидии Ивановны остались в Ленинграде на всю Блокаду – и все выжили!

• В семье сослуживицы Лидии Ивановны – Степановой Галины Михайловны, прожившей всю Блокаду, выжили четыре человека из пяти. Семья спаслась тем, что питалась лебедой, крапивой, листьями замершей капусты, собранной на полях, дурандой (подсолнечные жмыхи) и даже супом, сваренным из воробья. Погиб только старший брат, но не от истощения, а от несчастно случая: на него, на четырнадцатилетнего упала огромная болванка, которую он обрабатывал на станке. Известно, что основная часть работающих на заводе мужчин была призвана на фронт, и на заводе их заменили женщины и дети. Притом, дети тринадцати, четырнадцати и даже двенадцатилетние. Я общался с теми, кто во время войны в детском возрасте работал на заводе. Детям, чтобы они могли достать до

станка, подставляли ящики. Работать приходилось по 14–16 и даже по 18 часов в сутки. Чтобы не прерывался производственный процесс, еду подносили прямо к станку. От плохого питания и перенапряжения дети время от времени падали с ящиков и тут же засыпали. Все это приводило к росту травматизма.

• Вадим Николаевич Номоконов в войну жил в Инженерном замке Павла I, где размещался госпиталь, главным врачом которого работал его отец. Летом 1942 года проводилась третья волна эвакуации мирного населения из Ленинграда, прежде всего, матерей с детьми. В начале июля он выехал с матерью и сестрой: сначала на грузовике до Ладоги, а потом на барже по водной трассе Кобона – Осиновец длиной 29 км. Трюм баржи, в который поместили эвакуируемых, был обит жестью и имел единственный люк. Из барж составлялся караван, причем для защиты от нападений вражеской авиации на буксирах были установлены зенитные орудия, а на баржах – пулемёты. Во время перехода по озеру начался налет фашистских самолетов, и пассажиры услышали крик: «Разбомбило предыдущую баржу!» Началась паника, и люди стали пытаться выбраться из трюма, но матросы наглухо задраили люк. Со временем стала ощущаться нехватка кислорода, и люди начали стучать по люку, чтобы привлечь внимание. Вдруг почувствовался удар борта о пирс, на котором были закреплены автопокрышки. Это был момент великой радости. Он помнит, как прибывших постепенно выводили из состояния голода: сначала дали немного зеленого лука с ложкой сметаны и кусочек хлеба. Эвакуацию он провел в деревне под Новосибирском. В самом конце 1943 года, еще до снятия Блокады, отец вызвал его с матерью из эвакуации, и он вернулся по железной дороге, проложенной сразу после прорыва Блокады вдоль Ладоги. Через несколько дней после возвращения началась неслыханная за всю войну канонада. От страха стали прятаться под стол, но тут диктор объявил, чтобы жители не волновались, что это Красная Армия бьет врага, она наступает. Его отец остался в городе до конца Блокады, а затем с наступающей Красной Армией дошел до Праги.

• Александр Сергеевич Моисеев, крестный отец моего сына Елисея, родился после войны, но в войну в Ленинграде жили его мама – Александра Сергеевна Моисеева, со старшим братом Юрием, родившимся в 1939 году, и родная сестра мамы – тетя Таня с тремя детьми: Зиной, Толей и Виктором. До войны мама жила на Крестовском острове, но в войну близкие люди старались жить вместе, чтобы, помогая друг другу, легче было выжить, поэтому она переехала к сестре на 5 линию Васильевского острова. Мама работала на Петроградской стороне, где вязала сети для аэростатов, чтобы при заполнении их водородом они не лопнули. Эти аэростаты поднимали над городом на высоту полетов самолетов, и они препятствовали

их полету над городом, особенно в ночное время суток. По ночам она, как и все жители дома, в порядке очередности дежурила на крыше, чтобы в случае попадания зажигательной бомбы немедленно сбросить ее на тротуар. В противном случае они прожигали железо крыши и, попав на чердак, могли вызвать пожар.

Когда Александра Сергеевна шла с работы домой на Васильевский остров, она заходила в разрушенные здания в поисках того, что может гореть: доски, фанера, части мебели. Эти «дрова» она выменивала у определенных людей на сигареты. Сигареты были в Блокаду самым конвертируемым товаром и их она на рынках меняла на хлеб и крупу, домой поэтому приходила поздно вечером. Летом варила щи не только из крапивы, но даже использовала листья декоративного кустарника, окружавшего больницу Отто, где я когда-то появился на свет. И по рассказу Александры Сергеевны, щи были вполне съедобные, с кислинкой. Выращивали картошку везде, где только была земля: в скверах, на газонах, в трамвайных парках и даже на кладбище. Использовали для посадки даже картофельную шелуху, если на ней были глазки. Несмотря на титанические усилия, у Юрия от авитаминоза начали сохнуть ноги и он не мог ходить. Поэтому в августе 42 года его с матерью эвакуировали по Ладоге. Помогала выехать дочка тети Тани – Зина, которая работая в Блокаду в детском саду и, узнав, что соседний детсад собирается эвакуироваться, уговорила заведующую взять с собой и свою тетю с сыном. Через полгода Юрий, потребляя витамины, смог встать на ноги. Тетя Таня с тремя детьми осталась в городе Ленинграде до конца Блокады. И 77-летний Юрий, и 94-летняя Зина до сих пор живут в нашем городе и помогли мне воссоздать эту историю.

• В материнском роду директора Химиздата Леонида Николаевича Захарова из семи членов семьи выжило четверо. И это потому, что его тетя, родив ребенка незадолго до войны, регулярно сдавала в Блокаду кровь, чтобы на полученные деньги подкармливать своего младенца. В итоге эта его двоюродная сестра выжила, а тетя, сдававшая кровь, от истощения умерла. (Вот какими были ленинградцы в войну! И этот случай, как я знаю, был далеко не единичным). В отцовском же роду из пяти человек погиб только один – и не от истощения, а на фронте, куда пошёл добровольцем, – от обязательного самоподрыва во время окружения «катюши», членом экипажа которой он был. Все остальные члены семьи выжили в Блокаду, но они выехали из города в начале 1942 года по Дороге Жизни.

• Интересные воспоминания под названием «Моя Блокада» я получил от Изабеллы Аркадьевны Светлосановой, председателя общества блокадников Ленинграда, Нью-Йорк, США. В ее семье в Блокаду тоже выжили все, но только благодаря стойкости и огромному жизнелюбию ее матери. Вот отрывки из этого повествования.

«К началу блокады мне было 4 года и 2 месяца. Мой папа, Агулянский А.И., до войны был организатором и первым директором Ленинградского Дома Художника, позднее – организатором и первым директором Ленинградского Дома Искусств. Моя мама, Агулянская Ф.С., маленькая, худенькая (близкие называли ее «щепочка»), мягкая и добрая, жила с папой, как в надежной крепости. Однако в моменты жизни трудные какая-то неведомая энергия просыпалась в ней, и она действовала смело, упорно, решительно!

...Попытка эвакуации произошла в сентябре 1941 г. Эшелон Ленфильма должен был уже тронуться, когда пришла страшная весть: перерезана последняя железнодорожная ветка через г. Мга, которая связывала Ленинград с Большой землей. Так мы остались в блокаде. Наступил голод, а потом и зима. В этом городе не было ничего. Не было не только еды. Не было воды, света, тепла, не работала канализация... Навсегда сохранилась память о ледяной комнате, о постоянном чувстве голода, о страхе перед обстрелами и бомбежками. Всегда забитые окна в доме и в садике, черные пустые улицы, черная лестница, ведущая в квартиру, черные подвалы бомбоубежищ... Черное, черное, черное... Черное время, черная жизнь...

Вскоре все семейные запасы были съедены. Потом ели все, что хоть как-то могло заменить еду. Мама варила брючные ремни, добавляя в этот «супчик» перец, который остался от довоенных запасов. Кроме того, она делала похлебку из столярного клея (папа, как художник, использовал столярный клей в своей работе и имел небольшой запас.) Вскоре началась дистрофия... И при этом – постоянные бомбежки и артобстрелы... В этом городе умереть было гораздо проще, чем жить... Но произошло чудо, и мы остались жить...

В марте 1942г. мама узнала, что в детском саду, куда она поставила меня на очередь еще в начале Блокады, освободилось место. Это была огромная удача, т.к. в детском саду дополнительно к хлебу, который можно было получить по карточкам, выдавали еще по 2 маленьких кусочка хлеба, намазанного чем-то сладким, и еще – очень редко – по половине чайной ложечки сахарного песка, насыпанного в крохотные бумажные фунтики. Это дополнительное питание было не только невероятно вкусно, оно давало возможность поддерживать жизнь! Папа ослаб настолько, что уже не мог вставать с кровати. И он говорил маме: «Белка (это я) – в детском саду, она не пропадет. ЛОЖИСЬ, БУДЕМ УМИРАТЬ». Когда мама слышала эти слова, она вскакивала, будто ее хлестнули кнутом! «Нет!» - шептала она, - «Нет! Будем жить!». Она, как и все, очень боялась бомбежек, но не за себя, а за меня. Когда начинался налет, она шла не в бомбоубежище, а в соседний дом, где находился мой садик, и вставала под аркой. «Если бомба попадет в дом, то чтобы вместе...» - говорила она.

Кроме больниц и госпиталей в Ленинграде были организованы стационары, где истощенных блокадников чуть-чуть подкармливали. Такой стационар для работников искусств был организован в подвале Театра им. Горького, куда в апреле 1942г. положили папу. Мой папа – художник-график. В его альбоме остался карандашный рисунок этого подвала с крохотными окнами, крест-накрест заклеенными полосками газет, с кроватями, покрытыми серыми одеялами с надписью «Ноги», с истощенными, сгорбленными людьми…

25-го апреля 1942г. пришел мамин знакомый лейтенант, который сказал: «Завтра последняя машина идет через Ладогу. Если вы не уедете, вы погибнете». Папа лежал в стационаре, так что уезжали мы с мамой вдвоем. Была ранняя весна, 26 апреля 1942 г., на Ладоге уже началось таяние льда, и лед с трудом выдерживал вес грузовиков, идущих по Дороге Жизни. Мы ехали караваном, машина за машиной. Наша – последняя… Вдруг предыдущая машина странно наклонилась вперед, как будто «клюнула» дорогу, и медленно и почти беззвучно исчезла в черной ладожской воде… Наш водитель успел затормозить и объехал место аварии… Наконец – Большая Земля. Деревня Кобона. Конечным пунктом нашего путешествия был г. Уфа, где на военном заводе работал мамин брат…

Папа приехал примерно через полгода. Его сразу же положили в госпиталь с тяжелой дистрофией. Через месяц он вышел из госпиталя, устроился на работу. Жизнь постепенно начала налаживаться…

Моя Блокада закончилась, но со мной навсегда остались боль воспоминаний, ненависть к врагу и огромная любовь к родному городу! И осталась в памяти моя мама – маленькая, худенькая, слабая женщина, одна из тех, на ком держался блокадный Ленинград!».

• Достойны внимания воспоминания Ирины Константиновной Неждановой, бывшим старшим научным сотрудником геологического факультета ЛГУ, ныне проживающей в Нью-Йорке. Они интересны тем, что хотя в Блокаду семья потеряла новорожденного ребенка, но, поскольку мама в войну родила двух детей, семья за войну прибавилась на одного человека: «Когда замкнулось кольцо Блокады Ленинграда, мне было 3 года, 5 месяцев. Наша семья жила в то время на Васильевском острове, в угловом доме № 5 по 4-ой линии.

Общий фон начала войны - это сплошная темнота из-за очень плотных бумажных штор на окнах, а также освещения комнаты с помощью керосиновой лампы или коптилки. Дальше добавился холод, голод и постоянный угнетающий страх. Моя семья в то время состояла из моего отца – Нежданова Константина Александровича, моей матери – Неждановой Златы Александровны, моего маленького брата Александра Нежданова (он родился 27 сентября 1939 года) и меня – Ирины Неждановой. В начале 1942 года родился мой бра-

тик Серёжа, который в страшных условиях зимы 1942 года не смог выжить. Мой отец Нежданов Константин Александрович, был профессиональным актёром, певцом. К началу войны ему было уже 54 года и целый букет сердечно - сосудистых заболеваний. Во время войны он был членом отряда МПВО. Это значит, что он работал на рытье окопов, дежурил на крышах, разгружал вагоны с брёвнами, участвовал в разборке разрушенных зданий, уборке улиц и т.п.

Уже в послевоенные годы я стала размышлять о том, как нашей семье удалось выжить в неимоверных условиях блокады. Я запомнила несколько эпизодов, которые впоследствии я оценила как чудо, поддержавшее нас в труднейшие времена. И эти спасительные чудеса были сделаны добрыми людьми. Самый первый эпизод произошел зимой 1941-1942 года. Я помню, что в комнате было полутемно. Вдруг я услышала тихий спор. Я с трудом повернула голову и увидела пожилую седую женщину. Я узнала в ней коллегу моей мамы по Физиологическому институту. Пожилая женщина держала кролика. Это был один из подопытных животных, кормить которых в институте уже было нечем, и они потихоньку погибали. Спор заключался в том, что гостья пыталась отдать этого кролика моим родителям, упирая в первую очередь на голодных детей. Мои родители в свою очередь уговаривали её оставить кролика себе, так как она была очень слаба, и ей самой требовалось питание. В конце концов, она настояла на свой позиции, объяснив это тем, что не сможет убить и съесть его.

Эта добрая женщина не дожила до победы. Она была одинока. Мне всегда казалось, что этот щедрый дар пришёл к нам в один из самых кризисных моментов.

После того, как в крышу нашего дома попал снаряд, нам пришлось перебраться в соседний дом №7 по 4 линии, в квартиру №13. В этой квартире никто не жил, все умерли этой зимой. Там осталась красивая голландская печка-буржуйка. Она не только могла обогревать жильё, на ней можно было готовить еду, кипятить воду.

Большим подспорьем для поддержания нашей семьи было участие нашего папы в артистической концертной бригаде. Концертная бригада выезжала в части действующей Армии и Военно-Морского флота, выступали в госпиталях, окопах, на заводах. Артисты брали с собой судочки – две-три небольших кастрюльки, одна другой меньше, посаженные на одну общую ручку. Иногда после концерта артистов приглашали за стол пообедать. Обычно артисты кушали только жидкую еду, а твёрдую брали с собой в эти судочки для родных.

Вспоминается и такой случай. Однажды мама повела меня знакомым путём в сторону Главного здания Академии Наук. Мы прошли по Большому проспекту до 1-ой линии, и впереди на Университетской набережной напротив Соловьёвского сада стояла зенитка, у

которой все бойцы были девушки. Мы с мамой пришли в столовую Академии наук. Мама отдала специальный талончик на еду. Я думаю, что мама отдала мне свою порцию, а сама осталась без еды. Мой брат Саша тоже помнит о том, что наша мама приводила его в эту столовую. Возможно, что руководство Академии наук СССР имело возможность поддерживать сотрудников своих институтов.

В июне 1944 года, то есть через 5 месяцев после снятия блокады в нашей семье родился наш младший брат Серёжа Нежданов. Очень хорошо помню день Победы. Когда мы с братом Сашей пришли в детский сад, нам объявили о том, что война закончилась и наша страна победила. Затем нам сказали, чтобы все дети пришли в директорский кабинет со своими шапками. В шапки нам насыпали до краёв кедровые орехи и отпустили домой. Вечером мы всей семьёй пошли смотреть салют. Помню всеобщее ликование, и мы вместе со всеми радовались началу новой мирной жизни.

Всю жизнь мои братья и я чувствуем и говорим друг другу о том, что нам потрясающе повезло иметь таких родителей. Но мы не просто помним о них. Они с нами. Я с глубоким уважением и любовью сохраняю их награды: медаль «За Оборону Ленинграда» и медаль «За Доблестный Труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг».

• Многие жители блокадного Ленинграда сохранили самые светлые, самые теплые воспоминания о своих матерях, которые предпринимали героические усилия для спасения своих детей. И в этой связи заслуживает особое внимание блокадная история семьи Ялышевой Глембер Халимовны, в которой мать, воспитывая в Блокаду одна четверых детей (отец – на фронте), смогла сохранить жизнь всем четверым. Вот присланный ею рассказ от первого лица.

«Я, Ялышева Глембер Халимовна родилась 07 июля 1937 года в Ленинграде, на Петроградской стороне, на ул. Бармалеева.

Когда началась война, мне было 4 года. Папа ушел на фронт, а мама осталась с 4-мя детьми: 2 брата, старшая сестра, а я, самая младшая. Жили мы на Петроградской стороне, на улице Бармалеева в 2-х комнатной малогабаритной квартирке 20 кв.м. Одна стена в комнате была теплой, т.к. там находилась пекарня, – это было здорово!

В семье у каждого были свои обязанности: старшая сестра ходила в магазин, стояла в очередях, отоваривала карточки. Старший брат поджидал, когда в пекарню привезут муку (ее же не каждый день привозили), тогда он бежал туда и пытался помогать, хотя его никто не просил. Его уже знали и всегда старались хоть горсть муки насыпать ему в шапку-ушанку или в варежку. Тогда в доме был праздник: мама могла испечь несколько блинчиков или оладушек. Еще один брат ходил на «охоту», старался из рогатки подстрелить воробья, так как всегда хотелось есть, но, к сожалению, чаще всего

это было безрезультатно. А я, чаще всего, лежала под одеялом, смотрела в окно, как дети что-то ищут на помойке, и они находили, не знаю что. Я все время просила маму отпустить меня на «поиски» продуктов, но она не разрешала. Однажды, все-таки, я ее упросила и пошла. Опять же дети искали после того, как из пекарни выносили отходы. Так вот я пошла не зря. Когда я увидела в левом углу продолговатый сантиметров 10 огрызок серого цвета, радость переполнила меня. Я прибежала, прижимая «находку», домой. Мама буквально схватила мою «находку», я оторопела и не могла понять, что с мамой, она просто испугалась, что я могу взять в рот неизвестный кусок. Она положила его в кипяток, а я ждала, когда же можно будет съесть его.

Когда начиналась воздушная тревога, соседи спускались с верхних этажей, всегда звонили нам в дверь, чтобы мы шли в бомбоубежище. Но мама закрывала ставни (мы жили на высоком 1 этаже), расставляла нас по углам и мы все молились, не за себя, а за папу, чтобы он вернулся живой с войны. По радио постоянно говорили: "Враг стоит у наших ворот". Однажды, после таких слов, старший брат незаметно вышел из квартиры, а когда вернулся, сказал маме: "Это не правда, что враг стоит у наших ворот, там стоит наш дворник".

За время блокады из пекарни несколько раз приносили жидкое тесто, по каким-то причинам они не могли его использовать для продажи, поскольку там попадались уголь, мелкие камешки, но для моей мамочки это не составляло проблемы. Она умела все.

Однажды прибежала мамина приятельница и спрашивает: «Где твоя дочь?». Мама отвечает, что «она пошла в магазин на площадь Льва Толстого». В это время была воздушная тревога и всех с улиц направили во двор кинотеатра «АРС» и даже закрыли ворота, чтобы никто не смог уйти. Они узнали, что в этот дом попала бомба. Они обе заплакали. Но через несколько минут прибежала моя старшая сестра. Ей удалось проскочить незамеченной, она бежала, прижимаясь к домам. Сестра была очень худая, у нее болел желудок и зубы от голода шатались (болела цингой).

В июле 1942 года блокады мы поехали к родственникам в Мордовию в г. Темников. На Финляндском вокзале нас кормили гречневой кашей, но мама, боясь за наши голодные желудки, ограничивала наши порции. Дальше путь лежал через Ладожское озеро, и когда я поднималась по трапу, у меня упала в воду моя кукла (кукла самодельная), и как же я рыдала. Человек, который подавал нам руки, помогая подняться на палубу, сказал мне: «Не плачь дочка, если бы ты знала, сколько людей на дне озера». Я очень испугалась, но никак не могла понять, почему они там оказались. Прошло время и я узнала об ужасных фактах того времени и все поняла.

В г. Темникове мы сняли комнату, летом в жару меня трясла «малярия». Летом 1944 года папу контузило, он получил ранение в ногу. Лежал он в госпитале в Ленинграде. Въезд в город был закрыт и папа прислал нам "ВЫЗОВ", и мы вернулись в Ленинград, а квартира наша была уже занята другими людьми. В 1944 году я пошла в школу №73 Петроградского района. Помню, что была откуда-то помощь: сухой яичный порошок, консервы, а из одежды мне досталось шерстяное вязаное желтое платье. И в этом платье я пошла в школу. Наша мама-героиня спасла от голодной смерти всех нас четверых. Она продала все, что было у нее ценного: несколько золотых колец, швейную машинку, а главное, оренбургский пуховый платок. Когда я повзрослела и познакомилась с женщиной, которая ездила в Оренбург за пряжей и вязала платки, я заказала такой платок и подарила его маме.

Прошло много времени...через несколько месяцев мне исполнится 80 лет. Позади жизнь, полная интересных светлых событий, но память хранит пережитые дни в блокадном Ленинграде...»

• Важные сообщения я получил от Розы Гильмановны Тютюнниковой (Гальпериной) – упоминавшийся уже сестры невестки моей бабушки. Тетя Роза никуда не уехала, и осталась на весь блокадный период в городе, где проживала на Невском проспекте в доме № 1. Как она рассказывала, она никогда во время объявления воздушной тревоги не уходила в бомбоубежище. В квартире было 9 комнат – в каждой комнате по семье. Далее передаю слово для воспоминаний ее детям – Людмиле и Виктору Тютюнниковым. – Мы жили на Невском проспекте, дом 1 в квартире номер 3 на четвертом этаже. Все женщины нашей квартиры в Блокаду выжили. Женщины из девяти комнат все жили в Блокаду в одной комнате, чтобы было теплее и чтобы было меньше трат на обогрев. Во время Блокады в квартире жило 12 женщин. Мужчины были призваны на фронт, и детей в квартире тоже не было. У кого-то они были вывезены на дачу, а некоторые женщины еще были очень молоды.

Эти женщины были настолько дружны, что считали само собой разумеющимся постоянно помогать друг другу. И всегда в квартире царил дух взаимовыручки, взаимопомощи. Когда они вспоминали о войне, то только самые смешные эпизоды, над которыми сами и смеялись. Ни о чем грустном, ни о чем трагическом, женщины, пережившие Блокаду, не рассказывали, а если даже и пытались рассказать, то не могли этого сделать – они просто плакали. И очень многие эпизоды, о которых они рассказывали, действительно были смешные. Во второй половине сентября 1941 г. в городе был очень большой авианалет. Железные кровати в то время были на роликах, и мощной взрывной волной одну кровать отшвырнуло в коридор, а следующей взрывной волной ее вкатило обратно. И тетя Лика, со-

седка тети Розы, говорила в первом случае – с отъездом!, а когда кровать вкатилась обратно – с приездом! Обе при этом хохотали.

Они ходили в театр, они ходили в Филармонию. В один из походов в Филармонию тетя Роза прошептала на ушко тете Лике, что у нее с собой кусочек шоколада. Это была шутка, потому что на самом деле у нее с собой была корочка хлеба. У тети Лики от произнесенного слова «шоколад» случился голодный обморок. И они потом после войны вспоминали этот эпизод блокадной поры, как смешной эпизод: – Лика, ты помнишь?... Сами, смеясь, рассказывали, как они в Блокаду ходили и везде, где можно, покупали старую мебель, которую использовали для отопления своей единственной жилой комнаты. И это при том, что во всех комнатах были дубовые панели с метр высотой, дубовый паркет и почти у всех – хотя и старая мебель, но красного дерева. Им никому не приходило в голову сжигать свое, поскольку они предполагали в них жить и дальше.

Ходили на Неву за водой – благо Нева была близко. Запомнился эпизод, когда женщин послали во время первой зимы на Карельский перешеек рыть окопы. Пока они рыли эти окопы, над ними летал немецкий разведчик и сбрасывал листовки с текстом: «Русские дамочки, / перестаньте рыть ваши ямочки, / потому что придут наши таночки / и зароют ваши ямочки». Один раз их там послали мыться в баню, которая была вдалеке от передовой, и в это время вбегают наши, говорят, что те окопы уже захватили немцы и надо немедленно уходить.

Их сосед по квартире Иван Иванович Демьянов во время войны в качестве шофера водил по Ладоге машины. После войны он стал известным поэтом и издавался в Лениздате. В войну он возил грузы, вывозил людей. И он тоже рассказывал почти только одни смешные эпизоды. Рассказывал, как водители, чтобы не заснуть в пути, подвешивали над головой железные банки, и если голова резко уходила вперед, она билась об эту банку, и водитель невольно просыпался. Ведь дорога по Ладоге зимой представляла собой огромное заснеженное белое поле, и трудно было не уснуть, особенно когда работаешь по 14–16 часов в сутки.

У женщин этой квартиры не было никакого золота, никаких драгоценностей, но они выжили, благодаря взаимовыручки и взаимоподдержки. Как заявляют дети тети Розы, они очень благодарны этой квартире. На протяжении двадцати лет после снятия Блокады в ней сохранялся особый, ленинградский дух, о котором тоже стоит рассказать, поскольку его выработала именно Блокада, точнее, совместно перенесенные трудности. Ярко запомнилось, что во время праздников все женщины квартиры пекли пироги, и затем разносили куски своего пирога по всем комнатам, и давали каждой комнате столько кусков, сколько в ней проживало людей: где два куска, где

три, где пять. То есть каждый ел практически куски всех пирогов и ассортимент был настолько большой, что «ни в сказке сказать, ни пером описать». Это значит, что праздники праздновали всегда все вместе, сообща. Соседи угощали друг друга не только в праздники, но и в будни. Дети тети Розы не помнят ни одного случая склок, скандалов, ругани. Если кому-то надо было оставить детей – не было никаких проблем, соседи обязательно присмотрят за ребенком, выгуляют и накормят его. Людмила и Виктор не знают, какая атмосфера была бы в квартире сегодня, но воспоминания о жизни в этой квартире в те годы были самыми счастливыми.

Когда в 1964 году эту квартиру и дом начали расселять для солидной московской строительной организации, то расставались как родственники, плакали и не хотели разъезжаться, и еще очень долго, практически до конца жизни, все праздники все равно встречали вместе – настолько сроднились люди за Блокаду. И как мне они уверенно сказали, не только в их квартире, но и во всем их доме за период Блокады от голода не умер ни один человек. Но это последнее утверждение, конечно, нуждается в проверке. Во всяком случае, приведенные здесь воспоминания подтверждают то, что вытекает из статистических данных – большинство ленинградцев выжило во время Блокады!

Описание атмосферы, царившей в этой квартиры в военные и послевоенные годы, кому-то может показаться слишком идеализированным; ведь в отечественной литературе, пожалуй, нет описаний подобных трогательных отношений в коммунальной квартире. Но, во-первых, живы еще жильцы этой квартиры, которые готовы подтвердить каждое слово, написанное здесь. А, во-вторых, разве идеальные отношения невозможны были между людьми в городе, являющемся культурной столицей России, и в отношении между подлинными интеллигентами, которые даже во время Блокады не представляли себе жизнь без регулярных посещений концертов классической музыки в Филармонии?

Я хочу вызвать не жалость к блокадникам, а восхищение их героизмом. Сосредоточение на негативных сторонах жизни блокадного Ленинграда оскорбляет память о ленинградцах той поры, оказывает им медвежью услугу. Мое негативное отношение к «либералам» вызвано их антигуманистической позицией: если в гуманистической традиции повествование традиционно идет от мрака – к свету, и от страданий – к победе, то у псевдо-либералов все с точностью наоборот. Не случайно в «Блокадной книге» известные «либералы» описывает только первые, самые трагические месяцы Блокады, но ничего не говорят о том, что большинство ленинградцев с честью выстояли эти трудности и победили. Тема триумфа человеческого духа – не их тема.

Это можно подтвердить заключительными словами «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина: «Блокадный город, где он – город потерь, город нашего страдания, с пустырями разобранных, сгоревших домов, развалин, затаенный город невозместимых утрат, неосуществленных жизней, непроросших семян? Этот город не разглядеть. ...Мы завершили свою долгую работу со странным чувством, все с тем же неотступным вопросом: зачем, ради чего оживили мы этих давно ушедших людей, их давние муки и боль? Мы много раз отвечали себе на этот вопрос и до конца все же не знали ответа, но в одном мы утвердились: это надо было сделать»[59].

В отличие от указанных авторов я знаю, для чего писал эту книгу. Перефразируя слова поэта:

– Я хочу заставить сиять заново величественное слово БЛОКАДА! Я хочу доказать, что помимо СМЕРТИ и сильнее темы СМЕРТИ в Ленинграде периода Блокады звучала симфония ЖИЗНИ, радости ЖИЗНИ, вечности ЖИЗНИ!

– Я хочу воспеть и навсегда оставить в памяти людей облик героев, с которыми мне посчастливилось (именно посчастливилось!) в Блокаду общаться. Героев, которые защищали Петербург, Петроград, Ленинград – город, который за всю свою историю никогда не был сдан врагу.

ПОЧЕМУ ЛЕНИНГРАД ОКАЗАЛСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ГОРОДОМ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ, ВЫДЕРЖАВШИМ БЛОКАДУ И ПОБЕДИВШИМ?

Я не пишу научный труд. В книге даются воспоминания блокадного детсадовца и их осмысление с позиции сегодняшнего дня. Поэтому на поставленный в заголовке вопрос я предлагаю тезисы тех причин, которые первыми приходят на ум и которые кажутся наиважнейшими.

– Ленинград, во-первых, выстоял потому, что его защищали ленинградцы, для которых этот город был живой душою, весь пронизанный духом величайших деятелей культуры трех веков. Такой город невозможно было отдать на поругание врагу человечества.

– Во-вторых, Ленинград был промышленным центром с 30 % военно-промышленного потенциала. Сдать Ленинград означало резко понизить возможность сопротивления врагу, тем более, что многие заводы, производящие военную продукцию, в это время с европейской части России эвакуировались на Урал и еще не приступили к работе. Не случайно командование сочло возможным сдать

---

[59] *Алесь Адамович, Даниил Гранин.* Блокадная книга. Л., 1984. С. 300–301.

Пушкин, Павловск, Петродворец, но не сдало немцам Колпино, находящемся на таком же расстоянии от Ленинграда.

– Ленинград, в-третьих, выстоял потому, что на Ленинградском фронте находилось самое большое количество танков КВ, производимых в Колпино и Ленинграде – самых мощных на то время танков в мире[60], а также потому, что именно здесь была самая мощная артиллерия, включающая не только полевые орудия, но и орудия многочисленных кораблей Балтфлота, Кронштадта и фортов.

– В-четвертых, сдача Ленинграда означала перерезку путей, ведущих к Мурманску и Архангельску, т. е. невозможность получения помощи от союзников, что также резко усложнило бы наше военное положение. К слову сказать, наши знаменитые «катюши» размещались на студебеккерах, посылаемых нам американцами.

– В-пятых, сдача города означала уничтожение не только военно-промышленного комплекса, но и уничтожение населения города. 16 июля 1941 г. М. Борман записывает указания Гитлера, сделанные во время «совещания у фюрера»: «Предложено тесно блокировать город и путём обстрела артиллерией всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сравнять его с землёй, если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты. В этой войне мы не заинтересованы в сохранении даже части населения этого большого города». Эта директива означает полную несостоятельность аргумента «либералов», что сдача города врагу привела бы к спасению ленинградцев.

– В-шестых, сдача города означала бы победу врага на этом участке фронта и возможность переброски его войск на московское направление с дальнейшими очень опасными последствиями, включая вступление в войну на стороне Германии Японии. Известно, что между Японией и Германией существовала договоренность о вступлении Японии в войну с СССР сразу после падения Москвы.

– Ленинград выдержал Блокаду и потому, что ему помогала вся страна. Вспомним теплое послание ленинградцам Джамбула Джабаева, вспомним партизанские обозы, доставлявшие продовольствие в осажденный Ленинград. Наибольшую известность получил обоз из 223 подвод с 3500 пудами хеба, крупы и жиров, собранный колхозниками Партизанского края в марте 1942 года.

– Сдача города Ленинграда врагу означала бы для всей страны потерю примера величайшей стойкости и отваги, которые показали ленинградцы.

---

[60] Писатель *А. Скоков* в книге «Как жил блокадный город-фронт» рассказывает, как старший лейтенант З. Колобанов в одном сражении уничтожил 22 немецких танка, и после боя на броне своего танка КВ насчитал следы 156 попаданий вражеских снарядов, которые так и не смогли пробить мощную броню.

– Прокладка Дороги Жизни – это еще один беспримерный подвиг как ленинградцев, так и всей страны. Эта Дорога не только спасла более миллиона блокадников, дав им возможность эвакуироваться, но и обеспечивала население продовольствием, а предприятия – всем необходимым.

– Героически защищая Ленинград и приковывая к нему огромные силы германского вермахта, т.е. практически, защищая свой город, ленинградцы защищали свою страну. Как писал в мае 1943 года финский журнал «Суомен Кувалехти» – а финны в это время совместно с немцами взяли город в блокаду – Ленинград подобен руке, которая сжимает горло рвущегося на Восток немецкого солдата[61].

Приведенные здесь тезисы настолько самоочевидны, что я даже не пытаюсь их раскрывать. Казалось бы, никто не сможет опорочить подвиг Ленинграда и ленинградцев, подвиг, который является величайшим во всю Вторую мировую войну и непревзойденным за всю человеческую историю. Однако находятся люди, которые стремятся бросить тень на этот подвиг и даже делают все более решительные попытки глумления над ним. Вряд ли можно оставить такие попытки без ответа – к этому взывают умершие в выжившие защитники Великого города.

РУССКИЕ НЕ СДАЮТ КРЕПОСТЕЙ

Ливонский летописец XVI века Бальтазар Руссов в III части «Хроники провинции Ливонии» вынужден был поместить фрагмент «Почему русские так хороши в крепостях», где признает превосходство русского воина над немецким: «Русские в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин.

Во-первых, русские – работящий народ: русский, в случае надобности, неутомим ни в какой опасной и тяжелой работе днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя.

Во-вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудною пищею; если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может.

В-третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, потому что их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека и скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немцу же решительно все равно,

---

[61] См.: Ленинград в борьбе: месяц за месяцем 1941–1944 / Отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1994. С. 6–7.

где бы ни жить, была бы только возможность вдоволь наедаться и напиваться.

В-четвертых, у русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость».

Русские не сдают крепости. Так было и во время Великой Отечественной войны, когда русские не сдали Брестскую крепость, а держались в ней до последнего: до последнего патрона и до последнего бойца. Не случайно немецкое командование вынуждено было отдать воинские почести при захоронении останков героев крепости. Русские не сдали крепость Орешек и крепость Кронштадт. Русские не сдали Сталинград и Ленинград, превращенные их населением в огромные неприступные крепости.

Высказывание Достоевского, что ежели русский скажет вам, что он не любит Родину, не верьте ему, он не русский, может быть дополнено следующим высказыванием: Если русский предлагает сдать крепость врагу – не верьте ему, что он русский, он не русский.

Русские крепости не сдают!

Когда отечественные «либералы» предлагают договариваться с врагом и на выгодных условиях – т. е. на условиях сохранения жизни, отдавать ему свои города, свои крепости, свои земли - они выступают против русского духа, против извечной традиции русичей бить мечом тех, кто к нам с мечом придет, выступают против величия и непобедимости нашего народа. – Это должен знать каждый.

ИСТОКИ МАССОВОГО ГЕРОИЗМА ЛЕНИНГРАДЦЕВ

На период Блокады у меня приходится возраст, когда совершается открытие мира, поэтому для меня лично это был не период утрат, а период самых важных приобретений, так или иначе определивших всю мою последующую жизнь, в том числе, приход в философию. С первой смертью в жизни я столкнулся только в 1949 году, когда умерла моя бабушка Констанция Игнатьевна. Поэтому мои воспоминания пронизывает не тема смерти, а тема жизни.

Попытаюсь как-то объяснить и «оправдать» себя. Помню, как в 1948 году учительница, рассказывая нам о том, как царское правительство вместе с помещиками и капиталистами угнетало народ, пило из него последние соки, предложила обратиться для подтверждения сказанного к нашим бабушкам, которые на тот момент около 30 лет прожили при царском режиме и столько же при социалистическом строе. Я сразу же пошел к моей бабушке – Констанции Игнатьевне с просьбой рассказать, как она жила при царях. Ее рассказ поверг меня в изумление: бабушка рассказывала, какая была крепкая обувь при царях, и как она подолгу могла ее носить. Рассказывала про веселые вечеринки, которые они тогда устраивали. И я

ничего не мог понять: или бабушка политически отсталый человек, не способный понять, как жестоко ее когда-то эксплуатировали, или все было совсем не так, как нас учили в школе. Я благодарен моим родным, за то, что они позволили мне уже в детстве освободиться от стереотипов: мама – от культа личности Сталина, а бабушка – от представления, что при царях все было плохо.

Сказанное имеет непосредственное отношение к теме разговора. У нас уже сложился стереотип: Блокада – это торжество смерти, это холод, голод, трупы. И холод, и голод, и трупы действительно имели место в Блокаду, и эта тема с мельчайшими подробностями раскрыта Адамовичем, Граниным, Лихачевым. Но в еще большей степени в Блокаду присутствовала жизнь со всеми ее радостями и горестями: люди влюблялись, создавали семьи (как, например, моя мама), рожали детей, ходили на концерты, воспитывали подрастающее поколении (в том числе и древним способом: побоями) и т.д. и т.п.

Я полностью согласен с писателем Александром Скоковым, что в Блокаду героями были все, точнее, почти все. В тех нечеловеческих условиях, на которые были обречены ленинградцы, сохранить человеческое начало – для этого нужно было быть героями. И все окружавшие меня люди, что я пытался показать в книге, сохраняли это человеческое начало. У меня нет зла даже на воспитательницу, которая отдавала меня на съедение крысам. Зная свое неистребимое свободолюбие я, вполне возможно, просто «достал» ее.

Лет десять назад, во время выступления в прямом эфире по американскому радио, ведущая задала мне вопрос, верю ли я в прогресс человечества. Я ответил отрицательно, и пояснил, что не считаю свое поколение лучшим по сравнению с поколением родителей, Поколением Победителей. Точно также я не считаю, что нынешнее молодое поколение лучше моего, что у них больше совестливости, порядочности, трудолюбия и проч. Поэтому каждое следующее поколение не лучше и не хуже предыдущего – оно просто другое.

Однако, при работе над этой книгой я после раздумий изменил свое мнение: бывают поколения, которые лучше и которые хуже других. Подобно тому, как в каждой цивилизации бывает ее золотой век, так и в каждой цивилизации в силу соединения целого ряда внутренних и внешних причин могут возникнуть такие условия, которые будут способны порождать самое выдающееся поколение. Так, «Золотым веком» Афинской демократии была эпоха Перикла. «Золотым веком» русской культуры – эпоха Пушкина.

Можно ли считать, что Поколение Победителей – это самое великое, или, по крайней мере, одно из самых великих поколений в истории России, сделавших больше всего для ее славы? Я не буду говорить за всю историю, чтобы не пускаться в дебри схоластики, остановлюсь только на новейшем времени – XX веке и реализован-

ной части XXI века. На мой взгляд, действительно советский период истории нашей страны был ее самым пассионарным периодом.

Наиболее ярко величие советского народа проявилось именно в Великую Отечественную войну, при этом в высшей степени отвага, смелость, стойкость, способность преодолевать самые немыслимые трудности и выходить из них победителями, были продемонстрированы в Блокаду. Героизм ленинградцев в период Блокады воспринимается у нас с восхищением, но как само собой разумеющееся явление. «Либералы» вообще отказывают ленинградцам в героизме, считая бессмысленным принесение стольких жертв ради «коробок». Западные же объективные ученые более серьезно занимаются изучением истоков массового героизма ленинградцев.

Исследуя этот вопрос, английский журналист А. Верт, будучи единственным иностранным журналистом, посетившим Ленинград в период Блокады, делает следующий вывод: «Ошибкой была бы попытка проводить различие между русским патриотизмом, революционным порывом и советской организацией, или спрашивать который из этих трех факторов сыграл более важную роль в спасении Ленинграда; все три фактора сочетались в том необыкновенном явлении, которое можно назвать «Ленинградом в дни войны»[62].

Я согласен с Вертом и попробую раскрыть указанные им причины.

А) Русский патриотизм

Русский патриотизм есть патриотизм особого свойства. Приведу еще раз слова ленинградского профессора: «Ленинградцы боролись, стояли, умирали за свой город, за свою Родину. Враг всегда для русских был мощным стимулом объединяться... Мгновенно объединила со всей страной ненависть к врагу. Это было Великое Единение Советского Народа. Врага надо бить!». Когда часть отечественной интеллигенции предлагает сдать город, а если потребуется и страну за миску похлебки и кружку пива, то очень трудно, даже невозможно назвать их русскими.

Вот что писал об особом ленинградском патриотизме английский журналист Александр Верт: «Местная гордость Ленинграда носила своеобразный характер — горячая любовь к самому городу, к его историческому прошлому, к связанным с ним замечательным литературным традициям (это в первую очередь касалось интеллигенции) соединялась здесь с великими пролетарскими и революционными традициями рабочего класса города. И ничто не могло крепче спаять эти две стороны любви ленинградцев к своему городу в одно целое, чем нависшая над ним угроза уничтожения.

---

[62] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С.257–258.

В Ленинграде люди могли выбирать между позорной смертью в немецком плену и почетной смертью (или, если повезет, жизнью) в собственном непокоренном городе».

Для русских свобода, независимость, изгнание врага всегда представлялись наивысшими ценностями, которые даже важнее жизни. Во все времена существования Руси, России, Советского Союза, Российской Федерации защита своей земли, изгнание врага считались священной обязанностью каждого россиянина. И во время Блокады ленинградцы сохраняли эти традиции. Отсюда – сбережение памятников историческим деятелям, отсюда – клятва Петру I не отдавать его город врагу, отсюда – возвращение блокадному Ленинграду исторических названий улиц и площадей, отсюда – оставление открытыми памятников полководцам, защищавшим город вместе с его жителями. В масштабах всей страны восстановление традиционного русского патриотизма проявилось в появлении наряду с орденом Ленина также орденов Суворова, Кутузова, Нахимова; восстановлении патриаршества и авторитета Русской Православной Церкви, возрождении казачества.

Б) Революционный порыв

Скорее всего, революционный порыв играл в Блокаду меньшую роль по сравнению с русским патриотизмом. Не случайно ленинградцы с одобрением встретили отказ от революционных названий улиц и площадей и возвращение им исконных дореволюционных названий. Тем не менее, сбрасывать со счета революционный порыв невозможно. Ведь это в высшей степени символично, что врага остановили по линии, где на севере был город Ленина, на юге – город Сталина, а в середине, в сердце страны – ее столица Москва. Именно этим трем городам предстояло выдержать наиболее мощный удар и остановить врага, тем самым переломив ход войны.

Одна из причин звериной ненависти Гитлера к городу Ленина состояла в его революционном прошлом: «Германское командование преследовало не только экономические и политические цели. Гитлер видел в Ленинграде бастион большевизма и считал, что его сокрушение означало бы уничтожение одного из символов революции. Он разъяснял генералам, что со взятием Ленинграда "дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить катастрофа"»[63]. Революционный порыв более всего из всех городов страны действительно был свойственен именно Ленинграду, как городу трех революций.

---

[63] Цитируется по: *Козлов Н. Д., Левашко В. О.* Правда и ложь о Великой Отечественной войне. С. 68.

В) Советская организация

Идеалы братства, равенства и свободы, пропагандируемые в советский период, действительно сплачивали людей и помогали им бороться с невзгодами. Я не идеализирую советскую систему, но что в ней было много хорошего, что вызывало положительное отношение к нам половины человечества – это неоспоримый факт.

О ленинградской партийной организации и военном командовании пишут много и плохого и хорошего. Поскольку «либералы» акцентируют внимание на плохом, я, для полноты картины, сосредоточусь на хорошем. Большое количество ошибок руководства обороны Ленинграда связано не только с культом личности Сталина, который отучил людей мыслить самостоятельно, брать на себя ответственность, но еще и с тем, что в истории человечества не было случаев многолетней блокады города, на которых можно было бы чему-то поучиться. (Примеры Трои и Карфагена не годятся – они были сданы). Тем не менее, та инициатива, которую проявило руководство города с самого начала войны, предопределила, в конечном итоге, победу Ленинграда. Гаррисон Солсбери в своей книге «900 дней» свидетельствует, что:

- Идея сформировать народное ополчение из добровольцев на шестой день Великой Отечественной войны впервые появилось именно в Ленинграде, и уже затем другие города последовали этому примеру.

- Ленинград первым стал формировать базы в лесистой местности оставляемых территорий Ленинградской области и направлять партизан в тыл врага.

- Ленинград пошел дальше остальных советских городов, начав создавать вооруженные рабочие батальоны, в задачу которых входило следить за порядком в городе, создавать укрепления, необходимые для превращения города в неприступную крепость, встречать врага огнем, если он сумеет подойти к самому городу[64].

Ценным является то, что руководство музеев при общем шапкозакидательском настроении в стране до войны еще начали готовить экспонаты к эвакуации. Очень ценным также является то, что плановая эвакуация населения из города началась практически с первых дней войны. Не все проходило гладко во время этой первой волны эвакуации. Иногда приходилось детей возвращать обратно, поскольку к тем местам, куда их вывезли, стали подходить немцы.

---

[64] *Солсбери Г.* 900 дней. М., 1994. С.233. По мнению Солсбери, эта проявленная инициативность явилась одной из причин послевоенного Ленинградского дела, в ходе которого жесточайшим репрессиям подверглось практически все руководство, осуществлявшее Оборону Ленинграда.

Иногда немцы (как в нашем случае) бомбили составы с эвакуированными детьми. Но, тем не менее, многие сотни тысяч детей смогли выехать из города, и они были освобождены от ужасов Блокады.

Ирина Александровна Богачева, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа сообщила мне ценную информацию о своем свекре – Николае Варфоломеевиче Баранове, который уже в 30 лет стал главным архитектором Ленинграда. 26 июня 41 года его вызвал к себе Алесей Кузнецов, секретарь горкома ВКП(б). Первым заданием стала маскировка Смольного, где находилось все руководство города. Меньше чем за неделю работа была завершена: были сплетены сети с нанесенными на них кусками брезента, имитирующими деревья, и этими сетями Смольный был надежно закрыт от вражеских самолетов. Затем новое задание – возглавить специальную комиссию по технической маскировки важнейших объектов города: промышленных предприятий, транспортных узлов, памятников архитектуры. В соответствии с планом Н. В. Баранова, все важнейшие памятники города были надежно укрыты, но на свой страх и риск он предложил памятники полководцам: Суворову, Кутузову, Барклаю-де-Толли – оставить открытыми. В результате все памятники были сохранены, и что интересно – памятники полководцам – тоже. Удивительно, но уже в 1941 году в городе на Неве проходили конкурсы на лучший памятник Победы. В конце 1943 года Баранов выходит со смелой инициативой – вернуть 20 улицам и проспектам города дореволюционные названия. И это предложение его было принято руководством города буквально за несколько дней до снятия Блокады.

Приведенные примеры доказывают, что принятые на начальных этапах войны руководством Ленинграда меры фактически заложили фундамент будущей победы ленинградцев над отборными частями войск Германии и ее союзников. На оборону были мобилизованы жители города, которые построили больше 4 тысяч дотов и дзотов, оборудовали в зданиях 22 тысяч огневых точек, возвели на улицах 35 километров баррикад и противотанковых препятствий. Небо над городом защищали зенитные батареи, которых в Ленинграде было в 8-10 раз больше, чем в Берлине и Лондоне.

Существует информация, что во время войны в Гатчине находился филиал абвера, который занимался распространением состряпанных слухов, долженствующих дискредитировать и руководство Ленинграда и самих ленинградцев. В соответствии с этими слухами, Сталин не делал ничего для освобождения Ленинграда от Блокады, в силу своего неприязненного отношения к этому городу; Жданов и все руководство города в Блокаду объедалось черной икрой и пирожными; жители города готовили восстание против своего

руководства, мечтая, чтобы немцы вошли в город и т.д. и т.п.[65] К сожалению, неразборчивая «либеральная» публика схватилась за эти слухи, разработанные профессиональными фашистскими пропагандистами, и выдает их за чистую монету. Поскольку все эти слухи многократно и с фактами уже опровергались, ограничусь кратким резюме. Еще в апреле 1940 года, после советско-финской войны, Сталин отмечал особую роль Ленинграда в обеспечении безопасности страны: «...Безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30-35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны»[66].

По поводу следующего мифа, порочащего Жданова сообщу следующее. У меня лично неприязненное отношение к нему и в силу его травли Д. Шостаковича, и в силу допущенных ошибок при Обороне Ленинграда. Но, познакомившись с документами, сделал для себя вывод, что ананасы и персики, буше и дорогие вина на столе у Жданова в период страшнейшей голодовки населения – не больше, чем миф, пущенный фашистской пропагандой и подхваченный частью нашей неразборчивой интеллигенции, привыкшей ругать все отечественное. В руководстве города в основном были в высшей степени порядочные люди, о которых Н. А. Ломагин, доктор исторических наук, один из ведущих специалистов по Блокаде пишет: «По большому счету и Кузнецов, и другие руководители города были достаточно совестливыми людьми. Они многократно говорили своим подчиненным: вы в тепле, накормлены и должны думать о людях; вы должны вкалывать 24 часа, вы должны организовывать работу транспорта, вы должны бороться с воровством»[67].

Что касается третьего мифа, о якобы существовавшем желании ленинградцев сдать свой город немцам, то четкий и категорический ответ на него был уже давно дан упомянутым английским журналистом А. Вертом, находившимся во время Блокады в Ленинграде: «В Ленинграде не было ни одного человека, за исключением небольшого числа ***шкурников*** (подчеркнуто мной – В.О.), который допускал бы даже мысль, о капитуляции перед немцами».

Самым великим в советской системе, на мой взгляд, было отношение к детям. И здесь я могу выступать как специалист, поскольку именно ребенком провел в Ленинграде всю Блокаду. К нам действи-

---

[65] Этим мифам дается должный отпор. См: Миф 1 / АиФ, № 4. 2014 г.

[66] Выступление И. В. Сталина на совещании начальствующего состава 17.04.1940

[67] Новая газета, № 12. 2014 г.

тельно было особое, очень бережное отношение. В цитированном выше очерке Н. П. Шабалова и Л. В. Эрмана «Детское здравоохранение блокадного Ленинграда» говорится, что когда в городе наступил полномасштабный голод, 9 ноября 1941 года горком партии принимает решение о выдаче на детскую карточку в месяц: крупы и макарон – 1200 г, жиров – 500 г, мяса (или рыбы) – 400 г, сахара – 1200 г. Если по рабочим, служащим и иждивенческим карточкам в ноябре 1941 г. – январе 1942 г. выдача продуктов из-за их отсутствия иногда не проводилась, то «отоваривание» детских карточек было неукоснительным.

Лукин Виктор Дмитриевич, вывезенный в детском возрасте из блокадного Ленинграда по Дороге Жизни, поделился со мною своими воспоминаниями: «Помню, что всегда, когда в семье заходил разговор о Блокаде Ленинграда, то вспоминали И. В. Сталина. Вспоминали его добрым словом, так как он издал Указ, который, кажется, назывался «О сохранении потомства», по которому необходимо было эвакуировать детей из Ленинграда на Урал. Что и было сделано. Именно нас вывезли в Челябинскую область в город Касли, который городом стал в 1942. Там нас кормили очень хорошо и всегда были богатые подарки на праздники».

Известно, что положение детей, отношение к детям в любой системе, организации, обществе является наиболее верным показателем, критерием доброты данной системы. Социализм, безусловно, было более доброе общество по сравнению с капитализмом. При нынешнем расслоении общества, когда детки нашей «элиты» учатся заграницей, в престижнейших закрытых заведениях, вряд ли уже будет возможна такая забота обо всех детях, которую продемонстрировал социализм. И я с пониманием отношусь к высказыванию известного интеллектуала А. Вассермана, утверждающего, что мы непременно вернемся к социализму, и написавшему даже подробный сборник статей под названием «Чем социализм лучше капитализма». Но я против односторонности в любом вопросе, и я не желал бы вернуться к социализму ни в сталинском, ни в хрущевском, ни в брежневском обличье.

Да, в отношении меры добра, социализм действительно лучше капитализма. Но в отношении меры возможности каждой личности реализовать себя – здесь преимущество на стороне капитализма. Поэтому речь должна идти о высшем синтезе, который сможет вобрать в себя все лучшее из разных систем, и достичь подлинной гармонии между правами и свободами личности, с одной стороны, и глубинными интересами государства – с другой.

Итак, все три причины, определившие, по мнению Верта, массовый героизм ленинградцев во время Обороны Ленинграда, действительно имели место быть. Но я хочу сюда добавить четвертую фун-

даментальную причину невероятной стойкости ленинградцев, о которой почему-то обычно забывают сказать. Это – культурная среда, т.е. сам город Ленинград, который ведь не случайно определялся как культурная столица страны.

Г) Культурная среда

Непревзойденный в истории человечества массовый героизм ленинградцев в значительной степени обусловлен был культурной средой. Известный дирижер Ю. Темирканов обратил внимание на то, что только в Ленинграде из всех городов мира есть Площадь Искусств и только на этой одной площади расположены сразу: оперный Михайловский театр, Филармония, Музкомедия, драматический театр имени Комиссаржевской и два музея – Русский и Этнографии. Нельзя до конца понять подвиг ленинградцев вне контекста того города, в котором этот подвиг происходил, потому что такой подвиг мог происходить только в Ленинграде.

Во-первых, Ленинград, по свидетельству очень многих авторитетных людей, является самым красивым городом мира, который нельзя не любить, и который невозможно предать, отдав на поругание вандалам.

Во-вторых, Ленинград является культурной столицей России, а это налагает на его жителей большие обязанности. Выступая по ленинградскому радио осенью 1941 года, Анна Ахматова сказала: «Уже несколько месяцев немцы пытаются захватить город Петра, город Ленина, город Пушкина, Достоевского и Блока, город великой культуры и огромных достижений... Я, как все вы теперь, живу одной непоколебимой верой – никогда Ленинград не станет фашистским».

В-третьих, звучавшая в блокаду музыка также способствовала возвышению духа защитников города, тем более, что многие музыкальные произведения той поры, так или иначе, были связаны с Ленинградом: от «Вечера на рейде» Соловьева-Седого, до Седьмой симфонии Шестаковича. Ленинградцы победили и потому, что их мужество, их стойкость подпитывались музыкой, подпитывались песнями. Я иногда даже думаю, что если бы в Трое и Карфагене было радио и звучала такая же красивая душевная музыка, может, и эти города тоже бы не пали.

Многое поражает в поколении Победителей, последние представители которого на наших глазах уходят из жизни: громадная, всеохватывающая любовь к жизни, а значит, и к окружающим людям, мощная духовная энергия, величайшая добротность, стоическое отношение к трудностям, а также ко всякого рода благам цивилизации, недоступная другим поколениям скромность, огромное чувство патриотизма, когда Родина и Я сливались воедино, ответственное отношение ко всякому делу.

Ленинградцы той поры были людьми с чистой совестью, о которых Главный педиатр блокадного города, профессор Александр Федорович Тур говорил: «Во время блокады мы страдали многими дефицитами, но у нас не было дефицита совести». Сюда надо добавить еще присущую от природы ленинградцам деликатность, здравый ум и хорошее чувство юмора. Образ ленинградца периода Блокады во многих отношениях был приближен к идеальному образу человека. Сейчас, когда мы говорим о Возрождении России, о том, чтобы сделать ее мировым нравственным лидером, нам как никогда важно иметь перед глазами идеальный образ. И показать этот образ – была одной из задач данной книги. Воспоминания о моих родных: маме, бабушках, тетях, дяде, а также недавно ушедшие из жизни мои друзья, ветераны Великой Отечественной войны – Маргарита Николаевна Сабинина и Сапунов Борис Викторович – помогли мне воссоздать образ человека, относящегося к Поколению Победителей. К воссозданию этого образа призывает память об ушедших из жизни героев Ленинграда, к этому призывает новое поколение, желающее знать правду о Блокаде. Моя дочь, Анастасия Валерьевна, подарила мою книгу подруге из Донецка, и вот что та ей ответила: «Знаешь, я до книги твоего папы (ты ему передай обязательно!) вообще боялась даже думать о блокадном Ленинграде, знать эту историю. Старалась пропустить это мимо, не останавливать взгляд. Так напугали. Передай ему спасибо за то, что вот буквально повернул мой взгляд к подвигу ленинградцев, смыл грязь липкого страха с моих очей. Именно очей. Обязательно передай».

Белорусская писательница Светлана Алексиевич, принадлежащая к либеральному лагерю, и потому проживающая не у себя на родине, а в более милой сердцу Европе, в интервью «АиФ» заявила следующее: – «Я разговаривала с людьми, которые сидели в сталинских лагерях, прошли войну. Все они повторяли одну фразу: «Человек в нечеловеческих условиях превращается в животное за три дня». На войне ему для этого хватает трех дней, в лагере тоже – всего три дня. Человек не очень глубоко защищен культурой. Этот слой быстро слетает. И вылезает зверь, который не хочет умирать. Любой ценой. Сначала он, а потом я – закон плоти. Не знаю... У меня нет ответа на этот вопрос: почему животное в нас сильнее человека?»[68]

Я всю войну общался с людьми, которые за 900 дней жизни в *нечеловеческих* условиях сохранили не только *человеческое* лицо, но и свою *человеческую* суть – это жители Ленинграда, обороняющие свой любимый город и свою страну. И у меня есть ответ на вопрос, почему они это смогли сделать. Помогло им в этом подвиге то, что они были очень глубоко защищены культурой. Город обороняло, в

---

[68] *Шигарева Ю.* Мужество не стрелять. АиФ. № 51. 2014.

том числе, то поколение, которое сформировалось еще в досоциалистическую эпоху. Так, моя бабушка, Елена Михайловна, начала свою учительскую деятельность в 1908 году, т. е. в эпоху Серебряного века русской культуры. Поколение защитников Ленинграда, представлявшее собой сплав духовно-нравственных ценностей Русского серебряного века и идеальных ценностей братства, равенства и свободы, провозглашенных социализмом, было СВЯТЫМ, ГЕРОИЧЕСКИМ поколением, которое никак нельзя мерить мерками сегодняшнего дня, и до осознания величия и глубины которых современным так называемым либералам не достает ни ума, ни духа.

Я присоединяюсь к словам О. Берггольц, сказанным во время выступления на пленуме Правления Союза писателей СССР в феврале 1944 г.: – *«...Ленинградцы, обычные люди, жили полноценной человеческой жизнью. Это богоподобные люди. Они не умирали, а жили до самого конца. Смерти не было. Была только оборванность жизни в самом высоком расцвете жизни. Это – не смерть... Некоторые ленинградцы не умерли только потому, что не позволили себе умереть. Это кажется почти невероятным».*

Последняя фраза может быть воспринята как гипербола, но она имеет под собой серьезное научное основание. Немцы не стали штурмовать Ленинград, поскольку по данным немецких ученых, консультировавших Гитлера, при той норме хлеба, которая установилась в Ленинграде с конца осени 1941 года, невозможно было прожить его жителям более двух-трех месяцев.

Такого же мнения придерживались и наши ученые: медики, физиологи. Но свершилось чудо, «умер «всего лишь» каждый третий. За время Блокады медики сделали удивительный вывод: жизнь в людях подчас поддерживалась исключительно силой духа». Если человек заботился о других, в нем поднимались такие резервы, которые позволяли отменить неминуемую смерть. «Например, полностью истощенные, прозрачные, похожие на гравюры дети-дистрофики жили ради того, чтобы выхаживать своих младших сестер и братьев, но как только те умирали, сами уходили из жизни – у них больше не было стимула жить...

Если человек верил в победу и пытался хоть как-то двигаться – он скорее выживет, чем тот, кто лег и похоронил себя»[69].

В воспоминаниях О. Берггольц, Т. Вассоевич, А. Верта, а также в воспоминаниях многих других жителей блокадного Ленинграда (в том числе и помещенных в этой книге) красной нитью проходит ленинградская аксиома:

ГОРОД ВЫЖИЛ ПОТОМУ, ЧТО ЛЮДИ ДУМАЛИ НЕ О СЕБЕ, А О ДРУГИХ, ДУМАЛИ О ПОБЕДЕ.

---

[69] *Колдасов Г.Д.* Голод побеждали силой духа. /АиФ, № 3. 21 янв. 2004 г.

В ЧЕМ СОСТОИТ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА?

– Ленинград – единственный город в мировой истории, который не только выдержал многолетнюю осаду, но и победил. Бывали в истории длительные осады крепостей, но ни один город в мире многолетнюю осаду не смог выдержать, кроме Ленинграда.

– Ленинград, который по замыслу Гитлера должен был из двух столиц пасть первым, для чего против города было брошено до 30% элитных частей германского вермахта, победоносно прошедших через всю Европу, стал первым городом, который во Второй мировой войне смог 8 сентября 1941 г. остановить отборные немецкие войска и дальше их не пустить. Москва это сделала два месяца спустя и, притом, с существенной помощью Ленинграда, который, находясь в блокаде, смог послать на Московский фронт свыше тысячи орудий и минометов и огромное количество боеприпасов.

– Находясь длительное время в нечеловеческих условиях: без света, тепла, воды и часто без еды, и потеряв в Блокаду около 30% населения, Ленинград смог остаться культурной столицей страны, проводя во время Блокады культурные мероприятия (в частности, юбилеи Низами и Навои), которые не проводились более нигде в Союзе. Не случайно, что самое выдающееся творение искусства во Вторую мировую войну – 7 симфония Шостаковича, заслуженно названная Ленинградской – была задумана и в первых трех частях создана в блокадном городе. Таким образом, ленинградцы смогли соединить величайшую жертвенность с величайшей силой духа, которые вдохновляли не только граждан нашей страны, но и стран антигитлеровской коалиции

– Не допустив врага в свой город, ленинградцы этим самым внесли важнейший вклад в победное завершение Второй мировой войны. Если бы Ленинград пал, немцы, перебросив свои части на Москву, смогли бы захватить и ее. Это, в свою очередь, могло спровоцировать союзника Германии – Японию приступить к активным боевым действиям, и в итоге финал Второй мировой войны мог бы быть совсем иным. Сейчас все более осознается справедливость слов И. Эренбурга: ***«Если мы вошли в Берлин, то это и потому, что немцы не вошли в Ленинград».***

– Исходя из сказанного, мы жители блокадного Ленинграда предлагаем повсеместно отмечать день снятия Блокады 27 января как важнейшую дату, имеющую не только общероссийское, но и всемирно-историческое значение.

– В нашем городе должен стоять памятник ленинградской женщине – матери, бабушке, воспитательнице детсада, учительнице школы – защитившей и спасшей город и жизни блокадных детей!

ЭПИЛОГ

Одна из причин, по которой я неоднократно упоминаю в книге Д.Д. Шостаковича, состоит в том, что именно он в самый трагический первый год войны, написав свою Ленинградскую симфонию, фактически запечатлел ленинградскую оптимистическую трагедию. Он сердцем чувствовал, что Победа сил добра над силами зла неизбежна. В своей симфонии он продолжает и развивает на конкретном материале общегуманистическую линию, ярко выраженную еще Бетховеным в его Пятой симфонии: *"От мрака – к свету! Через страдания – к победе!"*, поэтому за несколько лет до победоносного окончания войны его симфония завершается победным финалом.

Вскоре после Шостаковича очередную ленинградскую оптимистическую трагедию воссоздаст в своей пьесе «У стен Ленинграда» Всеволод Вишневский. Над пьесой Вишневский начал работать еще в конце 1942 г., и 23 ноября 1943 г. она была поставлена Театром Балтфлота. Поставлена и тут же членом военного совета вице-адмиралом Н.К. Смирновым была запрещена. Размышляя над причинами запрета, В. Вишневский написал: «По их мнению, трагические дни сентября 1941 года должны выглядеть обычными, все надо «пригладить». Откровенный показ испытаний, травм, трудностей и их преодоления режет слух, бросается в глаза». И далее продолжает: «Мне казалось, что на этот раз я написал «оптимистическую» трагедию. Я думаю весь вечер, всю ночь. Надо спасти эту работу – первую значительную пьесу об обороне Ленинграда».

Трудности были и у Веры Кетлинской с ее романом «Блокада». Ее издали лишь через три года после «холодной и горячей металлообработки», в ходе которой цензоры выбросили все «мрачное», «страшное», «вызывающее тревогу». В результате такой обработки из книги исчез подлинный Ленинград. От рук цензора также сильно пострадала книга Николая Чуковского «Балтийское небо» Еще худшую судьбу постигла пьеса Ольги Берггольц «Родилась в Ленинграде», ее вообще не издали: «отпугивала острота воспоминаний, подлинная человеческая боль, отраженная в ней»[70].

Властей возмущало то, что оптимистической у указанных авторов оказывалась *трагедия*. Власти понимали, что трагичность существования ленинградцев в период Блокады не в последнюю очередь была вызвана теми ошибками, которые совершили руководители всех рангов, особенно на начальных этапах войны. Именно поэтому они всеми силами пытались убрать или значительно смягчить ту трагичность, которая была отражена в произ-

---

[70] *Солсбери Г.* 900 дней. С. 600.

ведениях лучших представителей отечественной интеллигенции. Именно поэтому был закрыт Музей Обороны Ленинграда. Именно поэтому было подвергнуто репрессиям практически все руководство, осуществлявшее Оборону Ленинграда.

Если в войну и в первые послевоенные годы возмущение вызывало то, что оптимистической была *трагедия*, то сейчас возмущение вызывает то, что трагедия осознается как *оптимистическая*. Сейчас стало «не модным» писать о героизме блокадников, а «модным» – об агонии вымирающего города. Вот, например, как восприняла мою книгу очень уважаемая мною за активную жизненную позицию председатель Общества жителей блокадного Ленинграда в Нью-Йорке Изабелла Аркадьевна Светлосанова: «...я, по-прежнему, категорически не согласна с Вами о количестве жертв блокады! Не согласна я и с Вашим названием: «Ленинградская оптимистическая трагедия». Я воспринимаю блокаду иначе - это жуткая, ни на что не похожая трагедия, в которой не слишком много оптимизма, в которой оптимизм выражался только в бесконечной вере в нашу победу! Сейчас я готовлю книгу "Дети Блокады в Америке"... Это будет обычный сборник воспоминаний, в каждом из которых есть своя "изюминка", от которой, буквально, кровь леденеет в жилах... Какой уж тут оптимизм».

Интересно отметить, что в присланной мне книге («Дети Блокады в Америке», Нью-Йорк. 2016) в одном воспоминании говорится о смерти большинства членов семьи (7 из 10), еще в одном – о половине умерших, а в 17 воспоминаний из 33, т.е. большей половине, в т.ч. и у самой И.А. Светлосановой, отмечается, что в их семьях, без учета дальних родственников, выжили все. И это только подтверждает мою правоту, что в Блокаду действительно выжило большинство ленинградцев.

Получается, что авторам, правдиво воссоздавшим Ленинградскую оптимистическую трагедию, всегда «не везет», и им постоянно достается, то за то, что в их оптимистическом повествовании не должно быть трагического, то за то, что в их трагическом повествовании не должно быть места для оптимистического. А, между тем, в Ленинградской блокадной трагедии действительно зримо присутствует оптимистическое начало. Оптимизм ленинградской трагедии, прежде всего, в том, что город выстоял и люди победили.

- В трагических условиях существования ленинградцы смогли сохранить свой любимый город для своих потомков, для всего человечества. (Города, сданные немцам: Пушкин, Павловск, Петергоф – были разрушены фашистами до основания).

- Защитив город, большинство ленинградцев (около 70%) смогло сохранить свои жизни. В городах, сданных немцам (Минск, Киев, Пушкин) погибло от 60 до 80% населения.

- В трагических условиях существования ленинградцы постоянно работали на Победу, производя колоссальное количество военной техники и боеприпасов. За дни Блокады ленинградцы смогли произвести свыше десяти миллионов мин и снарядов, т.е. *по 2 снаряда на каждого фашиста,* вторгшегося на нашу землю.

- В трагических условиях существования ленинградцы показали образцы величайших чести и достоинства, пример невиданного в истории массового героизма, невероятной стойкости населения.

Не случайно многие ленинградцы, пережившие Блокаду в детском возрасте, на всю жизнь сохранили оптимистический настрой, стойкость в преодолении жизненных преград. Это хорошо отражено в стихотворении В.Н. Номоконова. В нем автор признает, что и его также воспитала Блокада (его воспоминания о Блокаде см. на с. 115).

О жизни в блокадном Ленинграда

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил...»
М.Ю. Лермонтов. «Мцыри»

Ты хочешь знать, что делал я
В Блокаде? Жил! – и жизнь моя
Без тех великих, страшных дней,
Без испытаний и страстей
Была намного бы бедней.

Она закалку мне дала –
И я с тех пор свои дела
С большим упорством выполнял,
Охотно людям помогал
И твердость духа проявлял.

Когда же трудности встречал –
Терпеньем стойким отвечал.
Я помощь свыше призывал,
Работал, песни напевал
И никогда не унывал.

Как и почему возникает одностороннее, а, значит, искаженное представление о блокадной поре? Одна из причин этого – специфика нашего мышление, которое, как отмечал еще Гегель, не в состоянии сразу охватить противоречивую суть любого явления и события, и вынуждено сначала обратить внимание на одну сторону противоречия (тезис), затем на другую (антитезис) и только затем – на их реальное единство (синтез). Это открытое Гегелем положение безукоризненно действует в любом процессе познания.

Именно потому, что основной массе людей от природы присуща односторонность (даже философам), именно поэтому одни авторы концентрируют внимание на героическом аспекте Обороны Ленинграда, другие – на мученическом аспекте. И этому есть определенное основание. Что значат те самые 900 дней? С точки зрения условий существования они означают Блокаду со всеми вытекающими последствиями: недостаток продовольствия, отсутствие всех, даже самых элементарных, жизненных удобств, достигнутых цивилизацией, постоянные разрывы бомб и снарядов. А с точки зрения содержания эти 900 дней означают Оборону Ленинграда, оборону страны, работу из всех сил на Победу, которая в итоге и была достигнута. Условия проживания – это форма, а работа на Победу – содержание. Если описания обращены только на форму (условия проживания), но не затрагивает содержание (Оборона Ленинграда), то такие описания имеет исчезающе малое, ничтожное значения для понимания тех событий. Они, по сути, сводятся лишь к констатации общеизвестного факта о невероятно тяжелых условиях, которыми сопровождается для населения любая война, но ничего не говорят о самом главном – о том вкладе, который внес Ленинград в Победу над врагом. Доходит до сознательного сгущения красок, когда так называемые «воспоминания» блокадников превращаются в «страшилки» - кто кого больше напугает «леденящими душу» фактами из блокадной жизни.

Если же блокадный летописец обращает внимание не только на форму, но и на содержание тех дней, то ему открывается величайшая стойкость и героизм жителей Великого города, его описание неминуемо начинает приобретать оптимистическое звучание.

На Западе первым, кто воспроизвел Оборону Ленинграда во всей ее полноте, как оптимистическую трагедию, был Александр Верт, английский писатель и журналист, побывавший в 1943 г. в блокадном Ленинграде и написавший по итогам посещения книгу «Пять дней в блокадном Ленинграде». С одной стороны, он пишет о мрачных и суровых днях Ленинграда, об адских условиях работы на Кировском заводе, постоянно обстреливаемом врагом. Но, с другой стороны, книга поражает свои оптимизмом: в условиях, когда продолжаются бомбежки и обстрелы Ленинграда, ленинградские архитекторы уже думают над планами будущих застроек города.

Один из переводчиков книги, заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета, профессор Владимир Барышников рассказал о своем впечатлении об этой книге:– «Сначала, когда мне предложили включиться в работу над этой книгой, я отнесся к этой идее достаточно критически: слишком уж много в по-

следнее время стало появляться книг о блокаде, которые к правде имеют очень отдаленное отношение.

Однако уже скоро мое мнение изменилось, и я понял: несмотря на то, что книга Верта вышла в 1944 году, она актуальна по сей день. *Сегодня у нас появилось огромное количество литературы, отражающей негативный взгляд на блокаду, изображающей ее как трагедию жителей города. Но ведь было еще и другое – то, о чем как раз и написал Верт: Ленинград победил, прежде всего, потому, что люди здесь боролись за победу и главная задача была не выжить, а победить. Об этом рассказывал мне и отец, всю блокаду находившийся в Ленинграде*. (Подчеркнуто мною – В.О.)». И хотя именно благодаря книге Верта западный мир впервые узнал о подвиге ленинградцев, но на Западе она надолго осталась в тени книги Гаррисона Солсбери, больше внимания уделившего трагедии Ленинграда, страданиям жителей, и гораздо меньше, чем у Верта – подвигу ленинградцев[71].

Почему и у нас мученический аспект ленинградской эпопеи становится модным, заглушающим героическую линию Обороны Ленинграда? На мой взгляд, это происходит потому, что в нашем обществе утверждается господство «либерального» мировоззрения[72]. Первым из серьезных исследователей, кто изобразил Блокаду с позиции «либерализма» был американский журналист Гарри Солсбери, издавший в 60-е годы прошлого века свою книгу «900 дней». По сути, этой книгой американский журналист утвердил псевдолиберальную традицию описания блокадной поры на десятилетия вперед. Он еще отмечает всемирно-историческое значение Обороны Ленинграда, но главное внимание у него уделено ошибкам и трудностям руководства, страшнейшим мучениям ленинградцев. Именно Солсбери впервые употребил фразу «умерли все» - по отношению к квартире или дому блокадного Ленинграда.

Фраза «умерли все» затем так часто, даже назойливо повторялась как «либералами», так и людьми, поддавшимися моде, что когда я, не задумываясь над этим, а просто воспроизводя факт своей биографии, написал про свой род «выжили все», это встретило шквал возмущений, даже со стороны близких мне людей. Хотя нас, выживших в Блокаду, действительно было большинство.

---

[71] *Глезеров С.* Правда Александра Верта. – Санкт-Петербургские ведомости. 05.06.2012.

[72] Писатель И. П. Смирнов убедительно доказывает, что идеология «либерализма» сегодня, по сути, является господствующей идеологией в нашем обществе. См.: *Смирнов И. П.* Идеология либерализма – гимн желтому дьяволу и эгоизму / Ключъ. Философско-общественный альманах. № 8. 2015. С. 40.

Эстафету Солсбери и подхватили наши «либералы», которые еще больше, чем Солсбери, пишут об ужасах Блокады. Подобно тому, как на Западе книга Александра Верта, прославляющая героизм ленинградцев, была заглушена книгой Гаррисона Солсбери «900 дней», акцентирующей внимание на мучениях ленинградцев, так и в нашей стране, пользуясь «режимом наибольшего благоприятствования», публикации псевдо-либералов, отражающие негативный взгляд на блокадную пору, «заглушают» публикации, где воспеваются благородство, гуманизм, стойкость ленинградцев.

А ведь подвиг ленинградцев служил примером стойкости и мужества не только для всех народов Советского Союза, но и стран антигитлеровской коалиции. Не случайно за сезон 1942-43 года Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича была исполнена в США 62 раза. Даже Г. Гиммлер пытался вдохновить в последние дни войны этим подвигом берлинцев: «Мы должны защищать наш город, как русские защищали Ленинград». Но это воззвание было гласом, вопиющим в пустыне – Берлин пал на 14 день штурма. Никому и никогда в мире не удастся повторить подвиг ленинградцев!

В январе 2017 г. издательство Гарвардского университета опубликовало работу профессора Алексис Пери "The War Within: Diaries from the Siege of Leningrad" ("Война внутри: Дневники блокадного Ленинграда"). Рецензируя свою книгу, молодая профессор рассказывала, что она решила показать миру "тёмную сторону" блокадного Ленинграда. По её мнению, оккупанты и линия фронта были для жителей города чем-то далёким и нереальным. Истинную суть их жизни, по словам профессора, составляла "внутренняя война" - постоянная борьба с грызущим голодом, ненависть к соседям, набирающая обороты паранойя и своеобразные "новые стандарты", наполнившие повседневность людей. Автор с особым удовольствием рассказывает о каннибализме в осаждённом городе, не единожды упоминая "любимые места" в книге, где говорится о том, как матери поедали собственных детей. Статья А. Пери вызвала возмущение со стороны председателя организации "Жители Блокадного Ленинграда" Елены Тихомировой: «Не знаю, где и каких людей опрашивали эти англичане, в Ленинграде их не было». А депутат Виталий Милонов уверен, что автор книги – человек, выросший в среде "европейской псевдокультуры" и не способный оценить подвиг блокадников через призму потребительских ценностей. Я вынужден здесь не согласиться с обоими, поскольку описанные в рецензии факты взяты не только из тенденциозно подобранных дневников ленинградцев, но и *напрямую заимствованы из работ наших «либералов», падких на изображение «темной стороны» блокадной поры. (Я даже знаю, из каких работ).* В Мировой информационной войне, развернувшейся на наших глазах, работы наших «либералов» являются

питающей средой русофобов Запада, и мы не сможем справиться с ними, пока не разберемся со своими «либералами».

Журналист Маргарита Звягинцева в статье «Сад, изуродованный голодом. Скандальная книга Алексис Пери о блокадном Ленинграде» (ее можно найти в интернете) пишет: «Голод, дистрофия, моральная деформация, разрушение личности и падение на дно — примерно такой путь проходит обычный блокадник по "летописи" Пери... Однако "светлая сторона" в книгу Пери не вошла. Совсем... Ни о каком подвиге блокадников прочитавший книгу европеец не узнает — в столь изуродованном мире места подвигу просто нет». Поэтому не может не вызвать недоумение присуждение за эту книгу А. Пери книжной премии Пушкинского дома за 2018 г.

Я отношусь к последнему поколению ленинградцев, которые еще помнят Блокаду и которым есть, что сказать. Надо, наконец, дать отпор все большему очернительству величайшего подвига жителей великого города. Псевдо-либералы не только Дорогу Жизни переименовывают в дорогу смерти, но и саму Блокаду пытаются представить как торжество СМЕРТИ, идя напролом против исторической ПРАВДЫ, поскольку главным содержанием Блокады была ЖИЗНЬ, и именно любовь к жизни, ненависть к врагу и уверенность в победе помогли ленинградцам стойко вынести невыносимые условия существования и победить. Поэтому именно это, а не «темная сторона», является главным содержание Ленинградской Блокады!

В 1945 году закончилась война и одновременно закончилось мое пребывание в детском саду. В том году я пошел в первый класс. К сожалению, у меня нет фотографии, как мы, дети Ленинграда, идем в школу, и я воспроизвожу здесь фото, как дети Сталинграда в 1945 году впервые идут в школу. Наверняка и мы с портфелями и сумками шли так же. Ведь по трагизму, по мощи сопротивления, по одержанной победе эти города-герои во многом были идентичны. Ленинградцы, в том числе и мои родные, в мучительных условиях сделали все, чтобы защитить город, защитить страну, защитить наши жизни, чтобы мы, дети Блокады, в год Победы вот такими счастливыми могли пойти в школу.

Низкий поклон героическим защитникам Великого города!

ОТЗЫВЫ НА ПРЕДЫДУЩИЕ ИЗДАНИЯ КНИГИ «МЕНЯ ВОСПИТАЛА БЛОКАДА»

– Книга читается на одном дыхании. Автор отошел от обычных штампов (вода из проруби, саночки с трупами, «мертвые» трамваи и т.п.), представив оптимистическую сторону блокадной жизни, в которой была и музыка, и стихи, и любовь... И это, конечно, правда, иначе не было бы Победы ленинградцев!

П. П. Царенко, профессор СПбГАУ

– Много есть книг о войне, но эту отличает то, что она написана с душой, при чтении ее возникает сопереживание, поэтому читается она очень легко, с радостью.

Г. С. Моисеев, *председатель общественной палаты города Каменск-Уральска Свердловской области*

– У меня много книг про Блокаду, но эта отличается от них – в ней показано, как культура и искусство, подпитывая души ленинградцев, помогли им вынести невыносимые условия существования.

Л. Н. Захаров, директор ХИМИЗДАТа, редактор книги

– Книга захватила мое внимание сразу. Но первое чтение было ознакомительным. По-настоящему ее глубину ощущаешь лишь при повторном чтении. Рекомендую каждому прочесть ее дважды,

В. Н. Номоконов, житель блокадного Ленинграда.

– Ваша книга уникальна. Уникальна тем, что является рассказом очевидца о Жизни, оказавшейся в экстремальных условиях, – является свидетельством того, что Жизнь вопреки всему, несмотря на все усилия подавить её, берёт своё и побеждает. В книге четко проявляется реалистическая философия, дающая целостное мировидение.

Ростислав Дижур, писатель, Нью-Йорк, США

– Книга показала, что Вы состоявшийся писатель. У Вас очень крепкое, меткое слово. Вы смогли написать о Блокаде не только правдиво, но и красиво. При чтении книги от нее веет музыкой.

Т. А. Рущина, ответственный секретарь Санкт-Петербургского философского Общества

– Взяла книгу с собой в дорогу в поездку в Кисловодск. В один из вечеров к нам в гости пришли ребята – друзья друзей, все местные. И тут я предлагаю прочитать вслух отрывок из книги о музыке в блокадном Ленинграде. Парень на гитаре перестает играть, а парни с пивом больше до конца вечера так к нему и не притронулись... Все поблагодарили за прочтение, вечер приобрел ОБЩИЙ смысл. И в конце 4 человека независимо друг от друга выразили пожелание срочно прочитать эту книгу.

Алина Абдрахманова, аспирант СПбГАУ

– С большим интересом прочла Вашу книгу. Признаться честно, у меня тоже возникали сомнения: “А оправданы ли те жертвы, которые несло мирное население Ленинграда?” После прочтения Вашей книги сомнений нет – Ленинград должен был выстоять и он выстоял! Очень понравился мне стиль написания книги. Четко, конкретно, с достоверными фактами, местами хлестко и одновременно душевно с любовью к родным и в целом к городу и его жителям (никто так не любит свой город, как ленинградцы). От кого молодежь будет знать историю, как не от вас – непосредственных участников тех лет. Может поэтому в вас столько решимости, справедливости и достоинства.

О. П. Стружкова, госслужащая, Вологодская область

– У вас писательский талант. Я плакала от переполненных чувств, читая Вашу главу об общении с природой в блокадном Ленинграде. Вы привели такие мощные аргументы в пользу того, что город нельзя было сдавать врагу, что я думаю, их уже никто не сможет опровергнуть. Книга подкупает своей правдивостью.

С. Бланк, писатель, Нью-Йорк. США

– Валерий Леонидович пишет о блокаде совсем с новой для меня точки зрения. Что я себе сразу же представляла при слове "блокада Ленинграда"? Да всегда одно и тоже: зима, санки с бидончиком воды или трупом, в комнатах холодно, топить нечем, одетые во всё, что есть, люди лежат и умирают от голода. Иногда я останавливала картинку и спрашивала сама себя: а лета во время блокады не было что-ли? И Автор книги задается тем же вопросом и делает передо мной буквами небывалые чудеса. Сказать, что он открыл мне глаза на эту страшную страничку - это ничего не сказать. Я уважала подвиг ленинградцев, а теперь я ещё что-то такое к своему отношению прибавила, чему даже не знаю названия. Ленинград не только умирал и голодал. Ленинград, оказывается: производил военную технику, которую ещё и отправлял на фронт, и в победах под Москвой и Сталинградом есть и ***вклад блокадников Ленинграда****! Ленинград поддерживал и продолжал производить Культуру на весь Союз, оставаясь верен своему Высокому Долгу. Чего только стоит эпизод книги о юбилее (800-летие) Низами! Ленинград умирал, но жил. Он жил! Ленинград по прежнему выдавал свой уголь на гора: Шостакович, оставаясь внутри Ленинграда, написал свою Седьмую симфонию. Мало того: она была исполнена на весь Союз!* ***ИЗ*** *блокадного Ленинграда! Автор книги приводит письма своего дяди, больного туберкулезом, к маме. В них дядя благодарит маму за посылку и за деньги. И автор указывает: посмотрите, посылка и деньги шли* ***ИЗ*** *блокады!*

Взгляд этого замечательного автора и вообще вся книга - это вот как мой блог, один в один. Мы бедные, да. Мы в блокаде, да. У нас всё очень нехорошо и даже хуже. Но мы не умираем, мы - живём! ***Книга у меня, настоятельно рекомендую взять её у меня для почитать.***

Ополченцы брали с собой в окопы - вон как затёрли. Все пришли не в восторг, а что-ли в надежду, гордость, - люди мои дорогие! Надежда, вера, жизнь - это великая магия! ***Нас не победить, пока мы живём здесь, внутри, а не умираем!***

Блогер из Донецка.
ДНР. Журнал: http://kotya-13.livejournal.com/

– Профессор Обухов, не избегая тяжелого и трагического, ***видит глазами ребенка и глазами мыслителя и другую сторону блокадной жизни*** *- её духовно-нравственные и художественно-эстетические (да, именно так!) проявления. Обобщая статистические данные о погибших и, главное, выживших в Блокаду, он приходит* ***к потрясающему выводу: большинство ленинградцев выжило в Блокаду,*** *как выжили его отнюдь не привилегированные родственники и родственники его друзей и знакомых! Поэтому мне понятен праведный гнев Валерия Леонидовича, связанный с писаниями, где нагнетается атмосфера беспросветного мрака и ужаса жизни в блокадном Ленинграде. Он доказательно спорит в своей книге с сановитыми известными авторами, опровергая их мизантропско-пристрастные взгляды.*

В.Е. Семёнов, доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России. СПбГУ.

–Книга уникальна тем, что Валерий Леонидович Обухов, которому к началу Великой Отечественной войны едва исполнилось 3 года, показал влияние неимоверных испытаний на становление и закалку духовного стержня своей личности, что отражено в названии книги. Период блокады в истории Ленинграда показан в книге как время взлёта духовной мощи людей в нечеловеческих условиях телесного существования.

В книге, словно гимн Жизни, автор показал детское восприятие одухотворённости Природы, её целительную подпитку, её волшебную животворящую силу, позволившую ленинградскому малышу преодолеть все выпавшие на его долю, на долю его города испытания.

В книге отражены размышления о соборности, как основополагающей ценности Русской цивилизации. Наиболее яркими результатами совместного Труда ленинградцев стали:

- обустройство Дороги жизни по льду Ладожского озера;

- проведение трубопровода длиной 30 км по дну Ладожского озера для снабжения топливом электростанций и военных предприятий;

- производство танков и других видов вооружения для фронта;

- возобновление движения трамвая 15 апреля 1942 года;

- создание кооперативов по выращиванию овощей;

- сдача 144 тонн крови для спасения раненых бойцов;

- продолжение работы школ, вузов, библиотек, кинотеатров;

- 36-километровый железнодорожный путь, проложенный за 18 дней сразу после прорыва Блокады для связи Ленинграда с Большой землей.

Одним из наиболее сильных эпизодов книги является свидетельство о том, что в период блокады в детском саду пели и плясали русские

народные песни, и все девочки – в сарафанах, а мальчики - в вышитых рубахах (см. фото, с.70).

Содержание книги Валерия Леонидовича Обухова «Меня воспитала блокада» в образовательных и воспитательных целях рекомендуется включить в музейные экспозиции, также рекомендуется проводить работу по ознакомлению с книгой школьников и их родителей.

М.Н. Миловзорова, канд. филос. наук, доцент Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова.

– С большим интересом прочитал книгу Валерия Леонидовича Обухова. В книге В. Обухова не темы смертей и физиологических страданий на первом месте, а огромная любовь к жизни, к людям, к природе, к музыке и искусству, к родному городу, Отечеству. Этому посвящены многие страницы книги («Музыка в блокадном городе», «Искусство и культура в блокадном Ленинграде», "Общение с природой", «Ещё раз о музыке»...) Всё это помогло городу выстоять, сберечь многие жизни и победить. Автор приходит к важному выводу: большинство ленинградцев, 70%, выжило. Это вопреки утверждениям «либералов» о том, что если бы город был сдан врагу, то жертв можно было бы избежать. В городах, которые удалось захватить врагу, например Киев, Минск, Пушкин, жертв было значительно больше – от 60 до 80%. Вот так!

Книга В.Л. Обухова небольшая по объёму, но в ней – ответы на вопросы, имеющие прямое отношение к Блокаде: «Почему Ленинград оказался единственным городом в мировой истории, выдержавшим Блокаду и победившим?», «В чём состоит всемирно-историческое значение обороны Ленинграда?». Книгу отличает и то, что она написана хорошим русским языком, по своему жанру принадлежит к художественно-документальной прозе. Её интересно читать – и по этой причине.

Замечу только следующее – в упрёк существующей теперь в нашей стране системе книгоиздания. «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина вышла в свет пятым изданием в 1989 г. тиражом в 100 000 экз. В ней, напомню, принижено величие подвига ленинградцев, а на первом месте страдания и смерти защитников города. Тираж замечательной книги В. Обухова всего лишь в 200 экз. (?!). Что тут сказать?...

Вячеслав Булгаков, член Союза писателей России, канд. истор. наук.

– В приведенных отзывах каждый пишет по-своему, индивидуально, но все вместе поддерживают жизнелюбивую позицию автора. Полифония разновидения наилучшим образом отражает симфонию единодушия народных глубин, поднимающихся в годы трагических испытаний.

Автор, будучи известным ученым, возродившим реалистическую философию, утверждающую единство материи и духа, сумел показать одновременно и трагические условия бытия в Блокаду, и светлые, вдохновенные отношения к человеку, природе, искусству, к своему Отечеству. Именно всесторонне и с душой описанная блокадная пора определяют уникальность книги и вызывают к ней симпатии читателей.

Лидия Ивановна Сугакова, житель блокадного Ленинграда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Зачем написана эта книга?..... 3
МОЯ РОДОСЛОВНАЯ..... 4
РОДОМ ИЗ ПЕТРОГРАДА..... 4
ПОЛЬСКИЕ КОРНИ..... 9
РУССКИЕ КОРНИ..... . 11
1941 год..... 13
ДОВОЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ..... 13
ПОПЫТКА ЭВАКУАЦИИ..... 14
МОЖНО ЛИ БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ БЛОКАДЫ?..... 16
СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ЗИМОЙ 1941–42 ГГ..... 23
125 ГРАММ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ..... 29
ИТОГИ ПЕРВОЙ БЛОКАДНОЙ ЗИМЫ..... . 35
1942 год..... 42
ВЕСЕННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ..... 42
ДОРОГА ЖИЗНИ..... 48
ЛЕНИНГРАДСКИЙ МЕТРОНОМ..... 52
МУЗЫКА В БЛОКАДНОМ ГОРОДЕ.....
554
1943 год..... 61
МОЙ НОВЫЙ САДИК..... 61
ЛЮБИМЫЙ ГОРОД МОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО..... 64
ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ 67
ОБЩЕНИЕ С ПРИРОДОЙ 82
1944 год..... **86**
САЛЮТ ПОБЕДЫ..... 86
МОЙ ДЯДЯ, ИЛИ КАК ЛЕНИНГРАДЦЫ СТРАДАНИЯМ ТЕЛА ПРОТИВОПОСТАВЛЯЛИ РАДОСТЬ ДУХА..... 93
ОТНОШЕНИЕ К БОГУ..... 103
ЕЩЕ РАЗ О МУЗЫКЕ..... 104
1945 год..... 106
МОЙ РОД: ВЫЖИЛИ ВСЕ!..... 106
КАК ЛЕНИНГРАДЦЫ СМЕРТЬ ПОБЕЖДАЛИ.....113
ПОЧЕМУ ЛЕНИНГРАД ОКАЗАЛСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ГОРОДОМ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ, ВЫДЕРЖАВШИМ БЛОКАДУИПОБЕДИВШИМ?..... 125
РУССКИЕ НЕ СДАЮТ КРЕПОСТЕЙ..... 127
ИСТОКИ МАССОВОГО ГЕРОИЗМА ЛЕНИНГРАДЦЕВ..... 128
А) Русский патриотизм 130
Б) Революционный порыв.....131
В) Советская организация 132
Г) Культурная среда 136
В ЧЕМ СОСТОИТ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБОРОНЫ ЛЕНИНГРАДА?..... 139
ЭПИЛОГ..... 140

ОБУХОВ Валерий Леонидович,
доктор философских наук, почетный профессор
Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
Сайт: realfil.com

МЕНЯ ВОСПИТАЛА БЛОКАДА
(Герои, музыка и природа в блокадном Ленинграде)

Редактор *Л. Н. Захаров*
Художник *О. В. Граблевская*
Компьютерная верстка *Т. М. Лебедевой*
Хранитель архива рода Кутьиных *Т.А. Мелехова (Кутьина)*
Восстановление старых фотографий *Даниил Сафронов*
Консультант по детству *Елисей Обухов*

Подписано в печать 11.1.19. Формат бумаги $60 \times 88^1/_{16}$.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5 Уч. изд. л. 9,7
Тираж 100 экз.

ХИМИЗДАТ
191023, Санкт-Петербург, Апраксин пер., 4
E-mail: chimizdat@yandex.ru

Отпечатано с PDF-файла
в типографии ООО «Гамма»,
СПб, наб. Обводного канала, 87.